

современная

зарубежная

повесть

Петр ПАВЛИК

РЕКА

90 коп.

Издательство "Радуга"

Москва

* современная
затрубежная
повестъ

Petr PAVLÍK

ŘEKA

Praha 1982

Петр ПАВЛИК

РЕКА

Повесть

Перевод с чешского В. ПЕТРОВОЙ

РАДУГА 1986

ББК 84.4Че
П12

Предисловие И. Бернштейн

Редактор Л. Ермилова

П. Павлик

П12 Река: Повесть./ Пер. с чешск. В. Петровой; Предисл. И. Бернштейн.— М.: Радуга, 1986.— 232 с.— (Современная зарубежная повесть).

Петр Павлик (род. 1933) — чешский писатель, серьезно заявивший о себе в 70—80-е годы. Место действия повести — Шумавские горы, время действия — первые послевоенные годы, начало кардинальных перемен в жизни Чехословакии. Герой повести — бывший кустарь Ян Амброж — активно включается в строительство новой жизни, хотя путь его не прям и не прост, скорее драматичен.

Проблема отношений человека и природы сочетается в повести с острыми общественными и личными конфликтами.

П 4703000000-329 23-86
030(05)-86

ББК 84.4Че
И(Чехосл)

© Petr Pavlík 1982

© Предисловие и перевод на русский язык издательство «Радуга», 1986

ЧЕЛОВЕК И РЕКА

В повести чешского писателя Петра Павлика «Река», собственно, два главных героя — кузнец Ян Амброж и река, на которой он вырос, энергия которой движет молот в его кузне. И человек, и река изображены глубоко и проникновенно. И крутой нрав Амброжа, порой мешающий ему находить взаимопонимание с окружающими, и опасный нрав реки, то ласковой, а то неукротимо яростной, предстают перед нами и в неизменной своей сути, и в текучей изменчивости.

Существует множество литературных произведений, в которых природа составляет живописный фон действия и аккомпанирует чувствам и переживаниям героев. Иное место занимает река в повести Павлика. Не случайно читатель так и не узнает название реки, на берегу которой ютится селение Брудек. Это просто Река (так и хочется писать это слово с прописной буквы), особое, почти живое «существо», и отношения с ним героя столь же драматичны и конфликтны, как и его отношения с окружающими людьми. В них и любовь, и ненависть, и благодарность к кормилице, и извечное стремление побороть неукротимого противника, навязать ему свою волю. Это любовь-борьба, любовь-поединок.

Такой ракурс запечатления природы обычно не свойствен тем писателям, которые обзревают ее главным образом из окон городских квартир. И действительно,

Павлик почти всю жизнь живет в Шумавских горах. Педагог по профессии, он занимался преподаванием, затем работал в речной инспекции в тех же родных местах. Ему не понаслышке известны особенности бурных шумавских рек. И шумавская природа — леса, горы, особенно реки — один из главных персонажей книг Павлика. В Шумавских горах разворачивается и действие повести «Река».

Петр Павлик (род. в 1933 г.) — имя сравнительно новое в чешской литературе. Он публиковал рассказы, очерки в различных периодических изданиях с конца 60-х годов, но серьезное внимание читающей публики и критики привлекли его повести (их можно назвать и небольшими по объему романами) «Буря» (1981) и «Река» (1982). Отношения человека и природы, эта бесконечно важная для современного человечества, огромная тема каждый раз по-своему, но всегда драматично раскрывается в произведениях чешского писателя. Он подходит к ней не только, вернее, не столько как сердобольный любитель природы, но и как человек дела, кровно озабоченный и ее сохранностью, и увеличением той пользы, которую она должна приносить людям.

В предисловии к книге «Буря» П. Павлик так формулирует свое кредо: «Написать эту книгу меня заставил не один лишь страх за Шумаву, на лике которой цивилизация и прогресс оставляют жестокие следы, но и несогласие с двумя противоположными взглядами на природу — с легкомысленной беспощадностью по отношению к ней и с попытками создать некое музейное хранилище природы. Обе эти крайности одинаково опасны. Природа должна поддерживать нашу жизнь, и обязанность людей — находить такой подход к ней, чтобы сохранилась и она, и человек».

Именно эти тревожные размышления и вдохновляли писателя при создании не только «Бури», но и данной повести.

Время действия ее первой части — «Уход» — послевоенные годы. Ян Амброж унаследовал свою небольшую кузню, работавшую на водной энергии, от отца, а тот — от своего отца. Он принадлежит к той вымирающей породе ремесленников, которые передают в своем роду из поколения в поколение традиции и секреты мастерства, гордятся своим делом, не мыслят своего существования без любимой работы.

Мы нередко говорим о том, как важно изображать человека в труде. Повесть Павлика можно отнести к лучшим произведениям такого рода в чешской литературе. Тяжкий, напряженный труд, с которым герой справляется один, — это его поле боя, на котором он выступает словно легендарный воитель, способный один на один победить целую неприятельскую рать. Недаром, изображая кузнеца за работой, автор находит поэтические обороты, более близкие к фольклорной легенде, чем к рассказу о нашем веке: «Река крутила водяное колесо и приводила в действие молот, под тяжкие удары которого Амброж подсовывал, поворачивая с боку на бок то одной стороной, то другой добела раскаленный, оживший кусок металла, повторяя в миниатюре сотворение мира и всего того, что рождается в огне. А потом шипение воды в широкой лохани и чудо созидания в пламени, сопровождаемое гейзером искр. Словно новоявленное творение льет огненные слезы, навсегда пробуждает в себе душу живую. И все! Конец! На кучу готовых изделий падает еще одно».

Неудивительно, что такую большую роль играют в жизни Амброжа отношения с рекой, требующие неусыпной бдительности и готовности противостоять ее каверзам. И не случайно Амброж как бы наделяет реку характером и чувствами живого существа. Недаром после очередного опустошительного разлива реки ему кажется,

что она, войдя в свои берега, как бы извиняется перед ним за все содеянное.

Действие повести как раз и начинается с одного из самых драматичных столкновений человека и реки, когда ее воды вышли из своего русла и затопили долину, когда она «хищно заполоняла все и как будто стремилась проложить себе дорогу под балками кузни». В тот бурный вечер река отнимает у Амброжа жену, погибающую во время наводнения. И хотя он потом слышит в монотонном шуме реки извинения, а может, и сочувствие к его беде и даже «прощает» ее, но все же потеря жены болезненно нарушает его жизненное равновесие.

Упорное единоборство с трудностями вырабатывает в героя силу и сознание собственного достоинства, закаляет его, как сам он закаляет в своей кузне металл. Однако это же одинокое противостояние стихии делает его непокладистым в отношениях с людьми, нетерпимым, негибким, придает ему отчасти те качества, которые мы привыкли называть «индивидуализмом».

Для Амброжа, с его привычкой жить особняком, с его страстным, неукротимым характером, смерть жены, бывшей ему доброй и кроткой подругой, спасавшей от одиночества и смягчавшей его крутой нрав, — не только тяжелое горе. Утрата близкого человека ставит героя перед необходимостью решать трудные и чреватые конфликтами жизненные проблемы. Тем более что дочь Яна вскоре после смерти матери выходит замуж и он остается совершенно один.

Повесть Павлика построена так, что автор показывает все происходящее главным образом через призму восприятия героя, старается не выходить за круг его знания и понимания. Во внутренний мир других персонажей автор не заглядывает. Это придает некоторую «загадочность» их поведению (тут один из источников острой сюжетности книги). И это же позволяет автору сосредото-

точиться на переживаниях и душевном мире главного героя, глубоко проникнуть в него, раскрыв и силу и слабость Амброжа, и жестокое борение в нем чувств.

Отношения с людьми складываются у Амброжа трудно и мучительно, хотя это человек чрезвычайно благородный и душевно богатый. Тонко и безошибочно разбираясь в малейших «настроениях» реки, он гораздо хуже понимает людей, и в частности тех женщин, с которыми его после гибели жены сводит судьба. Ни успокоения, ни радости не приносит Амброжу новое сближение с его первой любовью — Розой. Много лет батрачившая на мельнице, Роза одержима идеей стать там хозяйкой, женить на себе расчетливого и коварного мельника. И во имя этой мечты она отказывается от своей любви к Амброжу. Другая женщина, вставшая на его пути, Мария, кроткая и самоотверженная в отличие от норовистой и своекорыстной Розы, — замужем. И хотя она искренне полюбила Амброжа и сумела пробудить в нем ответное чувство, но их тайная связь только осложняет положение Амброжа. Тем более что муж Марии, Кришпин, — секретарь сельского совета. Герой мечется между двумя женщинами, вызывая неприязнь Кришпина и мельника, и попадает в крайне тяжелую ситуацию, потому что и мельник и Кришпин как бы воплощают те силы, между которыми надо сделать выбор герою для того, чтобы определить свой путь в жизни.

Хотя, как уже говорилось, П. Павлик ограничивает изображаемое кругом восприятия Амброжа и избирает лейтмотивом его «взаимоотношения» с рекой, он, однако, не следует примеру тех авторов, которые оставляют героя, так сказать, наедине с природой и со своими эмоциями, отгораживая его от общественной жизни, авторов, у которых социальное оттесняется естественным. В центре внимания Павлика — и в этом он не отличается от большинства чешских писателей, обращавшихся к тому же

историческому периоду,— острейшие общественные конфликты, сотрясавшие его родину в ту пору, в годы, когда страна вступала на путь социалистического развития. В Чехословакии, стране, где во времена буржуазных порядков ремесленники и владельцы небольших предприятий представляли значительный процент населения, социалистические преобразования, положившие конец частному предпринимательству, порой проходили трудно и влекли за собой острые столкновения и немало человеческих трагедий. Для Яна Амброжа наследственная кузня, где он работает своими руками, буквально надрываясь ради более чем скромного достатка,— это его жизнь. И новые времена, ведущие к уничтожению мелкого промысла, грозят отнять у него самое дорогое.

В то же время в Амброже сильны и инстинкт труженика, не доверяющего богатеям, и вера в наступление более справедливого социального устройства. А главное, новые времена пробуждают в герое надежду на осуществление его давнишней мечты, опять-таки касающейся реки. Он давно уже предлагал построить плотину, чтобы укротить непокорные ее воды, постоянно угрожающие благополучию деревни, но это предложение в прежние времена оказывалось неосуществимым из-за столкновения частных интересов. И Амброж согласен расстаться со своей кузней на реке ради осуществления этой смелой мечты, ради общей победы над силами природы. По всем этим причинам кузнец искренне готов не только принять новые порядки, но и активно участвовать в строительстве нового. Однако путь его оказывается непрямым и полным драматизма. Причина этого не только в непокорном, не склонном считаться с обстоятельствами характере Амброжа, но и в исключительно неблагоприятном для него сплетении обстоятельств. По самому своему характеру Амброж не мог не вступить в конфликт с местным начальником Кришпином, карьеристом и верхоглядом,

старающимся поскорее выслужиться перед новой властью, а потому не приемлющим идеи Амброжа насчет строительства плотины — слишком оно трудоемко. А ведь создание кооператива на берегу еще не обузданной реки, которое Кришпин прищипоривает всеми правдами и неправдами, — скороспелая затея. Естественно, что конфликт обостряется из-за отношений Амброжа с женой Кришпина Марией, но и без этого он был неизбежен. Еще более драматичны отношения героя с мельником, ненавистником новой власти, носителем идеологии воинствующего собственничества. Конечно, и этот конфликт усугубляется из-за ревности мельника. Мельник укоряет Амброжа в том, что он пытается занять место где-то «посередке» между враждующими сторонами. Но Амброжу меньше всего свойственна такая половинчатость. Просто он еще движим своими спонтанными, как речная стихия, чувствами, еще не умеет укротить их ясным сознанием, и это своеволие эмоций сродни своеволию неукротенной реки, энергия которой еще не подчинена людям.

Но во времена общественной борьбы позиция «над схваткой», как известно, нередко ведет к трагедии. Не миновала эта участь и Амброжа. Происходит покушение на Кришпина, совершенное, как потом выясняется, мельником, но подозрение падает на кузнеца. Только тут понимает Амброж, во что обойдется ему отъединенность от людей. Хотя арестованного кузнеца освобождают за недоказанностью вины, все в деревне считают его виновным. Глубоко оскорбленный, покидает он родные места и надолго исчезает из поля зрения односельчан.

Если бы Павлик хотел написать объемный, многоплановый роман с разветвленным действием, он подробно рассказал бы о том, что произошло в Брудеке за те двадцать лет, которые отделяют первую часть повести от второй. А произошло немало, как и во всей Чехо-

словакии, преодолевшей трудности первых послевоенных лет и уверенно пошедшей по социалистическому пути. Обитатели низины теперь перебрались в заново отстроенные дома подальше от реки, коллективное хозяйство, оправившись от ущерба, нанесенного поспешными действиями Кришпина, набрало силы и стало для людей привычной формой жизни. Можно было бы написать немало глав и о перипетиях в судьбе Амброжа за эти годы.

Но Павлик строит свою книгу иначе. О трудовых успехах Амброжа на строительстве многих плотин он лишь упоминает, да и сам герой обо всем происшедшем в родных местах и о том, что его заветная мечта — обуздать реку — близка к осуществлению, знает больше по газетным сообщениям.

Лаконичный драматизм повести порожден не только ее «центростремительной» сосредоточенностью на внутренней жизни главного героя, но и — при всей полнокровной достоверности ее реалий — близостью к притче. Недаром так «симметрично» выстраивает Павлик конфликт в произведении (отношения Амброжа с Розой и Марией — с мельником и Кришпином). Это же композиционное начало находит свое выражение и в «симметричных» заголовках двух частей: первая — «Уход», вторая — «Возвращение».

Временная протяженность действия второй части — немногим больше суток. И снова все внимание автора сосредоточено на мыслях и поступках героя, вернувшегося домой после многолетнего отсутствия. Конечно, Амброж хотел бы очиститься перед односельчанами и близкими, которые все еще подозревают его в том покушении. Но не это для него теперь главное — не людской суд, а собственная совесть и дела определяют человека. Так он объясняет свою позицию встреченному в родной низине молодому археологу, можно сказать, из рук одно-

го поколения в руки другого передавая выверенную жизненным опытом истину.

Амброж вернулся на родину с особой целью, которая опять-таки касается его «взаимоотношений» с рекой. Он решил еще раз спуститься на плоту вниз по течению, как много раз спускался вместе с отцом в юности, и попрощаться с рекой, в последний раз одержать верх над неукротимым противником, показав и себе и ей, что он прожил жизнь хозяином своей судьбы, не поддаваясь ни стихии неблагоприятных обстоятельств, ни стихии природы.

Впрочем, как всегда у Амброжа, в его чувстве к реке присутствует некая двойственность: его цель — не только вознестись над противником, но и воздать дань уважения и любви другу и кормилице. Именно ради этого задумано героем почти непосильное для старого человека путешествие по реке. К лучшим страницам книги принадлежат эпизоды неспешной, продуманной до деталей подготовки Амброжа к своему последнему сражению-паломничеству. Он разбирает кровлю кузни, используя ее бревна для плота. Так он прощается и с кузней, которая все равно уже отжила свое, и с предками, на совесть тесавшими каждое из этих бревен. Им теперь назначено проплыть тот же путь, который Амброж со своим отцом, а тот — с его дедом одолевали каждую весну, гоня плоты по реке. В этих действиях Амброжа ощутима своего рода ритуальная значимость. Старый кузнец, готовящийся к своему последнему сражению, напоминает Старика в повести Хемингуэя «Старик и море», так же неуклонно стремившегося доказать и себе и стихии, что если даже его старческих сил не хватит для борьбы, то духовной силы и отваги у него достаточно.

Но чешский писатель не ограничивается романтическим противопоставлением Человека и Реки, как это делает Хемингуэй, столкнувший в смертном поединке

Старика и Море.

В судьбе Амброжа поединок с рекой оказывается своего рода проекцией его отношений с окружающими людьми. История реки, ее укрощения преподала герою урок, который помог ему отыскать собственную линию поведения в общественной среде. Поняв, что ее законы следует уважать, как и законы среды естественной, он освобождается от своего индивидуализма. Таким особым, но заданным всеми жизненными обстоятельствами путем герой Павлика приходит к новой социальной действительности и вливается в нее.

Может быть, разрешение некоторых личных конфликтов (отношения с дочерью) дается в конце повести несколько поспешно, но и романтический пафос любви-поединка человека и природы, и связанное с этим утверждение подлинных этических ценностей как величайшего человеческого богатства переданы сильно и выразительно. Сочетая проблему отношения к природе с острыми социально-этическими конфликтами, Петр Павлик создал повесть поэтичную и значительную. В ряду современных литературных произведений, посвященных отношениям людей к сфере своего обитания, о которых человечество вынуждено все серьезнее задумываться, книга «Река» занимает свое достойное место.

И. Бернштейн

Часть I
УХОД

Вода неспешно опадала. К утру горы, стоявшие стеной вокруг низины, уже могли любоваться своим отражением лишь в лужах, там и тут разбросанных по лугам и полям. Белые чайки с воплями шныряли от одного блестящего оконца к другому и, стремительно бросаясь вниз, когтили рыбу, которую так далеко от реки зашвырнул летний паводок.

Птичий хохот с издевкой долетал до самых отдаленных домов Брудека. Утреннее солнце высветило нанесенный рекой ущерб и разрушения в садах, хлевах и на стенах строений. Дорога на самом дне низины была размыта. Мокро поблескивали обнажившиеся камни. К кольям загородок липли клочья набухшей травы и сена. Люди метались, не зная, за что хвататься, с чего начать. Испокон веку живя в этой низине, они еще от предков унаследовали к реке обиду. Уж такая это река! Что ни год, оставляя свое русло, выходит она из берегов, затопляя долину. Иногда сметая все на своем пути, другой раз лишь погрозив, постращав, но не отважившись ринуться дальше, напоминая, что для этого у нее впереди еще месяцы и годы.

В стороне от остальных строений, выше

по реке, обсыхали стены кузни. Наполовину рубленая, наполовину из кирпича, она стояла хутором на самом берегу. Вода катила сюда мощными валами по отводу и хищно заполняла все, как будто стремилась проложить себе дорогу под балками кузни. Она стояла высоко над полом и слизывала паутину и накопившуюся за долгие годы копоть и, омыв бетонную ногу большой наковальни, с грохотом перекатывала разбросанные куски металла и тяжелые инструменты, будто играя на каменистых порогах. Кузня и дом кузнеца принимали незваную гостью частенько, чаще всех остальных в Брудеке. Тем, кто селился подальше от берега, река лишь угрожала.

Стая чаек, поживившись на заболоченных лугах, возвращалась. Кузнец Ян Амброж раздраженно следовал взглядом за приближающимися к реке птицами. Их надсадные крики бесили его. Отшвырнув багор, он устало опустил на ступеньку у самого порога дома. Так высоко вода забиралась редко. А ведь прадед Яна ставил этот дом на надежном фундаменте. Поколения кузнецов знали прихоти и силу воды, коль уж заставили ее приводить в движение большой кузнечный молот.

Амброж сидел на пороге и с тоской оглядывался вокруг. Чайки исчезли за излучиной, у мельничной запруды. Над лесом поднимался парок. Деревня громыхла лопатами и кирками. С того берега спустился ястреб и закружил, разведывая и изучая. Картина вполне мирная, будто ничего не стряслось.

Наконец Амброж осмелился взглянуть на воду. Река уже вернулась в свое русло, заняла

привычное место. И кузнецу вдруг послышалась в ее монотонном шуме просьба о прощении, а может, и сочувствие к его беде.

До своих сорока он ни за что бы не поверил, что когда-нибудь река станет его врагом. Он вырос на этой реке. Знал все ее капризы, каждый камень на дне, тихие заводи и водовороты, берега с вечно шуршащим камышом. Здесь танцевали, вода хоромовы, стрекозы, устраивали гнезда утки, рыли норы выдры и водяные крысы. Он знал места, где мечет икру крупная рыба, и помнил рассказы деда о ежегодном нересте лосося. Знал весь долгий путь реки вниз, потому что испокон веку здешние кузнецы бывали и плотогонами.

Амброж крепко зажмурил веки, чтобы чем-нибудь не вспугнуть свои видения. Конечно, за эти годы река сделала ему немало добра. Но недолго смог он удержать свои мысли в той дальней дали. Не получилось. Снова перед его внутренним взором ожили часы, когда с гор налетели черные тучи и хлынул ливень. Лило без ветра, без грома и молний. Теплый дождь благоухал подсыхающим сеном и травой. Река быстро мутнела от несшихся в нее набухших горных потоков. Берега стали тесными. Он проверил щиты у отвода. Граблями выбрал из лотка сучья и траву. Вода наступала, вот она выхлестнулась из берегов и помчалась к кузне. Амброжу пришлось отступить. Он кинулся в дом, смирившись с этим летним разливом реки. Ничего особенного. Все как обычно, что тут поде-лаешь. Остается лишь, набравшись терпения, ждать да поглядывать на небо.

Рев взбесившейся реки показался ему опасным, лишь когда он обнаружил, что жены нет дома. Дочь смотрела на него испуганно. Полураздетая, она суежилась в темноте среди развешанной над печкой промокшей одежды. Стыдливо прижав руками подол нижней юбочки, она в отчаянии зашептала, что с мамой нет никакого сладу. Бросилась на луг, тот, за мостками, где оставалась последняя копейка сена.

Ян выругался. Выскочил на порог в шум и всплески дождя, в громовые раскаты воды, катящей все дальше и дальше от берегов на низину.

Амброж по колено в воде одолел ступеньки и, ослепнув от бьющего в лицо дождя, побрел, погружаясь все глубже в грязный поток. На покрытой водой тропинке он, чтоб не снесло, держался за ветки верб. Пробирался вперед медленно и трудно, то и дело спотыкаясь и падая. Чем выше поднималась вода, тем чаще приходилось отступать на шаг, на два. Амброж набрал в легкие воздуха и опять, в который раз, закричал: «Анна! Анна!» Вскарабкался, собрав силы, на выступающую из воды насыпь, с которой через реку был переброшен дощатый мостик. Ухватился за перильца. Впрочем, из мутной воды торчала лишь верхняя, грубо обструганная рейка. Перебраться по мосткам на луг было невозможно. Амброж попытался разглядеть, что делается там, за рекой. Луг превратился в серое, ходящее ходуном озеро. Плавали копейки сена и ветки, которые разлившаяся река уже несла на своей поверхности. И боль-

ше ничего. Анны нигде не было. Его трясло от волнения и холода. Стало жутко. Вдруг над головой зашумели крылья. Ночная птица вылетела из чердачного окошка кузни. В этот час, в сумерки, она всегда вылетала на охоту.

«Последний час моей жены?..» Голова его опустилась на руки, крепко вцепившиеся в сучковатую рейку.

Когда Амброж открыл глаза, вода уже добралась ему до пояса. Лицо его было мокро от брызг и слез. Он с ненавистью поглядел на реку, которую паводок вынес из берегов. Впервые в жизни Амброж ненавидел ее.

Преследуемый наступающей водой, он оторвался от перил и, подталкиваемый течением, где шагом, где вплавь, цепляясь за ветки, выбрался на мощеную площадку перед домом. На пороге увидел босые ноги дочери и побоялся поднять голову, встретиться с ней взглядом. Дочь вернулась в дом, а он, сдернув со скобы на стене багор, кинулся обратно в темень и мокрядь.

Амброж до мелочей знал весь берег вдоль реки. Кое-где река не могла разлиться так уж далеко. Каменные гряды сжимали ее, словно валы. Но немного дальше она брала свое. Вырвалась к домам и строениям Брудека, вступила в схватку с заборами и стенами, водопадами низвергаясь сквозь оконца в подвалы.

Амброж созвал всех, кто, опустив руки, стоял возле своих узких калиток и широких ворот. Вода не делала различий между бедными и теми, кто побогаче. Взбесившаяся стихия на несколько часов объединила всех.

Люди по-добрососедски присоединились к бе-долаге из кузни, хотя все уже было без толку. Соседи это знали, но двигались вслед за ним вдоль разбушевавшейся реки, пока еще можно было передвигаться. И только ночь положила конец их мучительным поискам на отмелях и в коварных впадинах.

Амброж поблагодарил соседей и остался один, понимая, что они сделали все, что могли. Он возвращался мимо мельницы. Вода не пощадила и ее стен. Во дворе горел свет. На крыше полузатопленной конуры подвывала собака. У мельника река под самым носом. Может, он что видел...

— На минутку на запруде застряла тачка...— сказал ему мельник и позвал к себе обогреться ромом.

Дождь на улице затихал. Тьма еще больше сгустилась.

Амброж, сам того не замечая, опрокидывал рюмку за рюмкой. Оба долго молчали. Они были соседями. Одногодками. Их детство прошло здесь, у реки. Но дружбы они никогда не водили. Кузня с ее вечным грохотом тяжелого молота и жилая пристройка никак не могли равняться с двухэтажным домом при мельнице, где тихо шумели жернова, а на обширном подворье скрипели повозки с мешками зерна и муки. Общей у кузнеца и мельника была лишь река. Она кормила обоих.

— Проклятая река,— упавшим голосом промолвил Амброж.

Мельник, не говоря ни слова, налил еще по одной. У него-то не было причин клясть реку. Амброж понимающе кивнул и сощурил

глаза, будто припоминая то единственное место, которое люди могли в своих суматошных поисках упустить, хотя осмотрели все, вплоть до ущелья.

— Когда утонул старшóй с моей мельницы, мы его тоже не нашли. Говорят, река где-то уходит под землю.

— Говорят, там, за лесом, отмель. Можно перейти и ног не замочить, а чуть дальше опять глубоко.

— Только ведь наш старшóй тогда был пьян в доску!

— Знаю,— кивнул Амброж, но так и не смог понять, что ему до того. Жена была трезва как стеклышко, и все-таки вода смыла ее с мостков и унесла вместе с тачкой. Ходили слухи, будто мельников помощник свалился в реку не случайно. По крайней мере так говорили. Это стряслось в самом конце войны. Еще был жив отец «Мой папаша мрачнел, когда вспоминали о печальной судьбе молодого парня, которого ремесло наделило не отвечающей его веселому и озорному нраву кличкой — старшóй». И вдруг его не стало. От людей не укрылось, что исчез именно тот из работников, который не боялся говорить, что немцы таскаются на мельницу за мукой, а для местных бедняков даже отрубей нету.

Амброж опять потянулся к рому. Тошно было, что лезут в голову мысли, не имеющие ничего общего с его горем.

— Судьба, кузнец! — попытался ободрить его мельник.

Амброж едва удержал крик: «Плевать я хотел на судьбу! Надо было получше при-

глядывать за Анной. Из-за охапки сена она готова была мир перевернуть. А я кинулся к щитам! Зачем? Нечего мне было там делать! Стоял и пялился, как поднимается вода, и радовался! Судьба бьет меня, наверное, потому, что я глуп. Восхищаюсь водой, ее мощью. Мне всегда нравилось, как река вдруг превращается в яростную стихию. Вот и получил!»

Амброж подавил в себе крик. Вокруг царила тишина, слышалось лишь монотонное тиканье часов да отдаленный рев реки.

— Где твои батраки?

— Какие там батраки! — вздохнул мельник. — Ферда от меня ушел, а Роза побежала к вам, чтобы твоя девчонка одна не сидела!

— Это хорошо, — с благодарностью сказал Амброж.

— Людей не хватает! — уныло вздохнул мельник.

— Тебе бы жениться!

— Ты вот женился! — осмелился произнести мельник.

— Хорошо, хоть дочка осталась.

— А мне наследники ни к чему!

— У тебя мельница.

— Коли и дальше так пойдет, ни шиша у меня не будет! Но я ничего никому даром не отдам, — добавил он решительно и опять потянулся к бутылке с ромом.

Амброж посмотрел на часы. Одиннадцатый час. Он окинул взглядом чисто прибранную комнату. Всюду порядок. Понятно, Розиных рук дело. Мельники и впрямь ничего никому не давали даром. Роза на него работает не раз-

гибая спины, а что с того имеет? Уж не надеется ли, что этот стареющий пентюх когда-нибудь на ней женится? Амброж когда-то, давным-давно, и сам бегал за Розой. Когда же это было? Даже свадьбу собирались играть, но так и не сыграли.

Амброжу вдруг стало страшно — что за мысли лезут ему в голову! «Сдурел ты, что ли, Амброж! Вспоминаешь про старую любовь к Розе, которую вытеснила дружба с Анной. Эта добрая женщина была мне верной женой — и вот ее нет, сегодня утонула!» Он поднял голову, отводя глаза от мельника, невозмутимо сидящего за столом со сложенными на животе руками. Еще немного, и он разрыдается. «Зверюга я неблагодарный».

— Нет, хватит, больше не хочу.— Амброж отодвинул рюмку.

— Выпей! Станет легче,— сказал мельник, взяв в руки бутылку.

— Нет! — Амброж глядел на ром с гримасой отвращения, и мельник оскорбленно поставил бутылку на стол. Золотистая жидкость потревоженно плескалась в стекле.

— С рекой что-то надо делать,— произнес Амброж злобно.

— И это говоришь ты? — удивился мельник.

— Меня она кормит, но людям приносит много бед!

— Все пройдет,— махнул рукой мельник.

— Пройдет,— согласился Амброж.— Это я знаю, мельник. Ни горе, ни радость не вечны, да и я не слюняй какой-нибудь. Но река будет шкодить и дальше!

— А тебе какая забота,— ухмыльнулся мельник.

— Еще до войны могли поставить плотину!

— А как же наше ремесло?

— Ваше ремесло, мельник, ваше! Со мной бы никто не стал считаться!

Мельник насторожился и с подозрением глянул на Амброжа.

— Выходит, это мы виноваты, что твоя жена утонула? Я?

— Твой отец был против плотины!

— Ты пьян, кузнец, да и горе у тебя! — примирительно сказал мельник.

— Сам знаешь, как было дело.— Амброж медленно поднялся с лавки. Нахлобучивая шапку, покачнулся, изображения святых на стенке заплясали. Принудил себя поблагодарить хозяина, хотя в душе кипело раздражение и против него, и против его отца. Здесь, под этой крышей, он кормил-поил сильных мира сего, тех, от кого зависела судьба низины. Вот она, судьба, на которую мы потом валим что ни попадя!

Они вышли во двор. Воды уже не было, она схлынула. Вода приходит быстро и так же быстро уходит. Амброж ободряюще махнул рукой собаке — спускайся, мол, со своей конуры. За изгородью ревела река. Вокруг горящего фонаря мельтешили ночные бабочки.

Амброж попрощался с мельником, схватил багор и выбрался на раскисшую дорогу. Он злился на себя за то, что переступил порог мельницы. Много лет он не был здесь.

— Хотел, чтобы мне полегчало, или по-

смеялся над моей бедой? А я хлестал его ром! Почему не побежал домой?

На душе и в голове было пусто.

Остановившись, Амброж обернулся и поглядел на виднеющуюся в темноте мельницу. Свет из-под сгрудившихся крыш подчеркивал массивность строения. «Неужели кто-нибудь осмелится поднять руку на такую крепость? Все говорят «да», но я в это не верю. Всем будет хорошо! Не будет ни господ, ни бедняков! Но кто совершит такое, если бог не поможет, а человек не всемогущ? Правильно говорит мельник — даром ничего не дается. А почему он должен давать? Он-то почему...» Амброж опирался на багор и ощущал себя маленьким и слабым. Опустил глаза, стараясь справиться с собой, не вглядываться во мглу, где бесконечно возникал образ жены и слышался ее вопль, отчаянная мольба о помощи. Он тщетно пытался припомнить, не пропустил ли ее криков. Амброж стоял в грязи, широко расставив ноги, и думал, как же он будет жить. Сейчас в нем все притупилось, в голове бесконечной чередой мелькали видения. «Уж не схожу ли я с ума! Случается и такое, если ты не в силах чего-то понять!..»

В темноте слышался плеск воды. Амброж добрался до околицы, до первого дома, мимо которого нынешней ночью ему придется идти, ведь по реке к кузне не пробраться. Берега не было. Всюду вода, вода...

Вацлав Матлоха, не дожидаясь утра, вычерпывал ведром воду из затопленного хлева. В хлеву стояли две козы. Животные с любопытством следили за его работой, и их белые

морды в слабом, неверном свете казались бесовскими. Козы почуяли Амброжа прежде, чем его заметил хозяин.

— Это ты, Амброж?

— Да, я. — Амброж прислонился к хлипкой изгороди и стоял, не спуская глаз с козьих морд, с любопытством и как будто даже с участием выглядывающих из дверей хлева.

— Теперь-то чего искать? Шел бы ты домой!

— Иду, Вацлав, иду!

— Проклятая река! — крикнул Вацлав, отшвыривая ногой зазвеневшее ведро.

Этот раздраженный жест своеобразно выражал сочувствие Матлохи его горю. Ему и самому наводнение радости не доставило. Не бог весть какие луга, но кое-как кормят его. А теперь все сено осталось под водой.

— Одному богу известно, какая еще уродится трава! — вздохнул Матлоха.

— Откуда нам знать, Вацлав, что будет... — бросил неопределенно Амброж.

— Чему быть, того не миновать. А жить надо!

— А как? — буркнул Амброж, не дожидаясь ответа, скорее так, для себя, и растаял со своим длинным багром во мгле. Сейчас им с Матлохой друг друга не понять. «Людам кажется, будто весь мир теперь опротивел мне из-за того, что с моей женой такая стряслась беда. Что и говорить — горе! А дальше будет еще хуже. Но ведь нельзя же во всем винить реку».

Справа сквозь тьму мчалась уже утихающая вода. Река возвращалась в свое русло,

испокон веку пересекающее низину. Какая красавица! Кроткий ягненок, которого так и хочется приласкать! Добрая, играющая бликами света. Такой она когда-то привлекла к себе первых поселенцев, заложивших Брудек. Амброж узнавал темные силуэты домов. Самому не понять — он видит их или просто знает по памяти, где чей.

Сегодня жители деревни засыпали с трудом. «Не больно-то удачно начинается новая жизнь, — подумал Амброж с укоризной, мысленно обращаясь к тем, кто с прошлого февраля встал во главе этой, насквозь сейчас промокшей, несчастной деревни. — Что изменилось? Мельника и двух зажиточных мужиков выбросили из местной управы. Это, сказали те, новые, только начало. Как бы нынешнее наводнение не стало знамением будущего! Патера и Трояк — стоящие мужики, им бы я поверил, но не Кришпину. Этот поспешил переметнуться, а ведь никто никогда не видал, чтобы он сделал хоть одно толковое дело. Во время войны был дорожным рабочим, побывал в рейхе, туда многих угоняли, да только Кришпин вернулся, как говорится, на коне. На многие годы к нему прилипла кличка «сенатор», потому что был он скупщиком сена. Откликался на «сенатора», а теперь ворочает делами в сельском совете, в канцелярии. Ха, товарищ «сенатор»! Сегодня у всех хватило дел со своими домами, но только он, единственный, не взялся за багор и не кинулся на поиски Анны».

Амброж нахмурился. Ему опять пришло в голову, что из-за своего горя он всех и вся

видит в черном свете. Может, и Кришпина зря обвиняет. «Нехорошо это»,— думал он, продвигаясь к реке. Очертания кузни уже угадывались там, где светилось одинокое окошко, словно висящее в этой влажной темноте.

На пороге дома Амброж скинул резиновые сапоги и вошел в кухню. Роза сонно подняла голову. Уснула, и вот теперь до нее доходит, какая стряслась беда. Проснувшись в смятении, которое она в страхе гнала от себя.

— Есть небось хочешь,— сказала она и шагнула к плите.

Амброж отрицательно покачал головой и кивнул на дверь соседней комнаты:

— Яна уже спит?

— Только легла!

Амброж сел. Роза опустилась напротив, зябко сгорбившись, словно в тихой молитве.

— Все облазили! Утром опять попробую,— горестно сказал Амброж, и ему явилась река во всей ее длине, до мельчайших подробностей знакомая по многолетним сплавам. Ушли, ушли те времена! Все теперь по-другому, все изменилось, но только не река. Лишь обходчики у запруды поменялись, и может пройти много времени, пока кто-нибудь из них обнаружит в воде утопленницу. Старшего с мельницы так никто и не нашел...

— Я сразу поняла — что-то стряслось, когда увидела тачку у нас на гребне запруды!

Амброж придвинул к себе коробку с табаком. Оторвал тонкий лоскуток папиросной бумаги и промял его между пальцами наподобие корытца. Амброж никогда много не

курил. Свободные минуты у него выдавались лишь по вечерам. Посидеть, покурить — одно из удовольствий. Больше всего нравилось ему при этом легонько перебирать пальцами, целый день ворочавшими куски железа, прокопченными на жарком огне горна. Они сдерживали тупые толчки молота, сотрясающие все тело, но пока еще пальцы были достаточно гибкими и чувствительными и могли свернуть сигарку. Амброж смочил слюной края сложенной бумаги и, примяв табак, скрутил ее трубочкой. И, лишь выпустив первое облачко дыма, взглянул на Розу и с горечью вернулся памятью к ее словам о тачке, повисшей на запруде. «У нас на запруде!» Она уже чувствует себя там, на мельнице, хозяйкой. А ведь могла быть хозяйкой здесь. Тогда, восемнадцать лет назад, после смерти его матери, этот дом остался без женщины. «Была ли в том воля отца или опять вмешалась река? Каждую весну мы гоняли по реке плоты. Весенняя вода ждала нас с нетерпением. Но к нам волнение приходило прежде, чем к ней. Впереди ждала свобода от долгих месяцев работы в полутьме, смраде и жаре кузни, в слепящем пламени горна, среди раскаленного добела железа с неповторимым запахом жарких его кусков, закалявшихся со злобным шипением в ведре с холодной водой. Нас ожидали не радости, а тяжелый труд, риск. Бурное течение реки могло и наподдать, и опрокинуть, но вокруг был необозримый простор, небо, безграничное приволье, где человек дышит и чувствует себя вольготно. «Кто-то должен остаться здесь вместо нас!

Дом с пристройками, кузня и живность, голуби да куры требуют ухода,— твердил отец.— Пора, пора тебе жениться, иначе плотам конец». Река победила. Анна с благодарностью приняла мое предложение поселиться на этом хуторе».

— Я у мельника засиделся,— сказал Амброж уже вслух.

— Он не такой плохой, как ты думаешь,— прошептала Роза.

— Нет, не такой! Поднес мне рому,— похвалился Амброж с легкой усмешкой.

— Яна уже вошла в разум,— невпопад сказала Роза, но Амброж ее понял. В каждом несчастье есть счастье.

— Уже стукнуло восемнадцать!

— Не сегодня завтра замуж выскочит,— проронила она с надеждой и, будто поняв, что попала в больное место — ведь однажды под этой крышей уже возникала точно такая надобность,— быстро перевела разговор: — Она у тебя красивая.

«Тем паче скоро останусь один»,— подумалось ему, а вслух вырвалось:

— Только теперь, в отличие от тех времен, гонять плоты мне уже не надо! С плотами покончено раз и навсегда!

Роза сделала вид, будто не слышит. Она разглядывала кухню, вроде изучая, все ли в порядке. Амброж, проследив за ее взглядом, отметил, что ничто здесь не напоминает об Анне, от нее не осталось никаких явных следов. Еще днем висело белье, стояла в углу метла, на плите громоздился чугунный котел для теплой воды... Случайность? Или наме-

ренно позаботилась чья-то рука? И все-таки во всем здесь невидимо жила Анна. Она здесь! Еще не ушла! «Мы говорим обо всем, о чем только можно, а ведь говорим-то о ней, о женщине, с которой я привык вместе жить. Розу она любила, они частенько видались. Наверное, Анна не знала о наших прежних отношениях. Кажется, не знала...» Амброж заглянул Розе в лицо. Ему вдруг стало любопытно, о чем они часами толковали. Приход Розы в его дом всегда волновал Амброжа. «Может, Роза сказала Анне про то, что между нами было?» И тут его передернуло от отвращения: нашел о чем думать! Он поднялся, подошел к застекленному шкафчику и достал бутылку рома.

— Не пей, Амброж,— попросила Роза, когда он налил ей рюмку.

Он глотнул прямо из бутылки. Вкус у рома был иной, нежели тот, у мельника. Хуже. Дух перехватывало от горечи: «Я потерял жену, которую, наверное, никогда по-настоящему не любил. Но дочь-то осталась без матери!» Он поставил ром обратно в шкафчик и осторожно притворил дверцы. Увидел безделушки, всякую ярмарочную чепуху: цветы из бусинок, домик в стеклянном шаре, если его встряхнуть, падают снежные хлопья. Вдруг эти безделушки стали казаться ему нестерпимо трогательными.

— Пойду...— сказала Роза.

— Придешь еще? — спросил он тихо.

— Коли вам с Яной что-нибудь понадобится...— кивнула она и набросила на голую шерстяной платок.

Амброж закусил нижнюю губу и глубоко вздохнул: понятно, сейчас не время для думок о будущем, но хочется хоть надежду иметь.

— Анна была хорошая женщина, — сказала Роза.

В первый раз за все долгое время здесь прозвучало это имя. До сих пор закон умолчания в доме бедолаги словно бы соблюдался. Амброж понял, почему Роза назвала Анну.

— Мы можем на тебя рассчитывать, Роза?

На лице женщины не было брезгливости, она лишь покачала головой:

— Не воскрешай того, что ушло...

— Но почему?

— Много воды утекло с тех пор!

— Думаешь, он на тебе женится? — неожиданно грубо крикнул Амброж.

Роза прикрыла глаза. Ей причиняла боль его жестокая прямота. Она и сама понимала, сколь неопределенно ее положение на мельнице. Роза начала там батрачкой, и только теперь, после смерти старого хозяина, сын, уже далеко не первой молодости, чванливый сумасброд, начал относиться к ней по-человечески. Видимо, повлияло еще и то, что творится вокруг, — поубавило спеси и гонора в этом наследнике династии мукомолов, широко окрест влиятельной и почитаемой.

— Женится! Куда ему деться, их славе и в самом деле конец! — сам себе ответил Амброж, а Роза, не дожидаясь продолжения, поспешно попрощалась и исчезла в темноте.

Амброж, весь сжавшись, стоял посреди комнаты. Все это время он думал, что при-

дется ее провожать, но оказалось, что ей это вовсе ни к чему и она в нем не нуждается.

Печь остывала, а река, уgomонившись, слегка шумела в ночи. Амброж оглядывал кухню и пытался припомнить, когда в последний раз говорил с женой — не о делах, а просто так. Как-то однажды днем. Дело шло к дождю, тому самому обложному, что среди лета неожиданно поднимает уровень воды. Анна прибиралась около дома. Потом отправилась за реку: на днях он скосил луг на другом берегу. Все это живо вставало перед глазами. Очень уж докучало тогда комарье и мошкара. Махнешь косой — и поднимутся целые тучи. Иногда он бросал взгляд на кузню и дом. На веревке сушилось выстиранное белье. Им внезапно овладело желание, тоска по жениному телу. Во время сенокоса на него частенько накатывало такое. Может, виновато время года: сочная трава и цветенье вокруг — все вызывает желание. От жены исходил терпкий дух свежего сена. Он наблюдал за ней — босая, с обнаженными плечами и высоко подоткнутой юбкой, она ворошила быстро подсыхающую траву. Ритмичные удары кузнечного молота доносились аж сюда, за реку. «Мы оба радовались вечерней прохладе. Дни стояли такие душные!»

Амброж вдруг почувствовал лютую ненависть к дождю. Подкрался так тихо, неся с собой запах свежести и суля наслаждение, а натворил такое!

Амброж сделал движение, будто смахивает крошки со стола там, где сидела Роза. Напрасно. Стол был чистым. Усевшись, он погрузил-

ся в воспоминания. Роза, их прежние отношения. «С ней я впервые познал любовь. Она повинна в том, что я, осмелев, первый раз в жизни потребовал от девушки все, до конца!» Его охватило какое-то очень уж неожиданное сожаление, он тер кулаками глаза и представлял себе прохладную шелковистость ее грудей, высоких, как пена, дрожь обнаженного тела и свое ответное волнение. Крепкие Розины объятия поднимали его на вершину блаженства и бросали вниз, во тьму растерянности. Точно такие же ощущения сопровождали поначалу минуты их любви с Анной. А Роза уже ни о чем не помнит! Имеет право забыть, она просто должна была позабыть, чтобы продолжать жить дальше!..

Амброж проглотил комок, застрявший в горле. Его оглоушила греховность собственных мыслей. Это же святотатство! Навалилась мучительная боль — почему именно она, Анна, должна была умереть! Только сейчас он ощутил весь ужас гибели близкого человека. Следовало бы вспоминать ее иначе: ее доброту, любовь к нему. Он же поддался тоске по чему-то такому, что принято считать мелким и недостойным, что и самому ему казалось проявлением животных инстинктов. «Чепуха! Я — человек! Мы были мужем и женой, замордованными работой, каторжный труд не давал нам наслаждаться обычными, будничными радостями бытия. Скорее наоборот. И лишь минуты любви, только они, были нашим общим настоящим счастьем. Разве это заказано человеку?»

Растерянно, с немym вопросом в глазах он

установился во тьму за окном, и в первый раз за весь этот день его глаза застлали слезы. Он не противился им...

Задув лампу, Амброж улегся как был, не раздеваясь, на лавку. В душе он молил жену услышать его и понять. Благодарил и просил простить. «Я не был тебе верен, Анна, но всегда старался не причинить боли. Прости мне мысли, что родились так неожиданно, именно сейчас, в такой момент! Никто из нас не повинен в том, что Роза была у меня первой...»

Проснулся он на рассвете. Вышел из дому. Превозмогши себя, глянул на реку. «Мне придется смириться с ней, ведь и дальше мы будем жить рядом».

Ночная птица бесшумно возвращалась через слуховое окно на свой чердак.

Амброж, взяв багор, снова двинулся по берегу. Река опять превратилась в кроткого барашка, покрывшись мелкими кудрями ряби. Он шел, не сводя с воды глаз. От Анны ни следа.

Амброж побрел обратно к кузне. Над рекой, вызывая у него ярость, с ехидным и насмешливым хохотом кружили стаи чаек. Их веселье напомнило ему наконец о спящей дочери. Ребенком она тоже громко смеялась.

Он отшвырнул ненужный больше багор и вошел в дом.

Тела Анны не нашли и к осени. Река играла в низине всеми цветами своих берегов;

длинными предвечерними тенями на нее опускались траурные звуки колокола. Звон с церковки, стоящей на холме, на уступе, где кроме нее смогли уместиться еще две липы да погост с десятком-другим могил. Расположенная на высоком взгорке, она не боялась и самых разнузданных разливов реки. «Служители церкви были предусмотрительней, нежели первые поселенцы низины. Впрочем, где же людям еще оставалось селиться? Ведь река для них означала жизнь», — думал Амброж, растревоженный мыслями и сомнениями. Позади остались символическое погребение и заупокойный молебен, на котором только и разговоров было, что о смерти.

На обратном пути они с Яной замыкали процессию. Медленно тащились вслед за одетыми в траур односельчанами, разбредающими по извилистой дороге вниз к деревне.

Люди участливо пожали им на прощание руки и оставили наедине с открывшейся их взглядам излучиной реки. Слова были скупыми. Да и что говорить? На это было время. Намного больше положенных трех дней перед похоронами, чтобы успеть свыкнуться со смертью. Да разве с этим свыкнешься! Амброж всем своим нутром ощущал, что Яна, все отводящая глаза от реки, думает о том же.

А реке хоть бы что. Река, этот волк в овечьей шкуре, бесстыдно бежала дальше, мимо кузни, резво мчалась, не зная за собой никакой вины, не сознавая своего греха. И все-таки с ней придется ладить!

Амброж и Яна спустились к подножию косогора, Амброж придержал шаг и ткнул рукой в сторону грубо отесанного валуна. На камне была вырублена отметина и дата: 1878 год — самое страшное в этих местах наводнение. Вот куда добирались воды. А в двадцатом веке река тоже взберется на такую высоту? Сейчас середина столетия, и у нее еще полвека впереди! Яна понимающе кивнула головой. И ей показалось странным, что мать погибла в год, когда река еще притворяется кроткой и старается рядиться в овечью шкуру.

— Ты обо мне не беспокойся, дочка!

— Но что ты будешь делать один? — озабоченно спросила Яна.

— Живи себе спокойно своей жизнью, ни о чем не тревожься! — успокаивающе ответил Амброж.

«Зачем девчонке постоянно иметь реку перед глазами! Я — другое дело. Я не потеряю к реке уважения. Она — мой соперник, но и моя кормилица. Не больно-то подходящее время для еретических мыслей, но с детства я с большим уважением относился к этому камню, который утверждает власть и славу реки, чем к церкви, поставленной в безопасном месте. К церкви, тоже утверждающей надо всем свою власть.

— Говорят, кузню закроют, — сказала Яна полувопросительно.

Слова эти прервали ход его размышлений — он проводил воображаемую прямую от зарубки на камне до косогора за рекой. Лишь несколько высоких крыш поднималось в тот

паводок над водой. От остальных домов, выходит дело, торчали лишь трубы. Какой же это был кошмар! Впрочем, неизвестно, сколько людей погибло в то наводнение. Может, никто. На надгробьях этот год не значится. Так ведь люди могут уйти от смерти, если видят, что зверь ощерил зубы и выпустил когти. Били волны, бешено мчалась вода, исходя лаем, как собака, которой не дано укусить. Самое страшное — это тихое коварство. Будь то человека или стихии...

— Пока что кузня нас кормит,— произнес он твердо и опустил тяжелую руку на плечо дочери. Столь необычное проявление чувств длилось недолго.

Они потихоньку двинулись дальше, в сторону кузни.

Настоящих похорон у Анны не было, но и этот траурный обряд принес жителям низины облегчение. И, хотя до той минуты никто и не подумал усомниться в гибели несчастной женщины, только собравшись вместе, попросив у бога вечного упокоя ее душе, они с ее смертью как бы смирились. Теперь остальные могут спокойно жить дальше. И Амброж точно так же все это воспринял, не отдавая себе отчета, что просто поддался извечной потребности человека в магии торжественного обряда, уводящего от раздумий над мучительными вопросами бытия, рождения и смерти.

«В нас, как в капле воды, повторяется все, что было в людях, живших здесь в прошлые века»,— рассуждал он, но это уже были мысли не о гибели жены. Надо было думать о том,

как жить дальше, о работе, о кузне, которая была на этом свете его жизнью.

Вечером Амброж вышел из кузни и опустился на порог. Вдыхал в сумраке осенний терпкий воздух и чувствовал себя обманутым, потерянным и одиноким. Откуда-то тянуло картофельной ботвой, с откоса доносилось треньканье коровьих колокольчиков. Почти у самых его ног текла река. Приятно глядеть и слушать. Река словно бы ластилась к нему, втиралась в друзья своим вкрадчивым веселым говорком. В ее спокойной глади отразилась верткая тень ночной птицы, отправлявшейся с чердака на свою еженощную охоту.

Амброж сживал здесь и раньше, ожидая дочь с работы. Рвущий уши рев автобуса, который привозил ее из города, был одним из тех звуков, что силой вторглись в долину. Амброжа угнетали перемены, связанные с появлением этого автобуса. Конец войны раскидал по лесам и вдоль тихих дорог столько металла, что, казалось, только успевай обрабатывать. Спрос на топоры, мотыги и лемехи к плугам поначалу был неиссякаем. Если б огонь в горне не угасал и по ночам, то удары кузнечного молота все равно не успевали бы превращать военную сталь в необходимые крестьянину орудия труда. «Вот удивился бы отец, если б жил сегодня», — подумал Амброж с улыбкой — в памяти всплыли отцовские рассуждения о будущем, которое, «попомнишь мое слово, сынок», раз и навсегда принесет людям облегчение. «Уже началось, отец! Пришел конец власти мельника и чванст-

ву богатых мужиков. Вот только автобус возит крестьян из нашего бедного края на работу в город. А музыка и речи, которые сейчас, в этот тихий вечер, доносятся из тарелок громкоговорителей, развешанных над домами по всей деревне, да и просто разговоры и толки тоже не сулят кузне ничего доброго».

Рычание мотора покатилося вниз, в долину, но, достигнув деревенской площади, захлебнувшись, умолкло. Вскоре появилась Яна. Они поздоровались; вошли в кухню, каждый отягощенный будничными заботами нынешнего дня.

Когда после ужина стол уже был чисто убран, Амброж сел сворачивать свою обычную сигарку. Пальцы послушны и чувствительны, но почему-то беспокойны. Закурив, он долго растирал кисти рук, пытался отогнать от себя мысли, которые, хотел он того или не хотел, приводили его к убеждению, что перемены, увы, коснутся всех. Прогресс неумолим! Добро требует жертв... «Так ведь я уже пожертвовал куда как многим. Потерял жену. Почему же я должен потерять еще и работу?»

И, сам того не замечая, он озадаченно мотнул головой, признав все-таки, что утрата близких совсем иная жертва, нежели потеря имущества или работы.

— Меня считают лучшей в мастерской,— радостно сообщила Яна.

— Вот бы мама обрадовалась,— с трудом выдавил Амброж. Заставив себя произнести эти слова, он сам растрогался. Амброж смотрел на дочь и видел, до чего же Яна каждым движением, каждым жестом напоминает мать.

Анна приучала девочку к труду, сызмальства учила шить, как будто наперед знала, что однажды в их деревне появится автобус, а в городе построят фабрику и девчата, такие, как наша Яна, будут ездить туда и шить рубахи. Кабы только молодежь. Но ведь и взрослые мужики ездят работать в город, на фабрику. Отработают свою смену, да еще остается время посудачить, какие бы это новшества завести в деревне. Им хорошо болтать! Избавились от хозяйства. Побили птицу, порезали коз, а поля бросили на произвол судьбы. Какой же это прогресс!

— А что, если тебя погонят в кооператив¹? — спросила Яна, словно угадав, где бродят отцовские мысли.

— У меня ведь нету земли, — пожал плечами Амброж, и опять ему показалось странным, что вот настали времена, когда быть безземельным выгодней, чем наоборот...

За окнами шумела река, иногда налетал порывистый ветер и скидывал с деревьев пожелтевшие листья. И, как всегда, с улицы в дом врвался окружающий мир, и невозможно было захлопнуть перед ним окна и двери, словно это настигала вездесущая небесная кара. Этот мир жил в них обоих. И явственней всего они ощущали его по вечерам.

Утром, как и прежде, все снова пришло в норму и стало казаться неопасным. Амброж

¹ Единый сельскохозяйственный кооператив — объединение крестьян, равнозначное нашему колхозу. — Здесь и далее примечания переводчика.

раскалил в горне здоровенный кусок угля, проложил железом и отправился на берег побеседовать с рекой. Надо было поднять щиты и попросить ее помощи. Река крутила водяное колесо и приводила в действие молот, под тяжкие удары которого Амброж подсовывал, поворачивая с боку на бок то одной стороной, то другой добела раскаленный, оживший кусок металла, повторяя в миниатюре процесс сотворения мира и всего того, что рождается в огне. А потом шипение воды в широкой логии и чудо созидания в пламени, сопровождаемое гейзером искр. Словно новаявленное творение льет огненные слезы, навсегда пробуждает в себе душу живу. И все! Конеч! На кучу готовых изделий падает еще одно. Теперь уже без признаков жизни, холодное, оно будет служить определенной цели...

Пока он метался от горна к молоту, задыхаясь и взмокнув, с напряженными до болезненных судорог мышцами, он чувствовал свое могущество. Он поддавался дурману жара, его одолевала гордость творца. Страсть порождает наслаждение. Совсем как в любви, с грустью признавал он, когда из его рук выходило еще одно остывшее, неживое изделие, и он вдруг чувствовал себя обессиленным, как после минут любви, и смысл этого тяжелого труда утрачивался, улечиваясь сквозь щели рубленых стен, улечал туда, к деревне, и еще куда-то далеко, за горизонт. Амброжу все реже удавалось преодолеть беспомощность, налетавшую неожиданно, неведь откуда. Он знал, надо схватить клещами кусок размяг-

ченного огнем железа, и тогда в него вновь хлынет успокаивающая, укрепляющая тело сила. Он знал об этом, но не всегда мог совладать с собой. Все становилось тяжелым, неподъемным. Казалось, достаточно протянуть руку, но не было мочи...

Такая безнадежная усталость наваливалась на него теперь все чаще.

Листья с деревьев облетали. Утренники отливали сединой, трава стала стеклянной, а излучины реки подернулись тонким льдом.

Дым из трубы кузни поднимался вверх все так же прямо, но молот все чаще умолкал.

В тишине, когда в горне потрескивал умирающий огонь, лишь шум воды нарушал раздумья Амброжа. Река насмехалась над ним, ведь он позволяет ей, не обременяя себя работой, мчаться безвозвратно вдаль. В ее песне слышались ему то насмешка, то настойчивые упреки — те же, что и в холостых глухих ударах кузнечного молота.

Иногда являлись люди из деревни, и тогда Амброж тоже бросал работу. Но они приходили теперь не за новыми мотыгами и топорами. Они не заказывали больше деталей к телегам и плугам. Просто хотели поговорить. В деревне организовывали сельхозкооператив.

— Я — за!

— Ни в жисть туда не вступлю!

— Все вместе — глядишь, и дело пойдет проворней!

— С таким народом, как у нас? Да ни за какие коврижки!

Амброж поддакивал, когда они протестовали. Соглашался, когда были «за». Человек мастеровой, он дорожил заказчиками и привык под них подлаживаться. Он долго верил, что заботы и дела соседей не его ума дело и кузни коснуться не могут. Куча готовых изделий становилась все меньше. Те, кто годами приезжал за новым инструментом, теперь подолгу и носу не казали...

В один прекрасный день Амброж был вынужден признаться себе, что эта его страсть к работе, прежде лечившая от всех бед, потеряла всякий смысл. Надо найти хоть какую-то отдушину. Яна иногда оставалась на ночь в городе. Видимо, уже завела себе парня. Он не спрашивал. Надеялся, что однажды дочка скажет об этом сама, и не ломал голову над вечным вопросом — боится он этого или нет. Хоть так, хоть иначе, а жизнь пойдет дальше. Он вглядывался в раскаленный добела металл, и ему виделась Роза. Она исчезала, когда он весь уходил в работу, но тем явственней стояла с ним рядом, когда молот прекращал свое дело. «Останься она со мной, может, вместе и полегче было бы! Жена погибла, работа валится из рук. Кто знает, долго ли пробудет со мной дочь...»

Амброж продолжал ходить в кузню. Каждый день вздувал огонь в горне, разговаривал с рекой, но его гнала сюда лишь ненависть ко всему белому свету. Позже он понял, что на самом-то деле просто пытается заглушить в себе злость на самого себя.

«Я трус! Чего жду? Все зависит от меня!» И вдруг наваливался страх, что уже поздно что-либо менять...

Вечерами темнота опускалась быстро. Пустынная темная река среди занесенных снегом берегов выглядела мрачной и печальной. Так оно и будет, пока вода совсем не встанет и не покроется льдом. Чернота воды, ветви голых верб, огни деревни и близкой мельницы. Силуэт совы, еще более зловещий на белом фоне, возникает из чердачного окна. Так начиналась ночь. Сегодня обещала прийти Роза.

Дома было жарко натоплено. Амброж включил новенький радиоприемник, купленный как-то Яной. Передача не мешала ему, покуда он брился и мылся. Потом показалось — сейчас не стоит отвлекаться на все, что так или иначе связано с кучей непроданного товара там, в кузне. Пускай себе радио болтает и играет что угодно. Придет время, когда все встанет на свои места! Он даже позволил себе пророчески рассмеяться в наступившей тишине и почувствовал, как взыграла в нем сила. Поставил на стол вино. Начал сворачивать сигарку, но, не удержавшись, откупорил бутылку и сделал долгий глоток. Улыбнулся себе в зеркальце, прикрепленное к стене под вышитым кармашком для расчесок, заметил в своем взгляде озорной блеск. С минуту разглядывал себя, поглаживая чисто выбритый подбородок. Лихо подморгнул, напустив на себя лукавство: «В сорок лет мужчина может еще доставить бабе немало радости. Я был у нее первым и, надо полагать, нравился ей. Что верно, то верно!» Амброж кивнул

головой и окинул кухню самодовольным взглядом. Все ему казалось здесь новым, праздничным. Заботы, что связывали его по рукам и ногам, едва только он переступал порог кузни, сейчас казались мелкими и ничтожными. Дела как-то шли, как-нибудь пойдут и дальше. «А почему бы мне не вступить в кооператив вместе с остальными? Вступлю. Но прежде надо что-то сделать с рекой, окоротить ее нрав, и не только потому, что она отняла у меня жену».

И вдруг его пронзила мысль, которая, казалось, вовсе не соответствовала этой минуте сладостного ожидания: «В нашей низине нет смысла что-либо предпринимать, пока мы во власти реки». Уже не хотелось задумываться, насколько это его соображение просто зацепка, позволяющая оставить все по-старому, а насколько оно вызвано все-таки заботами об общем благе. На душе сразу стало легко, словно камень свалился, вернулось почти позабытое удовлетворение собой.

Роза появилась бесшумно. Он даже не слышал ее шагов на крыльце. Так же бесшумно притворила за собой дверь, прижалась к ней спиной и обвела взглядом ярко освещенную кухню, будто все, что увидела здесь, выглядело именно так, как она ожидала.

— Вот и я, Амброж!

— Как хорошо, что ты пришла,— сказал Амброж признательно и помог ей снять пальто. Она охотно приняла его помощь, но так и осталась стоять, тупо уставившись на стол с бутылкой вина. Амброж не заметил, что лицо ее передернула болезненная судорога: она тут

же опустила голову, и темные волосы закрыли ей глаза.

— Погаси свет! — приказала она вполголоса.

Амброж бросил на нее смущенный взгляд, но, прежде чем успел что-нибудь произнести, Роза, сама дунув, погасила керосиновую лампу. Молча подошла к дивану. Он услышал, как зазвенели пружины. Потом стукнули об пол сброшенные башмаки и зашелестела одежда. Когда он наконец заставил себя сдвинуться с места, в голове гудело и удары сердца рвались прямо к горлу. Он пробирался в темноте на ощупь, пока пальцы его не коснулись обнаженного тела. Опустившись на колени, он стал покрывать поцелуями ее живот и грудь, его руки ласкали ее бедра и шею, растерянно метались, словно желая всю ее сразу заключить в объятия. Не зная, как избавиться от этой неожиданно нахлынувшей растерянности, он боялся хотя бы на секунду оторвать руки от ее тела и не замечал его безучастного оцепенения. Дрожащим от волнения голосом он все шептал: «Роза! Роза, прошу тебя...» — как будто умолял прервать эту страшную муку наслаждения. И вдруг, неожиданно для себя, в бессилии откинулся навзничь, непонимающе подняв глаза вверх. Его трясло словно в лихорадке. Отчаянию не было предела. Он слышал спокойное, без тени волнения дыхание Розы...

— Я подожду, — бросила она, и в голосе ее не было насмешки, лишь деловитость, как будто она хотела сказать: «Ничего страшного, ты просто давно не был с женщиной! Я по-

дожду, для этого я и пришла!» У него было огромное желание заорать: «Нет, не только для этого, нет! Роза, ведь я... Да, я хотел спать с тобой! Этого хочет от женщины каждый мужчина. Но мне этого мало. Я жду от тебя большего!»

Тьма словно отступила, стали слышны и тиканье часов, и слабый шепот реки. Он поднялся, сел и, случайно дотронувшись до Розино тела, отдернул руку. Это была не беззгливость, а скорее смущение.

За окном дрожало бледное сияние снега, и на его фоне четко вырисовывались контуры бутылки. Амброж потянулся за ней.

— Зачем ты это сделала, Роза? — смог он наконец выдать.

— Что?

«Ничего не понимает. Или, наоборот, слишком хорошо знает, что загнала меня в угол, поиздевалась, как могла...

Это произошло сегодня днем в деревне, у кооперативной лавки. Я специально пошел туда, надеясь встретить ее. «Приходи, Роза!» — «Зачем?» — спросила она, и я, осмелев, ответил, что она мне нужна по делу. «Хорошо, приду, если я тебе нужна по делу». У меня и в мыслях не было, что она все поняла по-своему. Я возвращался домой, чуть не прыгая от радости. В кузню и не заглянул. Сегодня меня ждут другие дела, улыбался я, подняв голову к холодной трубе. Прибирался в доме и представлял себе: поначалу она будет держаться как чужая, и мне придется приручать ее. Так у нас бывало прежде. Она сама призналась как-то, что ее одолевает дикое

желание отстоять себя. «Я должна так поступать, милый мой Амброж, чтобы почувствовать, что нужна тебе. Парень должен меня завоевать, иначе счастье будет неполным».

Она умела нашептывать это горячо и успокаивающе. Сколько же лет прошло с той поры...»

— Чего тебе еще надо? — сказала она в ответ на его молчание.

— Я не собирался с тобой только переспать! Ты мне нужна насовсем.

— Брось завирать, — отрезала она зло и быстро поднялась с дивана.

Амброж нащупал спички и зажег лампу. Слабый, вспыхнувший внезапно огонек заставил его стыдливо съежиться. Он натягивал брюки, избегая Розиных глаз. Она одевалась здесь же, рядом.

— Дай мне выпить! — попросила она, уже сидя за столом.

Амброж налил вина в две рюмки, стараясь, чтоб не дрожала рука. И вдруг вся эта безобразная поспешная сцена показалась ему комичной.

Роза выпила. Он не смог. Его душил сдерживаемый хохот, он поперхнулся и разразился освобождающим душу смехом.

— Над чем это ты?

Амброж ткнул пальцем себя в грудь и, когда наконец смог остановиться, сказал:

— Над нами, Роза! Мне все вдруг показалось смешным!

Она с горечью кивнула, потупила голову, как будто и сама вдруг поняла, что хватила через край.

— Нет, не над тобой, Роза! Ты ни в чем не виновата!

— Виновата,— возразила она, словно сама себя разоблачала.

— Во всем виноват мельник — он, и только он! — Амброж зашелся в крике.

— Оставь его в покое,— бросила Роза неожиданно спокойно.

— Сделал тебя частью своего имущества!

— Да, Амброж, сделал! За эти годы я и впрямь стала его собственностью!

— Но ты можешь уйти от него! Сейчас тебя никто силком удерживать не посмеет.

— За эти годы и его имущество стало моим. Я его заработала! — отрезала Роза с такой злостью, что Амброж испугался. Она сама, вдруг схватив бутылку, наполнила пустую рюмку.

Такое Амброжу не приходило в голову. Роза решила свести счеты с мельником-хозяином по-своему.

— Теперь его мельнице грош цена в базарный день! — заявил он предостерегающе.

Роза усмехнулась и положила руку на его сжатый кулак.

— С твоей кузней дело кончится тем же!

Амброж хотел возразить, что мельники всегда были богатеями, особенно наши, местные. Такими займутся власти, а их добром тем более. Кузнецы же — совсем другое дело, какие у них богатства? Были и есть голландцы...

— Ты не обижайся на меня, Амброж,— перебила его мысли Роза.

— Я хотел, чтоб все у нас шло путем!

— Я тоже думала, все будет иначе, но...—
На миг она умолкла, а потом закончила: —
Я, наверное, испорченная баба!

— А кто в этом виноват? — нахмурился
Амброж.

— Да ни к чему мне она, эта любовь!

Они помолчали. Роза сидела, пристально уставившись на крышку стола, будто пыталась что-то вычитать на ее выщербленных досках. Амброж тщился отгадать ее мысли, стараясь войти в ее положение, ведь всегда она была то батрачкой, то прислугой и никогда не чувствовала себя полноценным человеком. Всю жизнь на побегушках у тех, у кого водятся деньги. Это они превратили ее в озлобленную хищницу! И ничего удивительного! «Но почему же за это должны расплачиваться мы с ней? В ней наверняка остались и чувства, и желание жить по-людски».

Они простились, и каждый затаил в душе искорку надежды. Так по крайней мере истолковал Розины слова Амброж: «Мы ведь еще не умираем». И ее опасения за его будущее он понимал как явный к нему интерес: что, если ей все-таки перебраться к нему? Наверное, она именно это имела в виду, иначе зачем советует ехать в город. «Да! Без сбыта мне долго не продержаться, что верно, то верно».

Он глядел с порога, как она шагает к мельнице. Наконец ее поглотила белая мгла. А река все мчалась вперед. Что ей дела людские, что ей поздняя ночь! Ее пренебрежительное равнодушие пробудило в Амброже ярость. «Со мной бы не случилось такого, если б ты

не отняла у меня жену. Легче бы перенес и остальные напасти». Он перевел взгляд на тихую, пустую кузню, и его охватила тоска. За кузней, в хлынувшем вдруг сверху лунном свете, стала видна вся низина.

Засыпал Амброж трудно. Ворочался с боку на бок. К утру задремал, твердо решив не сдаваться. Еще не все потеряно. Роза права: пока мы живем на свете, надо со многим мириться. Надо? Нет, просто вынуждены! Но и сидеть сложа руки ни к чему...

От деревни до города восемь километров. Можно идти вдоль реки, но это самый дальний путь. Воде приходится огибать взгорки, через которые длинными зигзагами переваливает дорога. Амброж знал более короткие тропы, где можно срезать путь и добраться до города намного быстрее. Но на этот раз он предпочел автобус. Разболтанный, маленький, будто клетка, с сиденьями, расположенными вдоль стенок. Пассажиры усаживаются к центру ногами, и, кроме нескольких человек, пристроившихся сзади, все теснятся бочком по направлению к движению. Потому-то он и расположился сзади, чтобы по-хозяйски вытянуть ноги, как те мужики, что вели себя в автобусе словно дома.

— Ну, Амброж, что ты на это скажешь? — поинтересовался Матлоха. Он задал вопрос как бы от всех, от Трояка и Патеры, а может, и от водителя, который тоже не мог скрыть удивления, когда кузнец появился на остановке автобуса.

— А что мне говорить? — ответил Амброж и тут же обозлился. Видать, его совсем темно-

той считают. «Уж я-то наездился на машинах больше, чем вы все, вместе взятые, и отсюда, из низины, тоже. Пан Фоустка — торговля скобяным товаром — тоже езживал ко мне на грузовике. Много раз и меня подбрасывал в город, чтобы я мог истратить денежки, которые он мне заплатил...»

— Ну, скажи сам, этот автобус — разве не прогресс, а?

— Время экономит, что верно, то верно, — кивнул Амброж, как только разболтанная колымага взяла с места.

Утро выдалось холодное. Машина миновала домишки и, подвывая и кряхтя, полезла на первую высотку.

— Сидишь себе, ножки вытянул и едешь как барин, — с восторгом добавил Трояк.

— Только и всего, что сидишь, а тебя везут. — Амброж втянул носом смрад бензина и масла. Да и запахи, исходящие от людей, были не больно приятны. — Зато, когда шагаешь пешком, остается больше времени, чтобы подумать...

— А здесь кто тебе думать мешает? — осклабился Патера.

— Да я ничего не говорю, — пошел на попятный Амброж и отвел глаза, уставившись в окно, в полутьму. Места, что они проезжали, он знал во все времена года. И хаживал здесь в самом разном настроении. Иногда счастливый, что хоть на время удрал из низины, а иногда еще счастливее, что возвращается обратно. Школа, военная служба, мобилизация, возвращение домой, какие разные бывали дороги, но тогда ничего не мешало раз-

думью. А вот сейчас в этой вони и грохоте... Видимо, неудовольствие отразилось на его лице, потому что Трояк насмешливо поинтересовался:

— Значит, по-твоему, люди, что топают пешком, умнее тех, кто ездит? Так, что ли?

— Коли было бы так, то я до самой смерти ни на чем бы не стал ездить,— ответил Амброж. Он был уже далек в своих мыслях от тропинок и дорог, перекрещивающих шоссе.— Но есть такое, о чем в автобусе думать не получается!

— О чем же это?

— Трудно объяснить,— нервно отрезал Амброж,— оно на тебя может накатить лишь под чистым небом. Все вдруг радует глаз...

«И впрямь вид с гребня, в какую сторону ни кинь взгляд, был прекрасен. Кузня сверху казалась малюсенькой, как собачья конура, а городские крыши и церковь по другую сторону гребня, там внизу, под горой, походили на жилища гномов. Надо мной пролетали стаи птиц или встречался неспешный путник, который тоже никуда не торопился. Прежде люди никуда так остервенело не мчались. Только война все ускорила, сбила всех в кучи, и после нее люди стали еще суетливее».

— Разве, когда шагаешь по дорогам, встречается мало интересного? — обратился он к мужикам, и тем пришлось согласиться.

Автобус бросало на поворотах, ехавшие стоя дети и молодежь, девчонки Яниного возраста, теряли равновесие, и мужчины на задних сиденьях не успевали поджимать ноги.

— И только поэтому ты не хочешь идти работать на фабрику?

— Отчего же, пойду, коли иначе не получится. И фабричная работенка сойдет! — кивнул головой Амброж.

— Когда у ребят каникулы, в автобусе покурить можно, — вполголоса сообщил Патера.

— Покурить я люблю дома, в покое!

— Но ты сейчас все-таки не на фабрику собираешься? — все допытывался Матлоха.

— Назад пойду пешком, — не отвечая, объявил вдруг ни с того ни с сего Амброж. Ему захотелось поскорее переделать все дела в городе и прямо через горы вернуться домой.

— Как думаешь, тебе еще надолго оставят кузню? — уже напрямик спросил Трояк.

— Ты что имеешь в виду? Кто это может ее мне оставить или не оставить?

— Кузню-то оставят, да продавать товар запретят!

— Начальство, кто же, — уточнил Матлоха.

— Кришпин еще не начальство, — махнул рукой Амброж.

— А кто же еще? Ведь он у нас секретарь!

— Тогда у него должны быть заботы поважнее! — твердо заявил Амброж.

— А он и заботится... — хохотнул Патера, словно желая подчеркнуть, что слишком уж лезет вон из кожи.

— Пусть лучше заботится, чтоб хорошее дело не на песке создавалось!

— У него директивы!

— Да, ведь всюду свои условия, и всем это хорошо известно!

— Тут уж ничего не изменишь,— вмешался примирительно Трояк, а Матлоха с Патерой напустили на себя такую мину, будто удивлялись наивности Амброжа: ведь подобные вещи должны быть ему понятны.

Автобус спускался по крутому склону вниз к городу. Им пришлось упираться ногами, чтобы не сползти с сидений. Ухабистая дорога встрясла всю душу, и мужики примолкли. Но когда за окнами замелькали первые дома длинной улицы, ведущей к площади, Трояк вдруг вслух заудивлялся, почему это Амброж так долго не появлялся в трактире. Как будто во время этой головоломной поездки пришел к выводу, что именно здесь кроется главная причина его неосведомленности. Дескать, очнись да возьмись за ум, пока еще не поздно!..

— Приду, мужики, приду,— пообещал Амброж и добавил: — Не мог я...— Он окинул всех взглядом, и те понимающе закивали головами. Амброж еще носил траур по жене.

С автобусной остановки все разбежались кто куда. Амброж не спешил. Он вышел последним. Перекинулся словом-другим с водителем, который заботливо оглядывал со всех сторон свою выдавшую виды колымагу, будто беспокоился, все ли части на месте. К вечеру надо еще проделать обратный путь через горы в Брудек. Амброж направился к дому, где были самые большие витрины.

Он вошел в дверь магазина. Знакомо

звякнул колокольчик. За длинным прилавком копошился неизвестный ему человек. Новый приказчик, что ли? Пан хозяин, видимо, еще не изволили проснуться...

— Мне бы поговорить с паном Фоусткой!

— Его нету!

— А когда он может появиться?

— Он больше сюда не ходит,— ответил новенький и опять склонился над стопкой бумаг возле кассы.

— Как это — не ходит? Я к нему по делам! — в раздражении взвился Амброж.

Но человек, возившийся с бумагами, даже головы не поднял.

— Спросите у его жены,— он ткнул большим пальцем в потолок.

Амброж растерянно поблагодарил. Вышел из магазина, свернул к калитке, которая была врезана в большие ворота, и очутился в проходе, ведущем во двор. Стал подниматься на второй этаж и вдруг увидел среди сложенного во дворе материала и инструментов целую кучу своих мотыг. Он узнал бы их среди тысяч подобных. «Моя работа!» Но сейчас он испытывал отнюдь не профессиональную гордость. Им овладело беспокойство.

Что-то стряслось, не иначе! Уж не захворал ли Фоустка? Или еще того чище — не помер ли? Таким никому не нужным, заброшенным казалось все это добро под навесом, тянувшимся по всей длине двора. А какой всегда лоск и порядок бывал на этом складе между стенами асфальтированного подворья!..

Амброж медленно добрался до дверей квартиры. Постоял, помялся. Может, все-таки

не надо заходить? Но его подгонял страх, что он уедет, так ничего и не добившись. Амброж вздрогнул от ужаса, когда представил себе те кучи мотыг, топоров и лемехов для плугов, к которым ему пришлось бы вернуться в свою кузню, так и не узнав, куда их девать.

Пани Фоусткова опасливо приотворила дверь. Но Амброж успел заметить в ее глазах слезы.

— Мужа нету дома!

— Мне необходимо с ним поговорить, — сказал Амброж настойчиво.

Осунувшаяся, бледная, в заношенном капоте, с неприбранными волосами, она совсем не походила на уважаемую супругу крупного оптовика, одну из первых дам города. Иногда она вместе со своим мужем появлялась в кузне. Он вспомнил ее щебетанье, стук высоких каблучков возле лотка, наивные, удивленные возгласы, ахи и охи там, где ни Амброжу, ни кому-либо другому ничего не казалось удивительным. Фоустка с великодушной улыбкой посматривал вокруг, как будто говорил: «До чего же красивая и очаровательная женщина, а?» — и требовал от всех домочадцев кузнеца почтительного снисхождения к сумасбродствам своей женушки.

А сейчас эта женщина рыдает: «Его арестовали!» — и захлопывает дверь перед самым носом Амброжа.

Он нахмурился, сделал страдальческое лицо, пока рыдания и всхлипывания не заглушил стук каких-то других дверей. Амброж уходил и все сильнее и сильнее встряхивал головой.

Нет больше сомнений — жизнь вокруг рушится. Он даже не оглядел двор, где всегда с удовольствием любовался штабелями железа и замечательного, отлично изготовленного товара.

Амброж вышел на площадь и окинул укоризненным взглядом автобус. Эта старая калоша словно бы назло привезла его совсем не туда, куда он собирался. Он вспомнил разговоры мужиков во время езды. «Они, конечно, знали, что меня здесь ожидает. А я только предчувствовал. Где-то там, в самой глубине души. Но все боялся сказать вслух, как бы не сглазить... У меня так и вертелось на языке: о чем это они? Какой такой конец пришел моей кузне, коли есть пока сбыт?..»

Амброж засунул руки поглубже в карманы своего полупальто и с гневом окидывал взглядом эркеры домов. Атланты и кариатиды держались еще высокомерно, чем прежде, демонстрируя полное безразличие ко всему и ко всем. Не только к его неожиданному краху, но и к спешащим мимо людям и повозкам, запряженным лошадьми.

Иногда мимо проносился автомобиль, и с мостовой поднималась стая вспугнутых голубей. Птицы опускались на лепные фасады домов. Гордость, самоуверенность и великолепие. Результат добротной строительной работы — и спекуляций. Кто-то должен сделать, кто-то другой — продать. Торговля — кровь в жилах жизни. А сейчас ее благотворный бег внезапно прервался.

Амброж отводил глаза от людей. Прохожим могло показаться, будто этот широкоплечий, простоволосый верзила просто так, скуки

ради шатается по каменной мозаике площади. Он заглядывал в витрины магазинов, и его удивляло, что все идет своим чередом, как прежде. Женщины делают покупки. Такой же деревенщина, как он, и даже в одинаковом с ним полупальто, тащит новый кнут. Москательщик ставит перед своей лавкой доску с указанием имеющегося сегодня в продаже товара. Все это Амброж примечал, не переставая размышлять над судьбой оптового торговца пана Фоустки. Наконец он еще раз непонимающе оглянулся на вывеску над его магазином и быстрым шагом припустился к улице, где жил знакомый кузнец.

В окнах кузницы играли сине-зеленые отблески сварки. Перед мастерской стояло несколько подвод. Амброж учуял запах сена из торб и смрад подпаленных копыт. Сено не успокаивало тревожно вздрагивающих лошадей.

— Слышал я о твоей беде,— сказал старый мастер, поздоровавшись с ним.

Амброж не сразу понял, о какой беде тот говорит.

— Такая молодая, тридцать восемь, да? — сочувственно продолжал старик.— Ну а как вообще твои дела?

— Что с Фоусткой? — спросил Амброж.

Кузнец поправил на носу примитивнейшие из всех производимых очков и сделал вид, будто только сейчас понял истинную причину хмурого вида Амброжа.

— Судить будут!

— За что?

— Тебе лучше знаты!

— Мне?

— Ага, тебе,— кивнул кузнец,— годы и годы обдирает тебя как липку, а ты о том не знаешь и не ведаешь!

— Не меня одного! Нас много на него работало,— бросил Амброж.

— Да! Таких, как ты, у него на совести достаточно! Он, конечно, был псих, твой Фоустка. Да только из тебя масло жал! Что и говорить!

— А как же без выгоды-то?

— Выгода...— ухмыльнулся кузнец.— Ты своей головой подумай, какую деньгу он огребал и что тебе отслюнивал!

— Так было, так и будет, сколько свет стоит.

— Нетушки! Теперь пришел конец!

— Смотри, как бы всему конец не пришел...

— Я в артель вступил! Сырье мне дают, забот никаких, а работы — хоть отбавляй!

— Говорят, и с лошадьми покончат,— заметил Амброж.

— Пока что вон их сколько,— ткнул кузнец в сторону парных упряжек, возле которых топтались мужики. Они с таким любопытством пялились, как подковывают коней, будто видали такое в первый раз в жизни.— Спрошу, может, наши у тебя товар возьмут.

— У меня все — первый сорт, как и раньше,— поспешно заявил Амброж.

— Инструмент мужику всегда надобен. А вы его всегда делали на совесть! — Кузнец хлопнул Амброжа, который был намного мо-

ложе его, по спине и одобрительно глянул сквозь стекла очков.— Уж твой-то отец непременно порадовался бы, что дела зашли так далеко!

Амброж неопределенно кивнул. Старый мастер вместе с его отцом немало побродили по свету, набираясь ума-разума. Позже они время от времени встречались и, выпив, всегда начинали восхвалять кузнечное ремесло, которое в истории народа сыграло самую большую роль. Цепы, сулицы¹, булавы! Без кузнецов не достиг бы Жижка такой славы!

Разгулявшись, они вели себя как мальчишки. Глаза сверкали, их несло и разбирало: «Коли понадобится, выкуем оружие получше предков!» Амброж посмеивался над их удалым бахвальством. Вокруг бушевала и сеяла смерть война, оружие ковали люди, обладавшие иными возможностями, нежели наковальня и молот в руках кузнеца. Но два стареющих человека в своем святом восторге казались такими счастливыми, что он прощал им эти безвредные мечтанья, не размышляя об истинной причине столь убогой отваги. Лишь сейчас закрались в голову сомнения — а ведь, может статься, он чего-то не понял...

Заручившись согласием артельщиков приехать к нему за товаром, он побрел по направлению к площади. «Кузнец совсем не изменился,— думал он,— а вот отец, тот уж наверняка сделал бы все и добился, чтобы у нас в низине кузнечное ремесло не заглохло». Слово «артель», напоминавшее о кооперативе,

¹ Сулица — короткое метательное копье.

пугало Амброжа. Оно возвращало его мысли домой, на дно низины, где течет река, с которой шутики плохи. Начинать новое дело рядом с коварной стихией — все одно что водить дружбу с человеком, который прячет за спину острый нож. Амброж никак не мог представить себе, что сельхозкооператив под руководством Кришпина сможет в такой сомнительной ситуации хоть что-то изменить.

Он шагал мимо оклеенных плакатами стен, с которых на него смотрели улыбающиеся рабочие и крестьяне. У каждого в руках было какое-нибудь орудие труда. Они призывали его строить дома и заводы, предлагали идти на работу в шахты и рудники. Плакаты висели на тех самых местах, где перед войной часами топталась на месте толпа мужчин, тщетно поджидающих кого-нибудь, кто даст им заработать хотя бы крону-другую. Они опрометью кидались, когда отец Амброжа подзывал помочь погрузить железо или снять готовый инструмент. За несколько геллеров, пачку «зорок» или за кружку пива... Видно, и впрямь настали другие времена!

Амброж, словно очнувшись, вдруг обнаружил, что проголодался. Он направился к трактиру, который не мог похвастать броской вывеской и занимать почетное место на площади. Заезжий шинок с утра и до поздней ночи оживлял собой небольшой уголок возле церкви. Здесь никому не мешали ни лошади, запряженные в брички и телеги, ни гам, ни пьяное пение. И в окнах просторного шинка

чуть не до самой зари горел свет и мельтешили фигуры бражников.

Здесь толклись и зажиточные мужики, и те, что победнее. Батраки и возчики из всех окольных деревень, городские рабочие и подмастерья, приказчики, которым негоже рассиживать рядом со своими хозяевами или господами-чиновниками где-нибудь в ресторации на площади. В базарные дни шинок ходунном ходил от шумных разговоров, обильных возлияний, шлепков засаленных карт о столешницы. Тут же совершались сделки и ставилась выпивка в счет удачной коммерции. Здесь бывало шумно и по воскресеньям после богослужений, но Амброжу больше всего нравились предвечерние посиделки, которыми венчались знаменитые в этих краях ярмарки. На лавках теснились дорожные рабочие, лавочники, бродячие купцы, торгующие самым разнообразным товаром и всевозможными чудодейственными снадобьями от любых хворей. Те, что целый день без усталости выкрикивали из своих ларьков, примостившихся среди ярмарочной суматохи. От этих людей, вдруг затихавших и грустневших, словно они отыграли трудный спектакль, исходил какой-то свет дальних странствий. Амброжу было о них кое-что известно и потому иногда казалось, будто с этими людьми, бродящими с места на место, он связан родственными узами. Сам он выбирался из своей низины не чаще раза в год, но те далекие времена, когда он весной становился плотогоном, пустили в нем глубокие и крепкие корни. Переступив порог шинка, Амброж неожиданно подумал, уж не пуститься ли ему будущей весной в путь по

белу свету. Ведь плакаты предлагают такой богатый выбор...

Амброж окинул взглядом шинок и сразу увидал мельника. Озлившись на себя, что не приметил на улице его коней, он повесил пальто на крючок и принялся разглядывать присутствующих. В полупустом зале среди утренних посетителей знакомых не оказалось. Амброж молчком опустился рядом с мельником. Тот, едва кивнув головой, тупо уставился прямо перед собой на стойку с пивом, хотя там ничего интересного не происходило. Амброж сообразил: мельник дает ему понять, что он явился некстати.

Приглушенный говор усиливал тихую угрюмость почти пустого помещения. За окнами то и дело мелькали опадающие листья каштанов, похожие на тени птиц. «Моя сова не оставляет меня ни на минуту. Уж не предостерегает ли от беды?..»

Перед мельником уже стояла кружка пива и рюмка с чем-то покрепче. Амброж заказал себе пива и гуляш.

Мельник брезгливо щурил глаза, словно избегая взгляда Амброжа, а кузнец развлекался, наблюдая за странным поведением соседа. С бесцеремонностью и дерзкой самоуверенностью, присущей людям столь крупным и могучим, как он, Амброж внимательно изучал глуповатую, гладенькую и пухлую физиономию мельника.

«Ага, и у тебя уже седина в волосах. А когда совсем поседеешь, то станешь ни дать ни взять сам господь бог!»

Лицо мельника с тонкими женственными

складками вокруг губ и маленькими прищуренными глазками было насуплено. Мельник явно старался напустить на себя сердитую и раздраженную мину. И у Амброжа так и чесался язык сказать: «Чего дуришь, сосед, не строй из себя невесть что! Чего ты все пыжишься, изображаешь, будто со мной не знаком?»

Но тут мельник вдруг заговорил сам:

— Роза к тебе приходила?

— Приходила! Ну и что с того? — кивнул Амброж.

— Учти, это было в последний раз.— Мельник пытался говорить твердо и решительно.

Шинкарь поставил перед Амброжем пиво и тарелку гуляша. Ушел и вернулся с ломтем хлеба.

— Как же так, сосед? Ты даже не пожелаешь мне приятного аппетита? — спросил Амброж, принимаясь за еду.

— Нет!

— Дело хозяйское,— усмехнулся Амброж. Он откусывал хлеб и не торопясь работал ложкой. Ему было неприятно возвращаться мыслью к вчерашнему свиданию с Розой.— Уж не воображаешь ли ты, что будешь ей приказывать?

— Воображаю! — отрезал мельник.

— Припоздал, не те нынче времена, приятель. Спишь долго!

— А ты не припоздал! — съязвил мельник и ухмыльнулся.— Может, это ты долго спишь?

— Я...— начал было Амброж, но вдруг

умолк, сделав вид, что не может продолжать разговор с полным ртом. Он откусывал хлеб, глотал гуляш и запивал острую еду пивом. И нехотя признавался себе, что мельник, пожалуй, прав. Что-то в этом роде он уже слышал, хотя совсем по другому поводу.

— У тебя, кузнец, всегда дела шли хуже, чем у меня!

— Ага, раньше! — согласился Амброж. Он доел и почувствовал себя лучше. Ему даже нравилось, какой оборот принял их разговор.

— И сейчас хуже!

— Это как же понимать?

— Ты хотел перемен, ждал нового...— кивнул мельник.— Вот и дождался! Пожалуйста, получай, оно наступило. А теперь давай расплачивайся!

— Фоустку посадили, что правда, то правда, но...— И тут Амброж сообразил наконец, куда мельник гнет.

Мельник махнул рукой, будто говоря: «Этого сюда не приплетай», и перебил Амброжа:

— Я был и буду против всего, что нам навязывают! А ты — ни рыба ни мясо, и вашим и нашим, тебе я не завидую!

Амброж насторожился и выжидающе взглянул на мельника.

— Не завидую! Ведь ты сам потакал тем, кто теперь тебя сожрет и напроць уничтожит! — прошипел мельник, и Амброж почувствовал, что тот из их спора выходит победителем.

«Да, я и впрямь очутился где-то посреди-не. Ни с этими, ни с теми, другими...»

Он выпил залпом полкружки и сказал:

— Ты начал про Розу!

— А я про нее и говорю!

— Не похоже!

Мельник громко хихикнул. Щелкнул пальцами, подзывая шинкаря, и лихо швырнул на стол деньги. Потом встал и, не дожидаясь его прихода, выправившись, зашагал прочь из шинка. Шинкарь схватил купюру и крикнул:

— Больно много!

Мельник у самых дверей обернулся:

— В порядке! Может, у этого...— он кивком указал на Амброжа,— денег не хватит.— И исчез.

Амброж в бешенстве только успел приподняться со стула. Плюхнувшись обратно, он беспомощно уставился в тусклый, грязно-зеленый стол. Он знал, что мгновенная слабость навалилась на него не из-за оскорбительной выходки мельника. Тот всегда был спесив и вечно тщился изображать из себя сильную личность. Нет, не это сбило Амброжа с ног. Уверенность, с какой мельник точно попал в самую его боль, в его сомнения. Он признавал его правоту и бесился от злости, и все это смешалось в нем, как перетасованная колода карт.

Амброж заказал еще пива. Листья с деревьев облетали все гуще и непрерывно мелькали за окном, как будто отъезд мельниковой повозки навлек на каштаны яростный порыв ветра. «Мудрая сова не зря предостерегала меня!..»

Амброж вдруг заторопился. Ему было не

по себе. Он расплатился и вышел из шинка. Не испытывая ни к чему интереса, побродил по городу и вышел к той дорожке, что вела напрямки к открытому горному кряжу, за которым находилась брудекская низина. Вот-вот на смену поздней осени придет зима. Это чувствовалось на каждом шагу. Когда-то Амброж любил такую пору. В кузне становилось уютно, все вокруг затягивала мгла, а над низиной повисали тихие снежинки. Времена были нелегкими, а вскоре и вовсе грянула война. Но то главное, что человека поддерживает и помогает ему держаться на плаву, если он невзначай поддастся безнадёжности и страху, оставалось ясным и четким.

«Теперь железа у меня навалом. Да и воды в реке как будто должно хватить на веки веков, и на здоровье пока не жалуюсь, но, сдается мне, с наступающей зимой все, что кажется куда как надежным, тоже полетит в тартарары».

Амброж радовался, что может идти домой пешком. Он шагал по знакомой тропке и, минуя пустынные развилки дорог с крестами и распятиями, оставлял где-то позади последние мысли о городе, этом копошащемся людском муравейнике, втиснутом в дома из камня, добытого в полях. Он боялся провалиться думами в прошлое, чтобы не очнуться с еще большей обидой и болью в таком непростом настоящем.

Вечером Амброж с нетерпением дожидался Яну. Рассказал ей про свои дела. Он сидел у стола и старался говорить спокойно. Ци-

гарку свертывал с неторопливым спокойствием. Зачем переключать свои тревоги на ее неокрепшие плечи? Перед собственной дочерью он стремился казаться стойким и нести свое горе с достоинством настоящего мужчины. Амброж привык жить независимо от круговерти стороннего света. Надо во что бы то ни стало устоять и сейчас.

— Работы везде много,— весело сказала Яна и положила руку ему на плечо.

— Знаю...— согласился Амброж, но про себя отметил: «...да только что за работа! Ведь человеку не все равно, какое дело делать!»

— Радим тоже занимается не тем, чему выучился...— продолжала Яна, и Амброж заметил, что она вдруг оробела, невольно сказав то, чего не хотела сказать.

— Ага, значит, его зовут Радим?

Яна кивнула, и глаза ее засветились счастьем.

Наконец-то между ними не было больше секретов.

— У тебя с ним серьезно, Яна?

— Серьезно!

— А когда же ты мне его покажешь? — спросил Амброж, старательно придавая голосу мягкость.

— Пойдем как-нибудь в деревню, в кино, там и покажу!

— Уж не артист ли он у тебя? — спросил Амброж с преувеличенным изумлением.

Оба рассмеялись и продолжали смеяться все время, пока Яна рассказывала.

Два раза в месяц на деревенской пло-

щади появляется разболтанный автомобиль со следами военного камуфляжа: красный крест еще проглядывает из-под свежего слоя краски. Амброжу никогда не доводилось оказаться возле этой выдавшей вида санитарной машины. Но раз-другой он слышал хриплый голос, рвущийся из репродуктора, прикрепленного на крыше этого ветерана войны. Кинопередвижка приглашала зрителей на кинофильм в местный трактир. Амброжа ничуть не удивляло, что в такие дни Яна всегда возвращалась из города. У молодости свои права. Он ее не удерживал, хотя мог бы деликатно напомнить о недавней гибели матери. Наоборот, он радовался. Пусть девочка отвлечется, придет в себя. А оказывается, дело тут совсем в другом...

Только после рождества, когда снег почти сошел, из артели явились к нему за готовым товаром. Теперь в кузне, как и прежде, стоял шум и грохот. Но вечером того дня Амброж отправился в кино.

— Коли фильм будет дрянной, останусь пивка попить. Не сидел с людьми не помню с каких пор!

Он стал бриться, Яна положила на стол чистую рубашку и поспешила уйти из дому первой.

Из стоявшей на площади машины неслись в темноту неразборчивые, прерывистые выкрики. Люди выходили из домов и домишек, прислушивались, но ничего в этих объявлениях разобрать не могли. И Амброж тоже. Он поздоровался; увидав его, деревенские малость оторопели, но вел он себя как все:

идти так идти, что-нибудь да покажут!

Ему стало вдруг смешно, ведь голос из репродуктора вполне мог выкрикивать какие-нибудь гадости, например: «Заходите, заходите! Оторвем всем башку! Заходите, заходите, мы из вас душу повытрясем! Выбирайте, кому что нравится!»

Он представил себе, как все те, кто сейчас толпой устремились внутрь, рвутся из дверей обратно и мчатся домой, чтобы зарыться поглубже под перины своих высоко застланных постелей. Такая бессмыслица порадовала его. «Коли эдакие дурацкие мысли могут лезть в голову, значит, дела мои не так уж плохи!»

В табачном дыму и гомоне он отыскал свое обычное место и снова с ехидцей подумал: все куда-то лезем и лезем, сами даже точно не знаем зачем! Он тешился сознанием, что среди шумных, возбужденных мужиков он один такой невозмутимый и спокойный.

На улице, подле затихшей санитарной машины, Яна познакомила его с худощавым молодым парнем. Амброж пригласил его заходить к ним в гости. А потом сидел за столом, жадно тянул пиво — у разливного совсем другой вкус, чем у бутылочного, к которому он за эти полгода привык, — и наблюдал за Радимом. Паренек сновал взад-вперед среди столов со своими ящичками и коробками. Темные волосы тщательно прилизаны, на лбу челка, от теплой куртки плечи кажутся шире, чем на самом деле. Он устанавливал киноаппаратуру и вешал на стену экран, который был виден через окно и из

соседнего зала трактира. Вспотев, парень скинул куртку и влез в пиджачок, узенький, как две сложенные вместе Амброжевы ладони. Силачом не назовешь! Куда там! «Но для настоящего мужчины фигура еще не главное»,— твердил позже Амброж в разговорах с мужиками. Вокруг гомозили женщины, дети и бабульки, которых прежде могло вытащить из теплых домов разве что пасхальное богослужение там, наверху, в церквушке.

...Погода. Болезни у родни и у скотины. Похвальба и робкие жалобы.

Амброж мало к кому лез с разговорами. Отхлебывал свое пиво и с таким любопытством наблюдал за тем, что происходит вокруг него в зале, что даже пропускал мимо ушей обращенные к нему слова, а потом кивал головой, соглашаясь неизвестно с чем.

— Ну а ты-то как, Амброж?— вдруг спросил его Кришпин.— Ты запишешься вместе с нами в сельхозкооператив?

Амброж оглядел сидящих вокруг стола, чтобы понять, с кем это «с нами». Середняки и беднота. Амброж их хорошо знал. Всей-то живности парочка коз. Никто не взглянул на него ободряюще или с интересом. Большинство сидело с таким видом, будто им самим нужно было отвечать на вопрос Кришпина.

— Запишусь! — заявил Амброж решительно.— Запишусь, но только если ты что-нибудь сделаешь с рекой!

— Будем конюшни строить! И ремонтную мастерскую...— ответил Кришпин.

Амброж покачал головой.

— Строить собираешься? А река? Пусть

себе все крушит и зверствует дальше?

Кое-кто из мужиков поднял глаза: Амброж попал в самую точку.

— Она зверствует уже сотни лет, а жизнь в низине как шла, так и идет! Почему же именно сейчас...

— Ты эти пустые разговорчики брось, сенатор,— подчеркнуто ласково пожурил его Амброж.

— Не смей называть меня сенатором! — с раздражением заорал Кришпин.

Амброж благоразумно умолк и опять взялся за свое пиво. Видеть, что делается в соседнем зале, мешало одеяло, которое Яна помогала вешать на дверь. Она улыбнулась отцу, словно хотела подбодрить.

— Что это ты? Застыдился вдруг, что закупал сено?

— С чего бы? Вот уж нет! — огрызнулся Кришпин.

— Впрочем, знаю! Ты не только сено, ты покупал-продавал все, что только мог,— заметил Амброж.

Сейчас напоминать секретарю о его прошлом не имело смысла. Это могло бы пригодиться в другой раз. А пока мы просто сидим, беседуем, пьем пиво...

— Ты мне такое не клей! К делу не относится!

— Что-что, а дураком тебя не назовешь, товарищ сенатор! Чего нет, того нет,— одобрительно сказал Амброж.

— На твой век моего ума хватит!

Радим в последний раз обратился к мужикам в трактире, приглашая их на фильм. Сеанс

уже начался. Никто не двинулся с места.

— На мой — может, и хватит, а вот на реку — нет, не справишься! Кишка тонка! — ухмыльнулся Амброж.

— Что ты все лезешь с этой рекой! Кто виноват, что...

— Кришпин! — крикнул кто-то предостерегающе. Все понимали, что ни к чему напоминать сейчас Амброжу об утонувшей жене.

— Я не только из-за этого говорю о реке. — Амброж сразу понял, чего не договорил Кришпин. — Но начинать строить, не обуздав реку, — затея пустая! Ведь каждый год вода все сносит! Сейчас это, кажется, называется вредительством!

— Что-то ты нынче много себе позволяешь!

— Вода все уничтожит, и вам это отлично известно. — Амброж повернулся к сидящим в нерешительности мужикам.

— Знаешь, Амброж, кто ты? — резко бросил Кришпин.

Амброж кивнул. Секретарю такого неопределенного согласия показалось недостаточно.

— Ты подрываешь саму идею сельхозкооператива!

— Ну уж, ну уж! — хохотнул Амброж, и даже остальные осмелились заметить, что секретарь, пожалуй, хватил лишку.

Из зала неслись обрывки музыки и приглушенная, странная, будто из загробья, речь киногероев.

— Я тоже проголосую — за! Но в первую очередь за строительство плотины, — заявил Амброж, и все с испугом уставились на него.

— Видали? — торжествующе заорал Кришпин. — Он всех вас хочет выжить из низины!

— Такое дело не пойдет, Амброж!

— С ума, видать, спятил!

— Наши предки от твоих слов в гробах переворачиваются!

— Здесь, в низине, наш дом!

— Радуйся, что в свое время этому строительству хода не дали!..

— А почему не дали? — возмущенно спросил Амброж. — Да потому, что кой-кому оказалось невыгодно!

— И нам невыгодно, и всегда будет невыгодно, — укоризненно заявил кто-то из середняков, высказав вслух то, что думали остальные.

— Выходит дело, времечко-то не другое, товарищ сенатор? — преувеличенно заудивлялся Амброж и, смакуя, облизал с губ пивную пену.

— Да нет! Другое! — возразил Кришпин.

— А ведь кто-то в эти твои конюшню и мастерскую всадит денежки! Или нет? Кооператив на воде! Вот где ты прославишься!

— Заткнись! — взорвался Кришпин.

В двери зала просунулась какая-то физиономия, призывая не забывать, что идет фильм. В глухие голоса вклинилось стрекотание пулемета, и музыка заиграла громче.

— Должно, про войну, — заметил чей-то голос.

— Шли бы лучше кино смотреть...— посоветовал трактирщик.

— Тебе, Амброж, хорошо трепаться, когда знаешь, что с кузней покончено,— вмешался мужик, сидящий слева от него.

— Пока что не покончено!

Кришпин многозначительно ослабился, делая вид, будто ему об этом кое-что известно. Остальные хмурились, ужасаясь призраку затопленной низины.

— Или ты держишь зло на мельника?

— Что верно, то верно! Держу! Да только не со вчерашнего дня это началось,— согласился Амброж.

— Чтобы из-за какой-то бабы всю деревню переселять...— изумился кто-то, и остальные облегченно захохотали.

— Дурачье! — Амброж едва сдержался, чтобы не сплюнуть.

Его пытались урезонить: не сходи с ума! Хватит об этом, бросьте вы, пошумели, и ладно! Куда ты? Останься!

Амброж расплатился с трактирщиком, схватил свое полупальто и выскочил в ночь.

И вот опять он шагает из деревни к себе на выселки. Проходит мимо темных, без признаков жизни домов. В тоскливой слякотной тьме среди грязи и серого снега еще четче белеют стены мельницы. Река стала шумной. Рождественская оттепель добралась до макушек окрестных гор. Амброж припомнил свой неудавшийся поход в кино. И впервые пришло в голову: а ведь он так и не знает, откуда

в нем это чувство одиночества. Из-за того, что его никто не поддерживает, когда он говорит о реке? Или потому, что не стало жены? Видимо, легче преодолеть боль утраты, чем переубедить соседей. Они продолжают ходить к нему в кузню и вести бесконечные разговоры, убеждая понять и их страхи, и требования времени, в котором он живет. Была бы при нем жена, все шло бы легче. Жена или, может, любовница? Все равно! Видно, куда-то надо девать энергию, а не ломать попусту голову над тем, что происходит вокруг.

«У меня есть дочь. Но кто знает, сколько она еще проживет со мной вместе?»

Когда Яна в первый раз привела к ним в дом Радима, Амброж понял, что дочка пробудет здесь месяц-другой, не дольше.

Радим Зезула приезжал с Яной все чаще. И в жилой части кузни опять стало весело. Черноволосый, подвижный как ртуть паренек нравился Амброжу. Он пытался помочь по дому и в кузне, но видно было, что к таким делам непривычен. Инструменты держал в руках бестолково и неумело. Топор почему-то казался ему то чересчур тяжелым, то острым, ручки у инвентаря тоже никудышные, только мозоли набивают!

Такой вот он был неумеха.

— Вы бы шли на другую работу,— предложил Радим, когда Амброж пожаловался, что нет у него уверенности, дотянет ли кузня до весны.

— Не так-то все просто,— отмахнулся Амброж.

— Радим тоже поменял работу,— сказала

Яна, и тут предположения Амброжа, наблюдавшего повадки и манеры будущего зятя, наконец-то подтвердились: Радим был официантом.

— Плохо зарабатывал? — спросил Амброж участливо.

— Да нет, зарабатывал хорошо! Но сейчас мне живется лучше!

— Чего уж хорошего-то — таскаться, куда черт пошлет, — ляпнул Амброж с пренебрежением, но сразу же усомнился: не так ли и сам он рвался из дому, влекомый весенним зовом реки, и каждый нерв в нем дрожал и манил в дальний путь?

— Вербовали на производство, да, к счастью, ухватился за просвещение!

— Просвещение? — не понял Амброж.

— Несу свет в самые глухие деревушки... — начал было Радим перечислять задачи и мероприятия, про которые Амброж иногда слышал по радио, но ему и в голову не приходило, что такое может быть кому-то хлебом насущным.

— Какая-то непонятная работа, — удивился Амброж.

Яна поспешила заверить отца:

— Мы скоро квартиру получим! В городе!

— Хочешь сказать, что если б остался официантом, то не получил бы?

— Уж это наверняка, — с гордостью ответила Яна.

— Черный костюм, белый воротничок и гладенькие ручки сейчас не в моде, — подхватил Радим.

— А сейчас у тебя что — руки в мозо-

лях? — от души рассмеялся Амброж.

— И мозоли были...— вступилась Яна за своего избранника, который пошел было на фабрику, да быстренько переметнулся на эту, для Амброжа пока что загадочную работу.

— А кто будет подавать людям пиво и еду?

— С этим и женщины справятся!

— Угу! — неуверенно допустил Амброж.

— На фабрику нас собирали с бору по сосенке: официанты, парикмахеры...

— И ремесленники тоже, так ведь? — перебил его Амброж.

— И они! И крупные фабриканты,— кивнул Радим.

— Ну и дела,— изумился Амброж.

— Человек, папа, всему может научить-ся,— подхватила Яна,— возьми хоть меня!

— Ну, если их такая работа устраивает, почему бы и нет. Но ведь большинство пошло туда не по своей воле!

— Да-да! Такие сейчас времена,— вздохнул Радим.

— Времена! — скривился Амброж.— Всегда все валят на времена.

— Платят мне прилично...— продолжал Радим, и Амброж согласно кивнул головой. О дочери можно теперь не беспокоиться. Но он не смог удержаться и подпустил шпильку:

— Главное, чтобы работа нравилась!

Радим махнул рукой. Подошел поближе к Яне.

— Живы будем — не помрем.— И обнял ее.

Яна была счастлива, ведь для ее будущего мужа главное в жизни — их любовь.

Пожелав Амброжу доброй ночи, они отправились в комнатку, в которой еще недавно Яна ночевала одна. Амброжу прежде не приходило в голову, что дочь его стала женщиной, что у нее есть возлюбленный.

Он остался в кухне один, сел и опустил голову, подавляя в себе недовольство. Впрочем, ведь он сам, первый, предложил ему ночевать в комнате вместе с Яной. Сначала Амброжу было приятно чувствовать себя человеком широких взглядов. Дело молодое, да тут еще Радим беспокойно ерзает на стуле и говорить с ним просто невозможно... Двери, что вели к Яне, притягивали его как магнит. Амброж сказал: «Ступай к ней!» — но хорошо, хоть не добавил, как теперь у молодежи принято: «Будь что будет!» Парень, видимо, понял, что за отцовым предложением стоит житейский опыт — к чему притворяться, и так все ясно! Нынче молодые наедине не богу молятся! Впрочем, а когда оно было иначе?..

Сомнения, которые пришли позже, переключались с его личными переживаниями. Амброж не мог позабыть Розу. Вполне возможно, она еще придет. Представив себе это, он скривился: «Ну и дела, о господи! У девчонки парень ночует, у меня баба, тут же, за стеной, в постели, где я годы спал со своей женой». С Яны какой спрос? Она молодая. Радим — ее парень, и они, видимо, скоро пожениятся. Но смириться с мыслью, что сам он не имеет права спать с женщиной, Амброжу никак не хотелось. Его раздирали сомнения, он злился на себя: сколько же фальши и ханжества прет из человека. Только и заботы, как бы

это получше выглядеть в глазах окружающих. А надо на все плюнуть и жить как хочется...

Последние морозы и начало весны неплохо уживаются друг с другом. Как друзья, что частенько бранятся. Подует северный ветер, и ляжет новый снег. Весна начинает чахнуть, ее пробирает дрожь от унылых лесов с их тоскливой гримасой, от голых ветвей и старой листвы на почерневших снегах. Амброж винит их в сообщничестве. Зима с весной спелись, чтобы портить нам жизнь. Играют на нервах. Вечером тепло, утром рассвет белеет свежим снежком. Он выходил на улицу и хмурился. Опять моросит дождь. Амброж с отвращением оглядывался на свои следы, чернеющие провалинами в снежной каше, и злился на бесформенные горы, утратившие границу с небом. Будто именно там зреет заговор лично против него, Амброжа.

Теперь Амброж остался совсем один. В феврале Яна с Радимом поженились. Пир горой не устраивали. Пригласили лишь двух свидетелей. Тихо расписались, и все. Это тоже знамение новых времен. Молодые переехали в город. Получили квартиру. Амброж туда наведася всего один раз. На последнюю телегу со своим товаром он погрузил и Янино приданое.

Две комнаты, кухня, темная, без окна, ванная, где и днем приходится зажигать свет. Да и те комнаты, где были окна, казались ему тоже темными. Прямо напротив торчит еще один дом, для второго уже копают яму под фундамент.

Их семейный очаг, их счастье...

Соседи заходили к Амброжу в кузню. Опять пытались заводить разговоры, но Амброж уклонялся, отходил к горну прежде, чем начинались прикидки насчет будущего Брудека и низины. И в трактире, и возле продовольственной лавки, где мужики частенько собирались потолковать, он переводил разговор на что-нибудь другое. Амброж наконец понял, что никому нет никакого дела до его здравых рассуждений. Он-то возражал против новшеств только потому, что не брали в расчет реку.

Реку, которая была последним, что осталось у Амброжа. С ней он сталкивался изо дня в день, использовал ее силу, она была помощницей, и, несмотря на это, он стремился ее погубить...

Как и сотни лет назад, так и теперь, когда, казалось, весна играет с зимой в прятки, а зима испытывает его терпение, река щебечет, мчится вперед, шумит, словно стаи невидимых птиц, гремит, и рокочет, и тихо мурлычет, как довольная кошка. И во всех своих обличьях она не устает еще отражать и солнце, и тьму. И бьется ли о берег, крутит ли водяное колесо — не просит ни милости, ни снисхождения. Вечная, она тщеславно напоминает нам, смертным, о бренности... «А я хочу, чтобы ее хищный поток превратился в смиренные, укрощенные плотиной зеркальные воды. Ты утратишь свободу, река, но станешь еще сильнее».

Он ощущал ее присутствие за стеной кузни, в изнурительной жаре и грохоте, а сам себя — капелькой, которая вот-вот воспарит и вольет-

ся в многоголосье общего хора. В многоголосье с ускользающим от его понимания ладом. Слишком уж разноречивым было все то, что он слышал вечерами по радио, краем уха в деревне и с чем сталкивался в собственной работе. «Я ведь тоже потеряю свободу, но кто поручится, что я, Ян Амброж, стану сильнее? В этом, река, твое предо мной преимущество».

Весна не спешила в низину. Застенчиво приближалась слякотной безотрадностью, неожиданно удлиняя ночь на радость одной лишь большой сове, и та пиршествовала на мышьих стежках, обнажившихся из-под ставшего снега. Амброж теперь все чаще возвращался в дом лишь после того, как темная птица, вылетев из чердачного оконца, растворялась во влажной темноте. На какую-то совсем короткую минутку ему начинало казаться, что он не один, что огромный, трудно постижимый человеческими чувствами мир, те его вечные ценности, которым он не мог подобрать имени, а может, и великий кодекс, который человеку неподвластен, все еще существует. Он здесь, он без нашего ведома руководит нами.

Амброжу позарез необходима была весна. Ему казалось, что только она может принести решение, но мучила странная тревога, мерещилось, будто такое безвременье не кончится никогда.

Немудрено было догадаться, что дело тут вовсе не в капризной смене времен года, но в напряжении, живущем в нем самом, в его душе. С частными кузнями покончено. Идти работать в мастерскую, что собрались строить за деревней, совсем близко к реке, ему не хо-

телось. Ведь в любой момент на нее могла рывкнуть разлившаяся вода, ее могло изувечить наводнение, которое здесь шутя называли «десятилеткой», даже если оно случалось чаще. «Какой же я мужчина, коли соглашусь делать то, во что не верю!» С такими мыслями Амброж ложился и вставал. Но бывало и по-иному. В нем оживал другой голос. Внешне проявляясь лишь безысходной подавленностью да воркотней на погоду, он требовал, настаивал: «Мне нужна женщина! Я еще не старик, чтобы обходиться без женщины!»

После отъезда Яны Амброж все чаще поддавался игре воображения. Он считал это естественным. Более того, пытался понять, думая при этом о Розе, нужна ли ему определенная женщина, или это может быть любая другая... Роза не переставала волновать его, но вскоре на высоком потолке спальни и в пламени горна стал, зыбко колеблясь, возникать иной образ.

Об этой женщине Амброж не думал. Она пришла сама и предложила себя. «Чего тут удивляться! Ведь я пялюсь на нее всякий раз, когда прихожу в лавку». «У тебя, Мария, все в руках горит». — «Да и ты, Амброж, ловко управляешься с хозяйством». — «Тебе все к лицу, Маня!» — «И ты еще мужик что надо, грех жаловаться!» — «Я одинок, Марженка!» — «Ты думаешь, Амброж, я не одинока?..»

Так она давеча и сказала. Он кивнул и сделал вид, будто понимает, что такое нудная обыденность супружеских страстей. У Кришпина, ее мужа, голова была всегда полна ге-

шефтами, а теперь прибавилась еще и беготня по инстанциям да ответственный пост... Надо бы ей раньше, еще девчонкой, понять, куда лезет! Всему селу был известен суматошный нрав Кришпина, умеющего наповал сразить односельчан каким-нибудь непонятным нововведением, которое он подхватывал где-то далеко от Брудека. Начиная с одежды и кончая затеями. Когда все довольствовались велосипедами, он вдруг объявлялся на мотоцикле. Отец его, скототорговец, первым в долине завел себе ламповый радиоприемник. Сын уродился весь в отца и унаследовал его норы. Собственной жене урвал место продавщицы в лавке. Да, Мария такая баба, что стоит греха...

Не выходит у Амброжа из головы Мария. Его влечет ее грудь, распирающая платье и выглядывающая из глубокого выреза, когда она склоняется под прилавок за какой-нибудь мелочью. И еще его тянуло к ней, потому что она была женой Кришпина. Да-да! Поначалу Амброжа ужаснуло такое открытие, потом он махнул на это рукой. Эко дело! Чего доброго, затаит на Кришпина еще большее зло, если у него с Марией ничего не выйдет.

А тут вдруг Мария сама явилась в кузню. Встала в дверях, держа в руках топор. Амброж заметил ее, только когда повернулся, чтобы, зажав клещами раскаленный кусок железа, оттащить его от наковальни к кадке с водой.

— Вот, топор принесла! Мой к тебе никак не выберется...— начала она и, прежде чем Амброж успел удивиться, добавила кура-

жась: — А в нашем доме весь инструмент затупился! — Сказала и стыдливо опустила глаза...

Амброж прошелся было пальцем по лезвию топора, но Мария вдруг обвинила его шею руками и спрятала голову на груди, как будто давно уже высмотрела там спасительный уголок. Кузнец уронил топор на пол. Обнял и прижал к себе Марию с благим умыслом успокоить. В ее испуге могла быть повинна расходившаяся река, всплески воды под колесом, скрип и треск, смрад от раскаленного железа и удушьяющая жара. Но Амброжу во имя спасения души лишь на какую-то минуту удалось сдержать себя. Мария жадно принимала его поцелуи. Сначала он целовал ее волосы, потом впился в губы. Мария откинула голову назад и прижалась всем телом к его кожаному фартуку. И Амброж понял, что она ищет у него вовсе не спасения от опасности. Так, слившись телами и не прерывая объятий, они двигались к верстаку. Мария прижалась к нему, словно в дурмане, Амброж сорвал с себя фартук. Он чувствовал, как ее маленькие пальцы все сильнее сжимают его шею, гладят лицо, щека его коснулась крестика в глубине выреза, и пахнуло на него нежным теплом ее груди.

Рядом шумела река, но теперь эти звуки казались Амброжу совсем иными. Он прислушался, дрожа от волнения. Что, если вдруг навалится та непонятная, постыдная слабость, как это случилось с ним тогда, с Розой... Одолевал страх, что в этом грохоте и шуме они не расслышат, если кто-нибудь распахнет двери и увидит их обоих в греховных объять-

ях, приваливших к верстаку. Хорошо, мелькнуло в голове, что на Марии темное пальто, а не белый, рабочий, заметный издали халат. Мария смеялась и всхлипывала, задыхаясь и трепеща. Он плыл с нею вместе по этой бескрайней дороге любви...

«Она приняла меня таким, каков я есть».

— Амброж! Амброж! — восклицала она. — Нет! Нет! Это невозможно! Неужто я здесь, с тобой!..

Она накинула на голые ноги пальто и уже не сопротивлялась, когда он склонился над ней. Обхватив руками его голову, все теснее прижимала его к себе...

— Придется все-таки наточить твой топор, — сказал Амброж, когда они наконец очнулись. Сказал, чтобы как-то скрыть смущение.

— Я приду за ним вечером!

— Вечером? — удивился он.

— Кришпин уехал на курсы, — ответила Мария, и глаза ее были полны таким счастьем, что ни для чего другого не оставалось места. Она призывала Амброжа участвовать в заговоре против собственного мужа...

Амброж прикинулся, что готов стать ее сообщником, что подобный союз его не страшит. Он молча кивнул головой. Мария подошла к нему совсем близко, поглядела на топор, который он держал в руках, указательным пальцем осторожно тронула острие, словно это была дорогая реликвия. И только потом подняла глаза на Амброжа. Наверное, он должен ее поцеловать. Но он этого не сделал. Мария повернулась и торопливо вышла.

Амброж столбом стоял посреди кузни, уставившись на захлопнутые двери: Огляделся: нигде не осталось ни малейшего следа этой горячей и явно выношенной сердцем встречи. Он никак не мог успокоиться. Подошел к окошку, обросшему паутиной, и через старое слепое стекло увидел удаляющуюся фигурку Марии Кришпиновой. Тускло, как сквозь сплошной молочный туман, вырисовывалась низина, дома и хаты, вся деревня и горы, верхняя граница которых терялась где-то в облаках. Там, высоко, где одни леса и вершины, залегла густая мгла. Амброжу вдруг пришло в голову, что Марию кто-нибудь может заметить. На этом плоском куске земли, что тянется вдоль излучины реки, все открыто людскому взгляду, пусть даже случайному. Марию могли заприметить, когда она только пробиралась к нему в кузню. «Ко мне, правда, многие ходят, тащат свои топоры-лопаты, но не бабы!» Он с отвращением глядел на отполированное чужими руками буквое топориче, и его корчило от брезгливости. Кришпиновыми ладонями...

Амброж прислонился к наковальне и задумчиво покачал головой. Случилось такое, чего он никак не ожидал. «Да, я этого хотел. Втайне, в самой глубине души. Но чтобы оно налетело внезапно, как летняя буря?.. Что пригнало ее сюда? Любовь или топор?» — улыбнулся он счастливой улыбкой и представил себе, как она заперла лавку, сняла с себя белье, чтобы все произошло быстрее... Где-то в сарае схватила топор и кинулась к кузне. Топор и тоска по возлюбленному! Такой союз

казался ему вполне понятным. Топор, между прочим, не просто инструмент, которым тешут балки для будущего дома или заготавливают лучину, чтобы в доме было тепло. Топором и головы снимают...

Амброж залпом выпил пива и стал бесцельно разглядывать кузню. Надо было разгрести пепел в горне, прокачать, и ветрогон раздует остывшую золу, из которой выглядывают куски холодного железа. Водяное колесо ждало и требовало привычных звуков молота и ударов по металлу. Амброж уже знал его жалобный скрип, когда оно крутилось вхолостую. Уходят твои силы, Амброж, уходят! Река насмехается над тобой. Ты разрешаешь ей, не трудясь, бежать вперед. «Да плевать я на нее хотел, я всего лишь человек, не больше! Должен же я осмыслить, что произошло здесь, под этими почерневшими от копоти балками, среди стен с лучиками света, пробивающимися сквозь щербины от выпавших сучков, под кровлей с покинутым ласточкиным гнездом, где под самым коньком висят вниз головой черные кулечки нетопырных тел. Я вел себя как настоящий мужчина!»

На этот раз он не сплоховал, и ему было оттого весело, но почему-то вспомнилась Роза... Роза и Мария! Они одних лет, может, годок-другой разницы. Обе темноволосые. Мария пухленькая, розовощекая. Глаза глубокие, правдивые, спокойные. Никогда бы не поверил, что она может быть подобна горному потоку после летнего ливня, прорвавшего тучи...

Он набросил приводной ремень на точило

и взялся за топор. Посыпались, разлетаясь в стороны, снопы искр. Сталь с визгом противилась насилию шероховатой поверхности камня. Выла и плакала на высокой ноте.

Амброж осторожно прижимает острие к вращающемуся серому камню, и в памяти возникает Мариино тело. Его заливают радость.

...Она придет вечером, и они опять будут любить друг друга. Спешить не станут. «И не убудет ни меня, ни ее, сколько бы мы, настоящие мужчина и женщина, ни тратили себя».

К вечеру он в на редкость приподнятом настроении переделал целую кучу дел. И ему ни разу не пришло в голову, даже в те минуты, когда он доставал из кадушки свежезакаленные детали, что все это больше никому не нужно...

Амброж вышел из кузни, когда уже смеркалось. Из чердачного окошка только что вылетела сова. Наверху, на церковной колокольне, звал к вечерне колокол, и в теплом воздухе звуки эти сплетались с шумом реки, впервые нынче запевшей по-весеннему. Вскинув голову, он долго смотрел с крыльца на отвесные горные спуски. Когда опустится тьма, любопытным глазам уже ничего не углядеть. Амброж отвернулся от реки и перевел взгляд на мельницу. И, неожиданно увидав Розу, забеспокоился. Конечно, это была она! Ему даже показалось, будто Роза, замедлив шаги, пристально смотрит в сторону кузни.

Но сегодня ему некогда было обдумывать, что мог означать Розин взгляд. Он растопил печку. Поел и долго, тщательно мылся. Потом

перетащил пуховики из спальни в комнату и оставил открытой дверь, чтобы туда шло тепло от нагретой уже печки. Впервые после гибели жены задернул на кухонном окне занавески белого полотна. Прежде темнота никогда его не смущала, да и до нынешнего вечера нечего было скрывать от соседей. Амброж включил радио, и гром духового оркестра с его барабаном, отбивающим ритмы жизнерадостного марша, заглушил монотонное тиканье часов. Наконец, усевшись поудобнее за стол, он принялся священнодействовать над своими сигарками. Первую он тут же закурил и взялся скручивать остальные, располагая рядом перед собой эти нескладные, набитые до отказа махрой колбаски.

Амброж послушал по радио последние известия и невольно вспомнил Кришпина. Он представлял себе, что где-то там, откуда летят эти слова, и есть то самое, что нынче называют курсами. После известий стали передавать классическую музыку. Она звучала томительно и грустно, как будто кто-нибудь умер, и очень походила на музыку, которую по большим праздникам наверху в церквушке со скрежетом и одышкой изрыгал из своего чрева орган. Амброж взглянул на топор, безжизненно валявшийся у наколотых сосновых полешек возле печки. Он был порукой, что Мария придет. Обязательно придет.

Она пришла. Амброж поспешно переставил кастрюльку с водой на середину раскаленной плиты и, чтобы как-то скрыть смущение, буркнул, что сейчас приготовит чай. Мария тоже казалась смущенной. На ней было темно-

синее платье, отделанное белой тесьмой по карманам и белыми же пуговками, целомудренно застегнутыми до самой шеи. Она опустилась на краешек стула, держась чинно и скованно. На ее лице и в глазах дрожал страх, словно она опасалась встретиться глазами с Амброжем или оглядеться.

Амброж такого не ожидал. Сразу рухнули мечты, которыми он весь день упивался: какая же она будет вечером, коли могла быть такой средь бела дня! Сейчас они степенно сидят друг против друга, как будто встретились, чтобы обсудить важные, неотложные дела.

— Я, наверное, рехнулась, Амброж, и все испортила,— робко произнесла Мария и облизнула кончиком языка иссохшие в великой жажде губы.

— Мария...— мягко произнес Амброж и протянул к ней руку.

Вода на раскаленной плите заклокотала, кастрюлька, задребезжав, выбросила пузырьки кипятка. Амброж поднялся и достал из судничка две кружки.

— А я кофе принесла,— сказала Мария деловито и, вытащив из кармана пакетик, сама взялась за приготовление напитка, благоухающего прекраснее любых духов. Одурачивающий аромат кофе Амброж учуял сразу же, как только Мария вошла в дом. Давненько не пил он натурального кофе.

— А твой топор уже готов!

— Я не знаю, сколько должна тебе за него,— улыбнулась Мария, но тут же застыдилась, сообразив, что своими словами на-

помнила о случившемся между ними днем. Амброж прикоснулся к ней, желая без слов, одним лишь этим движением, исполненным одновременно мгновенной жалости, радости и желания, дать ей понять, что ее приход дороже любой платы и его нельзя сравнить ни с кофе, ни с деньгами, ни с чем-либо другим. Такого в ее лавке, как и птичьего молока, никогда не достать...

Она благодарно принимала его прикосновения, они помогали ей преодолеть смущение. Кающаяся грешница?.. Потом, не сопротивляясь, позволила увести себя в комнатуху. Ее прерывистый шепот возбуждал и согревал Амброжа.

Мария чувствовала его тяжелую руку на своем теле. Тепло этой комнаты с низким потолком охватило ее. Она притянула лицо Амброжа к своему полуоткрытому рту, принуждая касаться ее губ и полузакрытых глаз. Но, всеми силами прибегая к всевозможным ухищрениям, оставляла ему свободу действий, чтобы он мог считать себя завоевателем. Ее волновали сильные руки Амброжа, его тяжелое дыхание и грубые пальцы, которые вели неуклюжую борьбу с ее платьем и тонкими кружевами белья; она хотела упиваться как можно дольше сладостью борьбы за свое тело, хотя и знала, что это наслаждение женщина с мужчиной может испытать в полную силу лишь в первый раз. Она больше не могла сдерживать себя и устремилась ему навстречу. И тут на них низверглась стихия, подобная той, что обрушивается, когда снимают щиты и открывают затвор над отводом и скры-

тая сила воды раскручивает водяное колесо... Амброжу показалось, что он проваливается в пучину...

Радио продолжало играть, хотя они его вовсе не слушали. Амброж принес остывший кофе. В тишине, которую лишь иногда нарушало потрескивание догорающих поленьев, под шум реки, не дающей забыть, что их окружает полночный, окутанный тьмою мир, они говорили вроде бы друг о друге, но на самом деле Амброж — о своей жене, а Мария — о Кришпине.

— Он не виноват, что у нас нет детей,— прошептала она, заступаясь за мужа, хотя Амброж ни о чем не расспрашивал. Лишь удивился, что за весь день эта мысль ни разу не пришла ему в голову.— Он ведь не такой уж плохой! Просто слабак!

— Мужик — это не одни только мускулы,— возразил Амброж.

— И это тоже!

— Коли я бы смолоду поездил с товаром...— хмыкнул Амброж, но Мария перебила его:

— Но ведь ты стал кузнецом!

— И жалею об этом!

— Нет, не жалей, в этом твое счастье!

— Я о тебе тогда и мечтать не смел!

— Времена были такие,— сказала Мария, целуя его, и Амброж невольно, в который уже раз за сегодняшний день, представил себе Марию, единственную дочь богатого крестьянина Сламы, которую отец отдал тогда за неугомонного, предприимчивого и честлюбивого Кришпина.

— Хорошо, что настали новые времена... — смеясь, протянула Мария, а он добавил:

— ...и людей стали отправлять на недельку-другую на курсы!..

— Скажешь тоже! — шутя надулась Мария и тесно прижалась к нему. Амброж с радостью принимал ее ласки, уводившие его от страхов за будущее. Но страхи и опасения то и дело вспыхивали в нем, словно трут, занявшийся от раскаленных искр.

Мария ушла перед самым рассветом. Кое-где по дворам, проснувшись, забрежали собаки. Амброж выжидал у порога под холодным, усыпанным звездами небом, пока не угомонится последний цепной пес и не заберется обратно в свою конуру. Кузнеца брало сомнение, не обманет ли ясная ночь. Какую даст завтра погоду?

Мария приходила каждый вечер. Весна в конце концов сжалилась над Брудеком и теперь спешила наверстать свое опоздание. Светлые перышки молодой травы, клейкий блеск почек на ветвях, рыба, идущая против течения на нерест.

К Амброжу приехали Яна с Радимом. Не надолго, так, на часок-другой. Яна удивлялась, с чего это отец так чисто выбрит. Прошлась по дому и шепнула ему на ухо: Роза? Он отвел глаза, но «нет» не сказал.

Амброж работал теперь целыми днями, не присаживаясь. Ел и пил за троих. Ему не нужно было бегать в лавку за провизией: Мария приходила с полными сумками. Однажды ночью она принялась стряпать у него на кухне, и за стол они сели только во втором часу

ночи. Амброж опасался, как бы соседи не приметили, что он перестал ходить за покупками. И как-то раз отправился в лавку. Накупил, как обычно, Пива, пожалуй, взял побольше. И в лавке встретил Розу. Они остановились. Поговорили. И вдруг ни с того ни с сего Амброжа надоумило позвать ее к себе. «Приходи. Ведь ты по субботам свободна!» Роза кивнула, и ее юбка прошелестела по тропинке, спускавшейся к реке, где с незапамятных времен расходились в разные стороны две протоптанные стежки. Налево — в кузню, направо — к мельнице... Амброж с нетерпением ждал ночи на пятницу. Настал конец встречам с Марией. Они не заговаривали об этом, да и обо всем другом тоже молчали.

Амброжу вдруг обрыдла работа. В чем его жизнь? Этот тяжелый труд да Мария по вечерам? Он не привык подолгу спать, но после четырех бессонных ночей, проведенных с ней, все-таки чувствовалась усталость. Опять на него накатывали приступы безнадежности, не ослабевающие, даже когда он кидал в кучу готовых изделий новый заступ или лопату. Амброж все чаще хмурился. Из города уже давно не приезжали за товаром.

Он не жалел, что вот так, не подумав, позвал к себе Розу. Прошедшая неделя с Марией — да, наверное, и эта последняя ночь — ничего не изменит, он потешит свое самолюбие, укрепит веру в себя, и только! Когда у тебя есть женщина, все идет проще, пока ты не увязнешь в чувствах и не поймешь, что очень уж в ней нуждаешься...

«Надо еще раз попытать счастья с Розой,

покуда есть уверенность в себе, покуда знаю, что не буду дрожать перед ней, как побитая собачонка. Мария выбрала меня для своего собственного удовольствия. Ну что ж. Что хотела — то получила», — рассуждал Амброж.

Он представил себе обеих. Мария, одетая в белоснежный, с яркой вышивкой национальный костюм. Роза — как на плакате, что висит в городе. Марию растили для другой жизни. Ей всегда хорошо жилось, но ведь в этом нет ни ее вины, ни заслуги. Так же как Роза не вправе кичиться тем, что у нее никогда ничего не было. Мария миловидна и привлекательна, но у нее муж. Роза кажется красивей, впрочем, тут он возвращается памятью к молодости. А главное, у нее никого нет...

Амброж поставил молот и вышел из кузницы, чтобы опустить щиты у лотка. Доски соскользнули вниз, вода стала быстро убывать, наконец обнажилась нижняя часть большого водяного колеса. Амброж обернулся и заметил на тропинке мельника. В руках у него был перемет с крючками.

— Браконьер! — крикнул мельник и поглядел на Амброжа.

— Ну и что? — пробурчал Амброж.

— Не знаю, кто этот ворюга, — в бешенстве орал мельник, — ну да ничего! Я его поймаю!

— Мне бы твои заботы, — усмехнулся Амброж, — река давным-давно не твоя. — И поглядел вниз, в лоток. Он всегда любовался, как перекрытая вода с журчанием просачивается сквозь щели и тоненько струится по блестящим камням.

Мельник зашвырнул шнур с крючками в кусты и с неприязнью сказал:

— Зря ты на скандал нарываешься!

— С кем? С тобой? — хохотнул Амброж.

— Нет, с теми! — ткнул мельник в сторону деревни.

— Это как же понимать?

— Я им уже отдал всю свою землю. А коли ты будешь упорствовать, они заодно возьмутся и за мою мельницу!

— Не могу же я отдать им землю, которой у меня нету!

— Ступай к ним работать, и они нас обоих оставят в покое!

— А они объяснили тебе, почему я не хочу к ним идти?

Мельник поглядел на кузню. Тут и там из стен выпирали бревна. Трухлявые балки требовали смены.

— Конечно, твою развалину можно с легким сердцем затопить водой! А моя мельница в полном порядке! Как игрушка!

— Сейчас самый подходящий момент что-то сделать с рекой, — сказал Амброж и поспешно отвел глаза от воды. Словно испугался, что проговорился в ее присутствии.

— Надо это время как-то переждать, потом опять станет легче! — заметил мельник.

Амброж не понял.

— Эти их новизны долго не продержатся, кузнец! Опять вернутся старые порядки. Лучше тебе со мной не ругаться!

— Эка загнул! Старые порядки! Ошибаешься! Нетушки! Что было, то прошло и уже не вернется!

Мельник осклабился. Его румяные щеки еще больше расплылись, но в глазах вдруг проскочила злобная искорка.

— Тогда тебе, кузнец, лучше мотать отсюда подальше!

Амброж молчал. Прислонившись к загородке, он сплевывал в небольшую лужицу, которая всегда натекала сквозь затор. Он глядел в темную зеленую стынью воды и едва сдерживал бешенство. «Что это? Предложение? А может, приказ?! Нет, ни за что! Хотя бы наперекор этому ублюдку я не покину реку и низину! Нет! Не могу! Но и не желаю быть побежденным вместе с ним. Сейчас мы с этим типчиком вроде бы партнеры. Нас ждет одна участь. Но для меня это было бы проигрышем вдвойне!» Амброж отвернулся и глубоко вздохнул, чтобы освободиться от душившего его бешенства. Но оно все подступало к горлу. Опять всплыл вопрос, не имеющий ответа: а если я отсюда не уйду, как быть дальше? Как и раньше, плясать под его дудку?..

— Ну что ж! Тогда мне придется помочь тебе. Не хочешь по-хорошему, вылетишь по-плохому,— со спокойной угрозой, словно прочитав его мысли, заявил мельник.— И не рассчитывай, что ты такой уж хват... ну, скажем... как в постели.

Амброж оттолкнулся от щитов, ухватил мельника, который был ему по плечо, за воротник и обеими руками стал стягивать барашковый мех на жирной шее, пока не полопались швы.

— Ах ты сволочь! Сейчас швырну тебя в реку, и никто по тебе слезинки не прольет,

потому что ты никому не нужен!

Амброж тряс мельника изо всех сил и угрожающе шипел прямо в жирную рожу. Но вскоре пальцы его сами собой разжались. Не стоит связываться, не тот он человек, с кем можно разговаривать. Отчаянный страх этого обмякшего мешка обезоружил его. Уперев руки в бока, он глядел на дрожащего, как мокрая курица, мельника. А тот разглаживал ладонями отвороты воротника и, не замечая, что глаза Амброжа все еще мечут молнии, а кулаки сжаты, опять взял высокомерный тон:

— Это я позволил Розе завтра вечером зайти к тебе!

Мельник совершил большую ошибку. Амброж, недолго думая, врезал ему и с левой и с правой. Точно в подбородок. Молниеносные удары перевернули мельника. Падая, он успел получить от Амброжа еще и хорошего пинка в зад. Толстяк тяжело поднимался с бурых плетей прошлогодней крапивы, но кузнец уже не видел, как он, хватаясь за старые стебли и сгорбившись в три погибели, ковыляет прочь. Амброж стоял, повернувшись к нему спиной, и глядел на бегущую мимо реку... Его растрогала доверчивость, с какой вода мчится сверху от излучины, чтобы влиться здесь в тихую заводь над запрудой и превратиться в большое зеркало, отражающее горы, и склоны, и птиц, и все то, что с незапамятных времен обретается на ее берегах. На него вдруг навалилась слабость. Глаза застлали слезы. «Я должен был, ну просто должен был проучить его,— твердил он себе,— но, если бы

знал, что со мной будет твориться такое, не стал бы марать руки!»

Отпустить мельнику затрещину мог сподобиться лишь он, Амброж. Последний в роду кузнецов. Но поздно! Все поздно. Далеко позади остались попреки и споры из-за того, что кузня пользуется мельничным отводом. Раздоры из-за водного права, из-за всего, что порождало соседство избытка со скромным трудовым заработком, едва хватавшим на жизнь. «Да, только я смог позволить себе набить мельнику морду! Ни дед, ни отец на это не осмелились! Иные были времена.— Амброж удовлетворенно покачал головой.— Зато теперь пришли времена новые! Но кузне моей — конец. Дороговато обошлись мне эти затрещины», — подумал он уныло и, взглянув в последний раз на реку, на горы, словно закончив с ними разговор, медленно поплелся к дому.

Вечером Амброж изо всех сил старался не показать Марии своего плохого настроения. Еще не взявшись за свои ежевечерние сигарки, он нет-нет да и начинал прикидывать в уме, на что же мог намекать мельник. Постель? Надо бы предостеречь Марию. Кто-нибудь, наверное, видел ее. Но когда она пришла, такая беззаботная и праздничная, ему не захотелось портить ей радость и вспоминать то, что опять отступило перед налетевшим вихрем вечной женственности...

Мария согрела ужин. Она то усаживалась ему на колени, обнимала и ласкала его, то кидалась прибираться в доме, доводя все до блеска. Амброж наблюдал за ней с некоторой

опаской. Наверное, еще и потому, что несколько часов назад пришлось взглянуть правде в глаза. Амброж понимал: Мария хочет, чтоб у обоих остались хорошие воспоминания, и об этой, последней, ночи — тоже...

И опять они любили друг друга, а очнувшись от ласк, поняли, что время их истекло. Мария сказала:

— Спасибо тебе, Амброж, я, конечно, знаю... что... — и умолкла, а он додумал за нее. Проглотив слова «ты меня не любишь», она воркующим и спокойным голосом заговорила о своей любви: — Ведь я тебя люблю, люблю давно.

Амброж потянулся за самокруткой и закурил. Голова Марии, свернувшейся клубочком, лежала у него на руке, в которой он держал пепельницу.

«Что я могу ответить ей? Она все еще красивая. Наверное, была бы доброй женой! Да только у меня ничего нету. Кузня, что вот-вот рухнет, да дом, в котором зимой гуляет ветер, а летом протекает крыша. И ни к чему вкладывать в это деньги, кабы они у меня и были. Река! Так дело дальше не пойдет. Мне это ясно при всем почтении к ее красоте и ко всему тому, чем за многие века она оделяла людей в низине. Я вырос рядом с водой. Понимаю ее, как мало кто другой. А сегодня набил мельнику морду, быть может, и за своих предков тоже! Ведь я наследник их тщетных мечтаний об огромном водохранилище, которое поглотило бы капризы реки. Не такое уж это для нее жестокое наказание... Кузня всегда попадала первой под гнев разбушевавшейся

стихии. Старые балки многое могут поведать. Чего только не натерпелись они от нее!»

— Ты мужчина, Амброж. И мне нечего ждать от тебя объяснений в любви!

— Нет, Мария, я просто думаю, как жить дальше!

— Ты не пропадешь!

— Считаешь, мне надо уехать? — спросил он, понимая при этом, что у себя дома человека и стены помогают.

— Я хочу, чтоб ты остался! Брошу Кришпина и уйду к тебе!

Слова Марии окончательно сбили его с толку. Он придавил сигарку, отодвинул пепельницу, положил руку ей на щеку и стал пальцами гладить глаза. Они были мокрыми. Амброж верил ей: она пойдет следом за ним, даже если он решится отсюда уехать. Защемило сердце. Ведь все эти дни он думал, что Марию приводит сюда к нему только плотское желание... А она, оказывается, поставила на карту свою жизнь, отдавая ему свою любовь. Верила, что и он еще может полюбить ее...

— Так ведь я же люблю тебя, Мария,— вырвалось у него.

— Тогда чего боишься?

— Себя!

— Это мне в тебе дороже всего!

Амброж усмехнулся.

— Ты совсем не изменился.

— Думаешь? — засомневался он.

— Тебе нужно иметь кого-то рядом...

— Кого-то... — сказал Амброж с сомнением.

— Но, видно, не меня! Я с мужчинами не очень умелая!

— Очень даже умелая, Мария!

— И все-таки не я нужна тебе!

Она видела в полутьме, как Амброж в бесилии покачал головой. Вдруг он спросил:

— А Кришпин верит в дело, которое делает?

— Ты о том, чем он занимается сейчас?

— Ага!

— Верит. Как и всегда. Но только вначале! Потом устает, как норовистый конь, который не потянет, куда его не запрягут в другой воз.

— Мне бы надо быть с ним заодно. В его компании...— сказал Амброж полувопросительно, но уже без тени насмешки.

— Нет-нет! Держись от него подальше!

Амброж не стал бы всерьез принимать предостережение Марии против собственного мужа, если б так хорошо не знал Кришпина. Кришпин присосался к тому новому, что нарождалось в этой низине, и, хоть не на нем одном оно держалось, энергия, с которой он всегда брался за дело, вполне могла увести доверчивых людей совсем в другую сторону. Деревенские мужики не слишком разбирались, что идет от его оголтелости, а чего на самом деле требуют от них «сверху». Кришпин убеждал их: «Не прите на рожон! Я ведь не из своей головы такое выдумал! Ничего не поделать — это требования нынешнего дня!»

Но в их покорной уступчивости была и своя правда: «Не он, так все равно кто-то найдется, да еще пришлый!»

Так оно и бывало. Это не раз признавал и сам Амброж. А ведь главное — не наломать дров, потом уже дела не исправишь! Раньше у одних было всего невпроворот, имущество и всякие там привилегии. У других — ничего. Значит, сейчас самое время покончить с несправедливостью. Потом будет поздно. Долой прошлое! Да, долой. Но, боже праведный, не забыть бы, что у прошлого была и своя мудрость. И горька была она для дальних и ближних предков, эта мудрость познания — хищная, все разрушающая неожиданными паводками река...

...Они прощались в темноте, под тихий шепот воды, беспокойно вздрагивая от утреннего холода и неопределенности, не представляя, что с ними станет дальше. Теперь они знали, что бессонные ночи были для них не просто ночами любви. Они пытались насытиться страстью, а тем временем потихоньку вступал в силу переменчивый закон жизни, тот, который никому не позволит избежать уплаты по счету... После часов забвения еще невыносимей окунаться в тягостную злобу будней...

Амброж обнял Марию и поблагодарил. Она уходила в собственный мир. «У каждого из нас своя жизнь, и каждому жить в ней по-своему. Сурово, немилосердно, но такова неблагодарная правда. Поздно соединять наши жизни, Мария! Да к тому же сейчас не самый подходящий момент».

Утром Амброж поднялся с постели и отнес пуховики из комнаты обратно в спальню. Тщательно уничтожил все следы прошедшей неде-

ли; многие мелочи жгли ему руки, рождая в душе сомнение, не слишком ли он упорствует в своей решимости. Но вечером должна прийти Роза! Его ничуть не смущало, что придется встретиться с ней, когда мысли его целиком поглощены другой женщиной. Вот Розу он мог представить рядом с собой. «Она из того же теста, что и я. Не знала в жизни ничего, кроме работы и унижения. Роза — битюг, запряженный в тяжелую телегу. Мария же белая кобылка в легких дрожках на рессорах. А я на дрожках ездить не мастак!..»

Он собрал полную сумку бутылок и отправился в деревню. Солнце стало припекать. Скворцы уже прилетели, а в низкой траве, возле первой избы, с громким писком льнули к наседке желтые гусята. Наконец-то пришла весна! Амброж ног под собой не чуял от радости. Мир, омытый утренней росой, был прекрасен. А воздух! Нигде в целом мире не найти воздуха благоуханней, чем в этой низине ранней весной. Амброж был так упоен великолепием природы, что чуть не разразился своими восторгами перед теми, кто находился в лавке. Он с нетерпением ждал, пока подойдет его очередь. Хотелось поскорее оказаться опять на улице. Погожим дням люди должны радоваться, а не хмуриться и не вести тусклых разговоров про то, что станут стряпать, а потом есть. На свете уйма дел повеселее. Амброж поглядывал на Марию, но она держалась так, будто целиком поглощена своими заботами и это вовсе не он стоит по ту сторону прилавка. Только когда подошла его очередь, она стала доставать кроме пива и другие продукты, ни

о чем не спрашивая, и его это растрогало. «Приметила, чего у меня дома не хватает!..»

В это время за окнами послышался шум подъехавшего автомобиля, и в лавку ввалился Кришпин. Он был в воскресном костюме, с портфелем в руке. Увидав Амброжа, бросился обратно к дверям, и все услышали, как он кричит, что кузнец, мол, сейчас здесь, в лавке, пускай подождут. Вернувшись, он сказал:

— Едут к тебе за товаром! Подбросили меня из города!

Амброж поспешил рассчитаться, но тут Кришпин добавил:

— В последний раз приехали!

Амброж остолбенел. Мария подняла на него глаза. Позже ему не однажды вспоминался ее взгляд. «Она хотела сказать мне, чтоб я сохранял спокойствие».

— Ох, товарищ сенатор, и что ты можешь знать о нуждах сельского хозяйства в железном инвентаре!

— Брось! Твое дело — труба, — заявил с превосходством Кришпин, мелкими шажками пританцовывая вокруг кузнеца.

Амброж двинулся к двери. И уже с порога, кивнув тому, кто сидел в грузовичке, крикнул:

— Может, и труба, но с тобой мне так и так не по пути!

— Это мы еще поглядим!

— И не думай и не жди! — гневно рявкнул Амброж, опуская сумку с продуктами за борт машины.

— А куда ты денешься! Деваться-то тебе некуда!

Амброж деланно захохотал, но смех этот не принес ему облегчения. Его трясло от бешенства, он заорал:

— Один раз ты мне уже такое говорил, Кришпин! Вспомни-ка, во время войны!

Кришпин взвизгнул:

— Ты это сюда не приплетай!

— Тогда ты хотел, чтобы я в кузне на немцев вкалывал. Но я не такой дурак, не стал тебя слушаться! Не то что покойный корзиночник Бенда!

— Ну и что? — с вызовом спросил Кришпин.

— И тогда ты тоже гундел: «А куда тебе деваться...» Ты ему неплохой гешефтик подкинул. Вязать плетенки для авиабомб.

— Он на этом немалую деньгу зашиб!

— Но ведь и ты тоже! Тебе все одно, на чем зашибать! Коллаборационист!

Кришпин побагровел. Обернулся к перепуганным односельчанам, выскочившим на их крики из лавки. Он как будто призывал всех в свидетели:

— И ты смеешь говорить такое? И кому — мне?

— А кому ж еще! — уже спокойнее заявил Амброж и полез наверх в кузов машины.

— Ты еще своими словами подавишься! — прошипел Кришпин, задрав голову вверх, но Амброж только отряхнул ладони, словно бог знает в чем вымазался о деревянные борта.

— Подавлюсь? Дождидайся! Как бы не так!

— Времена уже не те! Не нарывайся, Амброж, — настаивал Кришпин.

— Времена-то не те, да ты как был гнида, так гнидой и остался.

— Ты не меня оскорбляешь!

— А кого же еще? Место, на котором ты сидишь? — с насмешкой поинтересовался Амброж и грохнул кулаком по жестяной крыше кабины: давай, мол, трогай!

— Тебе это дорого встанет, кузнец! — с угрозой заверещал Кришпин, пытаясь перекричать шум уже работающего мотора.

Машина медленно взяла с места, и Амброж заорал во всю силу легких:

— Смотри не попадайся мне на узенькой дорожке! В омут зашвырну! Там для таких, как ты, места хватит! — Могучая фигура кузнеца, твердо стоявшего на широко расставленных ногах, чуть покачнулась на ухабе и стала удаляться от деревенской площади, на которую перебранка собрала народ из соседних домов...

Амброж погрузил в машину весь готовый инструмент. Оба приехавших артельщика молча таскали топоры, лопаты и заступы. Держались оробело, как будто чем-то напуганные. Да и Амброж своим видом никак не выказывал, что у него есть желание видеть их здесь дольше. Скорее наоборот — мотайте, мол, отсюда.

Иногда он вдруг бормотал себе под нос: «Дубина стоеросовая! Довести человека до такого! И что он себе воображает, этот недоносок? Барышник! Лично я бы ему и пару волов не доверил! Дела толком не знает, никто его за настоящей работой сроду не видывал». И тут вдруг сообразил, что ведь вся эта сцена

разыгралась на глазах у Марии. Она, конечно, слыхала их перебранку.

— Испортил жизнь и этой бабе тоже! — взорвался Амброж уже в полный голос. — А теперь взялся за низину.

Амброж с отвращением сплюнул и прошелся взглядом по окрестным косогорам, поднимающимся вверх, к лесам, так ярко освещенным лучами солнца, что и на расстоянии можно было разглядеть каждое дерево. Он словно желал заверить себя, что эта играющая всеми красками, полная жизни котловина — нечто великое и совершенно несопоставимое с мелкой фигурой Кришпина.

И только когда Амброж налил рабочим пива и они уселись на лежащее бревно, рядом с которым гомозились воробьи, шофер, осмелев, но все же с осторожностью, произнес:

— Время-то вам не изменить, мастер!

— А я не хочу его менять, время-то, — в тон ему ответил Амброж и вдруг успокоился.

Он подписал накладную, где указывалось количество изделий, взял деньги и молча выслушал, что из города, дескать, велели передать: за товаром больше не приедут.

Грузовичок уехал, и вспугнутая было воробьиная компания сиганула из-под крыши и с набухших почками ветвей обратно на землю и со щебетом опять принялась за свою вроде бы пустопорожнюю суету среди мха, травы да истлевших прошлогодних листьев. Но Амброжу казалось — он разгадал смысл их хлопот. Ладони горели. На душе было мутно. Он наблюдал за возней у своих ног этой пернатой мелкоты и завидовал их неис-

сякаемой бодрости. У него было чувство, что его выбросили в ничто и он теперь находится вне закона. «Но ведь без работы мне нету жизни! Без той работы, которая мне необходима, она, и только она, имеет для меня смысл...»

Амброж обошел свою кузню и вроде бы впервые сейчас увидал, до чего же здесь все отжило свой век, изработалось, стерлось и выщербилось от неустанного труда и старости. «Кузне и без Кришпина долго не протянуть! До чего я ее довел! Ну а что мне оставалось делать?» — подумал Амброж, но тут же мысли его приняли другой оборот. Повсюду, во всем, на что ни глянь, жили воспоминания об отце и деде, которые в этой старой, разваленной кузне, хитроумно соединяя металл с деревом, смогли создать столько полезного. «Они не знали, им и в голову не могло прийти, что меня ожидает. Потому что сами не поменяли бы свое дело ни на какое другое. Иногда только меняли проржавевший болт или полосу стали, сводя ее кольцом и соединяя ею толстые доски и балки столь искусно, что дерево оживало, возрождалось для новой жизни. И вдруг — нет больше смысла поднимать щиты у затвора и радоваться тому, что река, введенная в узкий желоб, начинает погонять колесо!» Амброж с трудом сдерживался, чтоб не приняться за работу сейчас же, немедленно. Наперекор всему. Сколько раз ему это помогало! Страшная вещь — безделье. Но еще страшнее — плясать вот так, с кусками железа между наковальней и горном, зная, что плоды твоего тяжелого труда никому больше не нужны.

Амброж дошел до запруды и зашагал дальше, вверх по течению, навстречу реке. Он переводил глаза с воды на выступающие из нее, до мелочей знакомые каменные глыбы, с перекатов — на маленькие, как ладонь, тихие заводи. Любовался обнаженными корнями деревьев у берегов. Поглядывал на окрестные луга и бывшие здесь когда-то небольшие поля, взбугрившиеся и съежившиеся, словно сдавленные натиском реки и тяжестью соседних, почти отвесных гор. Там, выше, к запаху воды уже присоединялись ароматы весеннего леса.

«Я мог бы работать в лесу. И в нашем, и вообще в любом, если только он вблизи воды». Ага, значит, неожиданно для себя он все же допустил, что может бросить кузню. Придется. Стену лбом не прошибешь. «Но работа, которую я найду, должна быть у воды. Теперь уж все равно, у какой. Ведь я же появился на свет у реки».

Остаток дня Амброж провел, плутая по берегу и вокруг кузни. Он не прощался, нет! Низины у него никто не посмеет отнять. Более того, он пришел к твердому убеждению, что от родины человеку никуда не уйти, даже если он сам того пожелает...

За товар Амброжу заплатили прилично, если жить скромно, хватит на несколько месяцев. Подумал про Яну. Хорошо, что она уехала из дому. Одному жить нелегко, но зато намного легче на что-то решиться. В памяти мелькали городские плакаты. Шахты, рудники, большие стройки! Всюду требуются рабочие руки. И по радио про то говорят. «Время у меня

есть», — сказал он себе под вечер, посмотрев на деревню. Сцена, разыгравшаяся между ним и Кришпином, больше не казалась трагической. «Бывает, люди и поругаются. Делов-то: у него своя правда, у меня своя!»

И только сейчас, когда на низину стали опускаться сумерки, Амброжу показалось странным, что за целый день ему и в голову не пришла мысль, которая в эту минуту вроде даже обрадовала его: «Что бы сделал со мной этот «знаменитый деятель», если б узнал, что ко мне каждую ночь бегала его жена!» Но злорадства он не испытал, а вскоре и эта маленькая радость погасла. «Сельскохозяйственный кооператив и будущее реки — об этом еще можно поспорить и даже поругаться. Я — против, хотя могу заблуждаться, могу и посмешищем стать... А вот бегать за бабой...» Амброж глядел на далекие крыши, на кроны могучих лип, что стоят на деревенской площади, и они казались ему старыми, мудрыми свидетелями жизни целых поколений в этой низине. Многие могли бы порассказать эти липы. Целые романы. Люди рождались, умирали, уходили, и многие никогда сюда больше не вернулись. Скоро эти раскидистые великаны растворятся в ночной темноте, но пока Амброжу чудится, что они смотрят на него с угрозой: лезть под юбку к чужой жене — да за такое всегда карали самой строгой карой! «Но даже если б этот справедливый закон больше не действовал, у меня нет права считать, что Кришпин мне еще хоть что-то должен».

Амброж принялся хлопотать по дому. За-топил печку, еще раз побрился, но от угрызе-ний совести не избавился. Они перешагнули вместе с ним порог родного дома. Он призна-вал, что в нем бунтует отцовская кровь. Ува-жаемый во всей округе, и ближней и дальней, мастер своего дела, отец, как и Амброж, после смерти жены не мог обойтись без женщин. «Тяжелый труд, наверное, заклеил и меня своим клеймом. Жар горнила и рукопашная схватка с неподдающимся металлом рожают в человеке яростные страсти. И горе, коли здо-ровый мужик, полный сил, вынужден ложить-ся ночью в одинокую постель. Скверным быва-ет тогда его пробуждение!..»

Амброж уселся к столу и стал сворачивать свои сигарки. Он то и дело поглядывал на часы, сосредоточившись мыслями на одной только Розе. Знал, что она придет непременно. И вдруг испугался. Откуда-то из глубины души вынырнуло опасение: а так ли уж нужна ему Роза, как в те далекие времена? Одному легче решать свои дела — подумай об этом, Амброж! «Кто мог знать, что произойдет, когда я вчера позвал ее. Мария призналась мне в любви. Такого у меня не было ни с одной женщиной до нее. Слова ее и клятвы звучали заманчиво. Мария была искренна. Потом мне объявили, что в своей кузне я могу и дальше играть молотком, но в моих изделиях никто больше не нуждается. И в придачу — эта исто-рия с Кришпином; наверное, еще утром этот тип успел заскочить в металлоартель и посове-товать, чтобы впредь ко мне в кузню не обра-щались. А Роза собирается прийти, ожидая

от меня бог весть чего! Верно, уже решилась окончательно, коли объявила мельнику, что сегодня придет... Раскаяние одолело, — думал Амброж, усмехаясь, — вчера на меня глядела овечкой, когда кивнула — да, приду, мол. Совесть мучает, что разыграла давеча мерзкую комедию: вот я перед тобой, Амброж! Знаем, мол, чего тебе надо — бабу!..»

Амброж с таким наслаждением выдохнул дым первой сигарки, что в керосиновой лампе заплесало пламя. Он уже стал было успокаиваться, примирившись с событиями сегодняшнего дня, и сидел, благодостно поглаживая чисто выбритый подбородок, как вдруг дыхание перехватило. Неожиданно нахлынуло желание. «Ох, Роза! Не баба — гвардеец! Такие на всю жизнь сохраняют пыл молодости». Он распахнул двери в спальню, чтобы туда шло тепло, и плотоядно усмехнулся своему отражению в зеркале. «Ничего не поделаешь, я всего лишь человек, не более! Благодарю тебя, господи, что хоть этого у меня никто не сможет отнять!»

Амброж еще никогда не видал Розу такой разнаряженной. Шубка, видать, подарок мельника. Или тот просто дал ей поносить этот богатый наряд покойницы мельничихи? Под шубейкой юбка и кофточка с оборками. Розины смуглые сильные руки казались сегодня мягче и нежнее. Юбка в складку, достаточно темная, подчеркивала белизну икр. Туфельки на ногах, словно пара чаек, намекали, что там, выше, тоже не вечная тьма...

— Присаживайся! Тебе чаю или рому?

— Или кофе... — добавила Роза, но он не

понял подковырки и с готовностью улыбнулся ей доброй улыбкой.

— Ничего мне не надо! — отрезала она и уселась, не снимая своей шубейки, поближе к раскаленной печке.

— Тебе будет жарко, — сказал Амброж, пытаясь помочь ей снять эту роскошь. Роза оттолкнула его руки и, сама сняв шубу, положила ее на колени. Амброж опустил рядом. Он с интересом разглядывал свою гостью, с трудом сдерживая смех. Не мог же он сказать ей, сколь комично и трогательно это несоответствие между летними туфельками и теплой шубой. «Ради меня, бедняжка, влезла в самую лучшую одежду, что у нее нашлась...»

— Я пришла тебе сказать, чтобы ты от меня отцепился, — вдруг решительно заявила Роза.

Амброж от неожиданности, словно его ударили, втянул голову в плечи.

— Как же это... — заикаясь, выдавил он. — Ведь мы...

— Мельник меня в жены берет!

— Он тебе сам сказал?

— А коли даже не возьмет, к тебе так и так не пойду! Никогда!

— Роза... — пытался успокоить ее Амброж.

— Ишь чего удумал!

— Что-то я тебя не пойму!

— Не-е-ет! Ты все понимаешь, — отрезала Роза. — Затащил к себе в постель Маню, чтобы помогла тебе...

— Нет, не так все это было!

— Святого из себя строишь! «Люди, сде-

лайте что-нибудь с рекой», а сам кобель кобелем!

— Да! Река для меня — самое главное!

— Но Маня тебе тоже не подмога, хоть и потешил ты ее ночку-другую!

— Зря на нее наговариваешь!

— А ты зря наговариваешь на мельника! Я пришла сказать, чтобы ты к нам не лез, и ко мне, и к нему тоже! — Роза смотрела угрожающе.

— Ну, уж это мое дело! Что захочу, то и буду делать! — Амброж пренебрежительно махнул рукой.

— Ты у него на крючке!

— Хотел бы я знать, что это за крючок? — попытался он усмехнуться.

— А хоть бы то, что Кришпин может дознаться про ваши с Марией ночные делишки!

— Роза... — его трясло от возмущения, — вот какая ты стала! Снюхалась с этим жирным боровом.

— А ты ни с кем не снюхался?

— У меня другие причины... — с расстановкой произнес Амброж. И, уже не страдая больше от неожиданного Розиного предательства, почувствовал, как в нем закипает гнев.

— Ну, ее-то я ни в чем не виню. Столько лет по тебе сохла! Твоя жена-покойница все знала, но ты — ты ничего не замечал!

— Вот видишь, — прохрипел Амброж.

— И от Кришпина ей из-за тебя не раз доставалось!

— Из-за меня?

— Уж больно она тебя выгораживала!

Амброж опустился на стул и поднял глаза вверх, к потолку. Ему не терпелось остаться одному.

— Ну, Роза, давай выметайся отсюда! Да поскорее!

— А ты выметайся от нас, из низины! — тоном приказа заявила Роза.

— Я здесь не у вас, а у себя дома!

— Такую нищую развалюху ты и в другом месте себе поставишь... — Она обвела брезгливым взглядом кухню, потом перевела глаза на кухню за окном и поспешно набросила на себя шубу.

— Передай своему, что я все одно разворочу ему морду, — медленно и с нажимом произнес Амброж.

— Ну гляди! Найдутся люди, что помогут тебе отсюда вылететь! — гаркнула Роза.

Так и не подняв головы, он увидал, как ее нарядные туфельки заспешили к порогу. Роза шла гордо, твердо ступая, чтобы случайно не подвернулась нога на непривычно высоком каблуке. Хлопнула дверь, и Амброж услышал, как она медленно и осторожно спускается по щербатым ступенькам, ведущим во двор.

Амброжу вдруг пришло в голову, что где-то неподалеку все это время в ожидании торчал мельник. Вот он уже подскочил к Розе, смущенно улыбается и радуется, что она исполнила все в точности, как они договорились.

Только сейчас Амброж осознал, что больше всего ужаснула его сама Роза. Как же она изменилась с той давней поры! Ведь когда-то

все было по-другому. Куда подевался ее разум, коли уж суждено было умолкнуть сердцу и чувствам, всему тому, что увлекает за собой мужчину, словно быстрая река форель? Что же сделал с ней этот проклятый мельник!

Амброж достал из шкафчика бутылку с ромом и стал медленно и сознательно глушить себя алкоголем. Он пил большими глотками обжигающую жидкость, пока не прекратились горькие спазмы в глотке, пока не исчезли из сознания лица и слова... Наконец все поглотила тьма. Когда он скрюченными пальцами подворачивал в лампе фитиль, за окнами уже стояла глухая ночь.

Покачиваясь, Амброж добрался до кровати и, как был одетый, свалился на пуховики. Он засыпал и просыпался, покорный той усталости, в которой перед ним появлялась Анна, жена. Не угрызением совести, а якорем спасения. Но Амброж не мог ни окликнуть, ни позвать ее, Анны не было, она умерла! Он прятал голову в подушки, чтобы не слышать рева воды. Во всем виновата река. Река! Во всем...

Амброж очнулся и пришел в себя, лишь услышав громкий стук в дверь. Сначала подумал, что ему это слышится. Мерещится в пьяном сне... Поднявшись, он уселся на кровати, и в тот же момент створки дверей, ведущих в кухню, разлетелись. Амброж вскочил и застыл как вкопанный в резком свете электрического фонаря.

— Чего ломитесь, ведь не заперто! — крикнул он и отвернулся, прикрыв лицо, от

яркого света, тщетно пытаясь что-нибудь разглядеть.

— Собирайтесь! Пойдете с нами! Вы арестованы! — четко произнес незнакомый голос.

Амброж отмахнулся было, но тут же засипел от резкой боли. Тьма ожила. Несколько пар рук скрутили его, и он, задыхаясь, попросил:

— Дайте хоть лампу зажечь!

Кто-то, чиркнув спичкой, поднес огонек к фитилю и надел на лампу стекло. Амброж увидал при тусклом свете мужчину с голым черепом.

Амброж потирал лоб, пытаясь то ли окончательно проснуться, то ли прогнать страшное видение и обо всем забыть.

Двое в штатском и один в форме.

— Тонда, да ты ли это? Вы что, с ума все посходили? — выдавил Амброж с испугом, узнав среди этой троицы Антонина Ванека, одноклассника, который еще перед войной пошел служить четником.

Бывший четник опустил глаза, а у человека в берете почему-то вдруг помягчел взгляд, когда сквозь пузатое стекло керосиновой лампы по кухне разлился свет и на побеленных стенах появились и замелькали неестественно большие, беспокойные тени мужских фигур.

Амброж ошеломленно стоял между представителями закона, пытаясь иронически усмехнуться. Какое-то недоразумение...

— Этот ром вы для куражу выпили? —

спросил человек, который зажег лампу.

— Нет, по злобе! — ответил Амброж.

— Ромом от него на сто шагов несет...

Бывший четник устался на носки своих до блеска начищенных сапог.

— Да, выпил! Ну и что из этого? А почему бы мне не выпить!

— А потом и преступление совершил!

— Что? — выкрикнул Амброж.

— Где оружие? — Человек в синем берет сразу взял быка за рога.

— Какое такое оружие? — выкатил глаза Амброж.

— Ружье, из которого вы совершили покушение на секретаря сельского комитета Кришпина, — уверенно добавил второй, будто все было абсолютно ясно и не вызывало никаких сомнений.

— Да вы рехнулись! Какое ружье! Кого убить... — Амброж весь дрожал и взглядом требовал объяснения.

Однокашник Амброжа Антонин Ванек поглядел на своих коллег в штатском, как будто собираясь сказать: «Да, кузнец — человек вспыльчивый, что верно, то верно, прямо спичка пороховая, но так сводить счета не станет».

Однако человек в кожанке решил иначе:

— Ну что ж, сейчас мы сами поглядим, где да что!

— Пожалуйста! Давайте, ищите! — раскинул Амброж руки, призывая обыскать свой дом.

— Вы поедете с нами! — приказал тот, в берете.

— Нет у вас такого права! — Амброж сде-

лал шаг назад, поглядывая на них и прикидывая, откуда начать нападение.

— Не дурите, Амброж,— ласково сказал бывший четник.

— Это вы не дурите! И оставьте меня в покое!

— Хватит! — прикрикнул на дрожащего всем телом Амброжа человек в кожаном пальто.— Пойдете добровольно или...

— Что — «или»? — Амброж сделал вид, будто не понимает.

— Мы здесь не одни.— Он мотнул головой к дверям, и однокашник Амброжа Антонин Ванек согласно кивнул.

— Но я ведь ничего не сделал! — в отчаянии закричал Амброж.

— Для того мы вас и забираем, чтобы все установить,— доброжелательно объяснил тот, в синем берете.

Амброж смотрел, будто взвешивая слова этого человека, который казался ему понятнее остальных. Он прямо впился в него глазами, когда им удалось наконец как следует засветить лампу.

«Может, и он из такой же халупы, как моя. И тот, второй, тоже, видать, не из городских. Иначе откуда бы ему знать, как обращаться с керосиновой коптилкой. Но быть деревенским или бедняцкого роду еще вовсе не поручка, что ты человек хороший. Тот, в коже, все рыщет глазами, как кошка за мышью, вот-вот закогтит».

— И что же я, по-вашему, такого натворил? — спросил Амброж. Заправив рубаху в штаны и опустив засученные рукава, он

подошел к дивану, плюхнулся на мягкое сиденье и принялся шарить под ним в поисках ботинок.

— Сказано же, сегодня ночью кто-то коварно покушался на жизнь секретаря Кришпина!

— Что до сегодняшней ночи, то я ее не больно-то помню... — мотнул Амброж головой на пустую бутылку.

— Ничего, вы у нас все вспомните, — прошипел мужик в кожанке, бегая взглядом по кухонным углам. Он пролез за шкаф, поглядел около печи. Амброж зашнуровывал ботинки и ухмылялся.

— Выстрел был произведен отсюда, со стороны кузни!

— И кто вам наплел такую ерунду! Я сплю чутко... — И он постучал пальцами по лбу с такой силой, что в голове загудело.

— Ты же, Амброж, сказал, что пил... — осторожно произнес бывший однокашник Антонин.

— Я и не отпираюсь! — повысил голос Амброж и, соглашаясь, кивнул, с запозданием сообразив, что однокашник хотел ему помочь.

— У нас имеются показания пострадавшего!..

— Пострадавшего? — с недоверием спросил Амброж.

— Кришпин ранен, — многозначительно произнес тот, в синем берете.

Амброж обмер. В наступившей тишине стал явственно слышен голос реки.

И тут Амброж окончательно пришел в себя. Видимо, действительно стряслось что-то

серьезное. «А ведь я сегодня — нет, теперь уже вчера — здорово схватился с Кришпином». Он вздохнул, медленно поднялся с дивана, добрался до вешалки и взялся за пальто и шапку.

— О твоей животине мы позаботимся...— сказал человек в кожанке и вытащил ключ из замка.

Амброж кивнул.

— Ключ я прячу снаружи, за косяк! Что до живности — ее у меня нету! Хотя...— Он взглянул на темное окно, и вдруг его охватили страх и отчаяние: «Ведь меня же уведут из дому!»

— Ну, что там у тебя? — поинтересовался человек в берете.

Амброж повел плечами.

— Эта сама о себе позаботится!

— Да о ком ты, черт побери? — нетерпеливо крикнул бритоголовый.

— Ни о ком! — отрезал Амброж, озлобляясь. Ну уж этой противной роже он не станет выдавать большую ночную птицу, ту, что живет на чердаке. Пускай сам вынюхивает. «Ишь, уже дрожит от нетерпения, чтобы я убрался и он мог поскорее начать обыск!»

На ступеньках Амброжа охватило отчаяние. Он думал уйти спокойно и такого от себя не ожидал. Шум работающего мотора и внезапно включенные фары обрисовали в темноте и оживили силуэт автомобиля и фигуры людей. Вокруг толпились любопытные. Успели набежать из деревни. Их было много. Некоторых он узнал. Лица были не слишком дружелюбны. Ему хотелось кричать: «Люди! Это

все чушь собачья! Я ничего такого не сделал!» Он почувствовал, как кто-то ткнул его в бок. Чья-то рука подтолкнула к стоящим в ряд людям, одетым в форму. В конце живого коридора была уже лишь распахнутая дверца автомобиля. Амброж быстро втиснулся в машину и опустил голову, чтобы не встретиться глазами с возмущенными односельчанами. Он судорожно вцепился в мягкую спинку переднего сиденья. Захлопнулись одна за другой дверцы, и машина тронулась с места. Амброж казался себе плененным зверем. Сидевшие вокруг держались теперь так, будто он их вовсе не интересуется.

Деревня осталась позади. Большая часть окон светилась. Машина покидала низину, взбираясь по серпантину шоссе. Сидящие в машине курили. Тот, в синем берете, протянул ему сигарету. Амброж отказался. Подумал, если возьмет — а курить хотелось все сильнее, — еще вообразят, будто он не протестует против этой поездки и согласен со всем, что ему шьют. «Им бы очень сгодились, чтобы я грохнулся перед ними на колени. Но мне бояться нечего!..»

Тоска навалилась снова, когда шоссе, обогнув гребень горы, открыло перед ним как на ладони всю низину.

Печальный рассвет. Печальнее даже, нежели бледные огни удалявшейся деревни. Там все взоры с ненавистью и облегчением устремлены сюда вверх, к автомобилю. Еще бы! Брудек избавляется от опасного человека! Если и впрямь кто-то в Кришпина стрелял, то не диво, что люди перепугались. Здесь уже давно

по ночам не слышали выстрелов. Теперь эти не успокоятся, пока не обнаружат в кузне хоть какое-то оружие.

Осмелев, Амброж окинул взглядом при-молкнувших рядом с ним мужчин. «Надо бы напомнить Тонде, как хорошо мы друг друга знаем. Ведь Тонда прибился тогда к четникам только потому, что будущий тесть не захотел отдать дочь за простого столяра-подмастерья. Просто пошел на службу. Ведь там можно было кое-что заработать. Все мы знали, как было дело. Понимали его. Во время войны стало ясно, что четницкая служба за ничтожное жалованье Первой республики¹ не испортила Тонду. В моей кузне сменилось немало парней, бежавших с принудительных работ из Германии. Тонда про них знал и молчал. Но сейчас тоже молчит. Да и мне неохота разговаривать. Самое время поразмыслить, что за несчастный характер у меня. Подумать про кузню, про сельхозкооператив и секретаря Кришпина. Вчера мы с ним здорово схватились, и теперь они считают, будто, кроме меня, некому было в него пнуть. Со мной дело — верняк!»

Вот они и прикатили. Тихий утренний город. Машина остановилась перед двухэтажным домом. Амброжа привели в комнату, на освещенные окна которой он обратил внима-

¹ Первая Чехословацкая республика была образована в 1918 г. после распада Австро-Венгерской монархии. После Мюнхенского соглашения (октябрь 1938 г.) стала называться «второй республикой», просуществовавшей до оккупации фашистской Германией (март 1939 г.).

ние, как только вылез из машины на мокрый тротуар. Ему велели сесть к столу с ярко горящей лампой. Как горох из мешка посыпались вопросы. Допрашивал человек в синем берете.

— Пан Амброж, вы признаете, что сегодня ночью стреляли в Йозефа Кришпина, секретаря сельского комитета в Брудеке?

— Нет, не признаю!

— Вам известно, что признание смягчит вашу вину?

— Известно. Да только если есть в чем признаваться, — спокойно ответил Амброж. Поерзав на стуле, он наконец уселся так, чтобы свет не очень бил в глаза.

— Когда у вас обнаружат оружие, будет поздно!

— Никакого оружия у меня не обнаружат! Разве что...

— Что — «разве что»?

— Так ведь и сейчас еще в реке можно найти какую-нибудь железяку. Винтовку там или гранату!

— Вы имеете в виду те, что остались после войны? — понимающе спросил тот, что раньше был в берете, и Амброж кивнул головой.

— Вы с Кришпином не ладите?

— Не ладим!

— Почему же?

— Это уж дело мое!

— Если бы вас не заподозрили, что вы стреляли в него, тогда, конечно, дело ваше!

— Да вы понимаете, как он должен мне насолить, чтоб я в него стрельнул? — удивленно протянул Амброж.

— И как же? — с интересом произнес голос за лампой.

Амброж обессиленно покачал головой. Наморщив лоб, он пытался отыскать причину, которая могла бы заставить его выстрелить в человека.

— Ну, наверное, и вы б в кого-нибудь пуляли, коли дело касалось бы вашей жизни! — пришло ему наконец в голову.

— Однако Кришпин на вашу жизнь не покушался!

— Чего не было, того не было!

— Послушайте, — начал допрашивающий мягко, — бывает, человек вспылит и в такую минуту, не помня себя от гнева, может пойти на что угодно.

Амброж уловил подвох в его добродушном тоне и еще решительней замотал головой.

Человек вышел из-за стола, и Амброж заметил на его черных волосах вмятину от тесного синего берета. Подойдя к дверям, он пригласил в комнату другого, одетого в форму. Тот уселся к столу и склонился над чистыми листами белой бумаги.

— Перечислите все, что вы вчера делали, — приказал следователь, и Амброж начал... Начал с самого утра. Сейчас он уже не помнил, с какой пронзительной яркостью запечатлелась в его душе весенняя красота того утра. Рехнуться можно, если постоянно держать в думках истину, гласящую, что за каждый счастливый миг нужно расплачиваться... Ведь тогда и радость не в радость. Один только страх. А разве можно так жить?

Амброж собрался было слово в слово пере-

дать руготню с Кришпином, но следовательно его перебил:

— Короче. Ну, значит, вы не поладили!

— Я хочу рассказать из-за чего!

— Вы полагаете, будет разумно вносить все подробности в протокол?

— Да! Я так полагаю,— с твердостью заявил Амброж.

— У вас есть свидетели, которые могут подтвердить, что вы делали во время войны?

— Да! У нас в Брудеке каждому известно, как я вел себя в войну!

— Кому это — каждому?

— Ну...— забеспокоился Амброж,— односельчанам!

Следователь кивнул:

— Имена!

Амброж мял рукой лицо, и ему казалось, что он стоит над рухнувшим лотком, решая, не кинуться ли ему в воду. Еще мальчишкой его притягивало течение, но лишь много позднее он испытал это счастье — прыгнул, преодолел силу воды, поднялся на ноги и двинулся вперед, под самое водяное колесо. Но сейчас он не смог решиться. Не прыгнул! Так ведь допрос так мало похож на реку! Он вспомнил Матлоху, Трояка, Патеру, но тут же в памяти всплыло, что именно их лица промелькнули в свете фар возле кузни. И его уверенность как-то сразу пропала. Станут ли они показывать против Кришпина?

Больше следователь к этому не возвращался.

«Он дает мне время все обдумать и понять,

что теперь у меня надежда только на самого себя...»

— ...Потом вы приехали к себе в кузню и стали грузить товар...— ободряюще сказал следователь. Амброж пожалел, что приходится опустить такой существенный кусок из своего вчерашнего дня. И он продолжал рассказывать, начиная с того момента, когда пришла Роза.

— И с ней вы тоже не поладили!

— Не поладил!

— Да, денек у вас вчера был, прямо сказать, не слишком удачный!

— Она пришла и заявила, чтобы я убирался прочь из низины!

— Этого хотела она?

— Мельник! — ответил Амброж, и вдруг его озарило: «Так ведь это мельник шпионил возле моего дома! Конечно, он! Иначе откуда ему знать, что ко мне ходила Мария!»

— Мельник — ваш сосед?

— Несколько дней назад он сказал, что подкарауливает браконьера,— развивал Амброж свою догадку.

— Браконьера?

— И объявил, что из низины меня так и так выживет! — У Амброжа полезли на лоб глаза, ему было не под силу справиться со всеми мыслями, что роились в мозгу. Он все еще пытался отыскать и найти объяснение этому злосчастному аресту.

Следователь, видимо, понял, куда метит Амброж.

— Но у мельника на всю ночь алиби.

— Какое еще там алиби? — оторопел Амброж.

Следователь сделал вид, будто колеблется, стоит ли выплескивать на Амброжа и эту жестокую правду, но все-таки сказал:

— Пани Роза провела с ним в постели всю ночь!

Амброж пристально смотрел на доску стола и вяло кивал головой.

— Значит, вы напились и уснули!

— Да, я спал, пока вы меня не подняли, — поспешно подтвердил Амброж и безнадежно развел руками.

Следователь вытянул трубочкой губы, будто присвистнул. Прошелся по комнате и вдруг приказал человеку за столом увести арестованного.

Амброж оказался в узкой и высокой комнате. По дороге ему разрешили зайти в уборную, но запретили запирать за собой дверь...

Принесли чай и несколько ломтей хлеба. Чай он тут же с наслаждением выпил. Хотел попросить еще кружку, да просить было не у кого. Подумал, может, постучать в окованную дверь, но отошел, радуясь, что наконец-то остался наедине с собой. Правда, вряд ли одиночество поможет ему сообразить, как бы уйти из этой камеры, чтобы больше не возвращаться. Он улегся, растянувшись на деревянных нарах. Огляделся. Камера предварительного заключения. Ничто здесь не вызвало особого интереса, разве что несколько надписей, выцарапанных на стенке, решетки на окне да стертая чужими шагами краска на полу. Амброж пытался представить себе, что

же, собственно, стряслось ночью у кузни. Но смог лишь точнее сформулировать нечто смутное, точившее его во время допроса: «Как я докажу, что стрелял другой, если не могу доказать, что стрелял не я!» Взяв в руки ломоть хлеба, он отламывал по кусочку и медленно пережевывал, с трудом заставляя себя проглотить. Подумал о Яне. Он пока еще не понимал, почему при мысли о дочери его охватывает жалость. «Она уже знает, что меня забрали!» Долго гнал от себя мысли о Марии, но вдруг ужаснулся, мозг пронзила догадка: он должен понести наказание за те ночи с ней, полные страсти и любви. «Чепуха! Какое еще наказание! Давно не верю в бабьи сказки. Кому нужно распоряжаться моей судьбой? Но ведь Мария — жена Кришпина! Для меня это сейчас довольно опасное обстоятельство. Глупости! Сколько мужчин увидало бы небо в крупную клетку, кабы хватали каждого, кто переспал с чужой женой! Да, но Кришпина ранили! Он-то наверняка должен знать, кто в него стрелял. А похоже, твердит, что я! Только потому, что выстрел раздался со стороны кузни?..»

Неизвестно, сколько времени Амброж рассуждал таким вот образом, а может, бредил в полусне, когда ему вдруг велели выйти в коридор. Двое конвоиров отвели его в уже знакомое помещение.

— Вы умеете с этим обращаться? — повышая голос, сказал тот, с голым черепом, что на ночь остался в кузне.

— Умею, — кивнул Амброж.

— Вам повезло, — заявил с угрозой брито-

головый, и Амброж непонимающе уставился на него.

— Но я этого ружья в жизни не видел!

— Я вас об этом не спрашиваю!

— Мы выяснили, что именно с такой винтовкой вы проходили военное обучение,— сказал второй следователь, и Амброж добавил:

— Да, когда был на срочной.

Он тщетно пытался понять, почему это ему повезло, когда он не соврал, а сказал правду.

— Отвечайте, куда вы спрятали оружие? — требовательно спросил бритоголовый.

— Нету у меня никакого оружия!

— Дома, конечно, нету,— многозначительно согласился тот, с жестким взглядом, и Амброж заметил, что ладонь у него перевязана чистым бинтом.— И ту мерзкую тварь на чердаке мы обнаружили!

— Сову? — удивленно воскликнул Амброж, представив себе, как, потревоженная этим отвратным типом, птица в испуге пробивается к чердачному оконцу.

— Признавайтесь, по какой причине вы подняли оружие на представителя государственной власти! Не тяните время!

— Ничего такого я не сделал,— оробев, возразил Амброж.

— Вы хотели убить его!

— Угрожали ему!

— Кто ваши сообщники?

— Нету никаких сообщников!

— Вы хотели лишь напугать его этим выстрелом?

— Когда вы задумали покушение?

— Кто вас натолкнул?

— У вас был кто-нибудь чужой?

— Почему отпираетесь?

— Все равно заставим говорить!

Амброж молчал. А чего говорить? Только повторять одно и то же. Справа голос мягкий, слева — безжалостный, как лезвие ножа.

Его опять увели. Но теперь уже в большую комнату, где, развалясь вокруг стола и на нарах, коротали время несколько мужчин. Никого из них Амброж не знал. Не успела за окнами, расположенными высоко под потолком, опуститься тьма, как вспыхнула лампочка в проволочной сетке и нарушила доверительную атмосферу этой, пожалуй, даже уютной обстановки. Довольно быстро Амброжу стало известно, что один из сидящих здесь укрывал золото (моя собственная дура собака выкопала), другой занимался перепродажей скота (золотое дно! Эх, не надо было брать в компаньоны одну стервь), третий был вором. Вор с брезгливостью поглядывал на этих барышников, спекулянтов и скоробогатиков (так бывает со всеми, кто лезет не в свое дело и берется не за свое ремесло).

— Нам тут только убийцы не хватало,— высокомерно заявил один из них, когда Амброж честно рассказал, почему он здесь очутился.

— Но я не убийца! — резко возразил он.

— Все говорят, что убийца!

— Тебе лучше сознаться! Станет легче,—

добавил кто-то ободряюще.

— Ты, приятель, фраер — поднял пушку на этих свиней!

— Когда-нибудь тебе поставят памятник!

— Заткнись! — в отчаянии завопил Амброж.

— Но все равно тебе лучше признаться в своем геройском поступке!

Он забился в угол и заткнул уши, чтобы не слышать хохота, становившегося все громче с каждым его протестующим словом. Но когда Амброж хотел врезать одному из них, самому рьяному, остальные встали против него стеной...

Амброж сторонился этой компании, но деваться было некуда.

И эту ночь Амброж тоже провел без сна. Охватила слабость. Она не прошла и после завтрака. Амброж не доел своей пайки и пустил миску по столу. Ее одновременно схватили несколько рук. Амброж то садился, то вскакивал с места и стоял столбом. Никто не попрекнул его, что он не участвует в уборке, не берется за веник или за тряпки. Потом его фамилию снова выкрикнул голос из-за двери. Амброж заторопился, надеясь, что уже нашли настоящего виновника этого бессмысленного покушения. Пришлось собрать все силы, чтобы не выглядеть слабаком, когда его привели в комнату, где за столом сидела Яна. Она с трудом сдерживала рыдания и не могла выдавить из себя ни слова.

— Зачем ты это сделал, отец? — прошептала она.

— Я ничего не сделал!

— Тебе надо признаться.— Она, похоже, просила его об этом, но скопившаяся боль, сдавив горло, не давала ей вымолвить связно еще что-то очень важное.— Признайся, так будет лучше для нас всех!

Амброж держал дочь за руку и все повторял и повторял, что ему не в чем признаваться.

— Где Радим? Почему не пришел с тобой?

Она не ответила. Очевидно, тот послал Яну сломить отцовское упрямство.

— Ты мне не веришь, дочка?

— Подумай о нас, отец! — Она подняла на него заплаканные глаза, и он решил — надо сделать все, что в его силах, чтобы не испортить жизнь этим двум.

— Я не могу доказать, что стрелял не я,— неохотно произнес он.

— Вот видишь...— Яна кивнула, как будто желая сказать: «Значит, тебе не остается ничего другого, как сознаться!»

Они молча сидели друг против друга. Амброж пытался понять, как же это Яна с Радимом поддались кривотолкам, поверили тому, что слышали со всех сторон: «Ваш отец убийца!» Вот зятек и показал себя!.. Всегда был какой-то чудной!..

— Если мое дело кончится плохо...— начал он робко,— забирай из дому все, что тебе может пригодиться!

Но тут подошел конвоир, все это время делавший вид, будто смотрит в окно, и увел Амброжа. Он даже обрадовался — слава богу,

свидание с дочерью окончено. За Яниными словами стояла перед ним низина в чуждом и враждебном обличье. Даже родная дочь не верит в его невиновность, что же тогда говорить об остальных?..

Его временные соседи по камере то и дело менялись. Одни уходили, других приводили. Новые разговоры, новые пестрые судьбы. Амброж теперь знал: здесь сидят в ожидании суда. Иногда его вызывали, требовали признаться, где он укрывает оружие.

— Не глупите, не запирайтесь!

Он твердил одно и то же: «Я был мертвецки пьян и уснул! Ничего о той ночи не знаю!» Ему опостытели бесконечные советы, которые приходилось выслушивать в мучительно длинные дни и вечера. «Тебе легко отпираться, когда ты такой здоровенный детина!» — сказал ему хилый человечек с синяком под глазом. Он поджег свой дом вместе с постройками, чтобы не объединиться с односельчанами в кооператив и не нарушить обычая предков, которые из рода в род маялись, перебиваясь с хлеба на квас на двух несчастных гектарах земли, и завещали ему то же самое. Кузнецу опостытели и те, кто заблуждался, и закоренелые ненавистники нового строя, которые во всем, что сейчас совершалось в стране, видели чуть ли не конец света. И вот здесь, среди таких, — он, «убийца»! От безделья ныло все тело. Он теперь сам просил веник и убирал камеру, стремясь хоть на минуту позабыть, что причислен к людям, с которыми у него нет и не может быть ничего общего, кроме вот этой зловещей, битком набитой сложными

людскими судьбами камеры. Когда его наконец оставили в покое, он стал до бесконечности перематывать в памяти каждый свой шаг. Перебирал всех жителей деревни, но невеселые его мысли всегда возвращались к берегу реки. «Мельник! Только ему одному на руку, если я кончу тюрьмой. Ведь предупреждала же меня Роза! Да, судя по всему, они здорово это подстроили. Один у другого свидетелем, что были вместе. Мельник отдал свою землю государству и тем самым купил доверие односельчан. Мне теперь остается только ждать! Только ждать, надеяться на случай да маяться среди этого сброда».

Снова в ушах Амброжа зазвучал мстительный хохот мельника, он нес что-то вроде: «Твое дело труба, кузнец! Тебе придется хуже, чем мне, потому что вы, кузнецы, всегда чего-то ждали от таких новин...»

Амброжа усадили все за тот же, уже знакомый ему письменный стол, и он в который раз должен был отвечать на те же вопросы и противостоять угрозам, которые плодила беспощадная ярость следователя с голым черепом, и вкрадчивой обходительности того, второго, что с самого начала пытался сломить его при помощи ласковых слов... Такие методы претили Амброжу больше, чем крики и необузданное стремление чуть ли не силой принудить его признаться. Спокойный, вроде бы доброжелательный тон скрывал достаточно прозрачное коварство, и Амброжа начинало трясти, когда он слышал: «Ваш поступок можно квалифицировать как минутное помрачение рассудка! До сих пор вы не проявляли

себя противником нового строя. Поэтому и приговор не был бы столь суров. Разве вы не хотите вернуться домой? К реке, ко всему, что любите? Каждый человек может сделать глупость, но мы сумеем обойтись с вами великодушно, если и вы проявите добрую волю. Ведь там ваш дом. У вас дочь. Такая красавица! Здоровая. У нее когда-нибудь будет ребенок, а у вас внук! Неужели вы хотите лишить себя этой радости?»

Амброжу пришлось перемогать себя, чтобы не поддаться такому прекраснотушию, пробуждающему в нем неодолимое желание обрести наконец покой. Но пока у него еще хватало сил стиснуть зубы и молчать. Этот вкрадчивый, завораживающий голос мерещился ему со вчерашнего вечера и пугал все больше.

Новый заключенный принес в камеру известие:

— Твой Кришпин уже дома! Как же ты целился, приятель, коли угодил всего-навсего в ногу?

У Амброжа отлегло от сердца, как будто и впрямь он стрелял и теперь вдруг узнал, что никого не убил. И снова посыпались советы: «Да кончай ты отпираться! Дадут тебе месячишко-другой, и потопаешь обратно в свой Брудек».

Весьма заманчиво! «Я бы мог соврать и признаться. И тогда бесконечному ожиданию пришел бы конец!»

Он опустился на стул перед следователем в еще большей тревоге, чем до сих пор. Его давно не вызывали. И первый же после боль-

шого перерыва вопрос удивил его:

— Где вы доставали сырье для кузни?

— Покупал!

— Но не всегда! — Бритоголовый поднял глаза от бумаги.

Амброж тотчас же сообразил, что такой интерес к его кузне лишь кажется неопасным. Оба следователя и раньше переводили на допросах разговор на безобидные вроде бы темы.

— А вообще-то в вашей реке хоть какая-нибудь рыба водится? — вдруг ни с того ни с сего интересовались они, и Амброж принимался увлеченно рассказывать. Его глаза сверкали: река богата, если ты знаешь, что там, под запрудой, стоят сомы-усачи, а среди ольховых корней жирует большая щука... И вдруг, словно молния:

— Куда спрятали оружие?

Вот и сейчас:

— Вы железо крали!

Успев собраться с духом, он возражал резче, чем до той поры:

— Нет, я не вор!

— Количество купленного материала не соответствует проданному товару, — заявил следователь и подтолкнул лист бумаги к краю стола.

— Оно и не может соответствовать, — ответил Амброж, даже не взглянув на бумагу.

— Должно!

— Где же вы доставали это железо?

— Если не покупали, значит, обкрадывали наше общество!

Амброж с гневом глянул на человека, до сих пор никак себя не проявившего:

— Кое-что вытащил из реки, что-то отыскивал в лесу!

Оба с удивлением глядели на Амброжа. Их запальчивость ослабевала по мере того, как Амброж продолжал:

— Разве вам не известно, что после войны осталась куча всякого металла? Но вы не воображайте, что на этих военных свалках полно такого, что может мне подойти. Пришлось здорово попотеть, пока откопал, и, между прочим, у меня на это есть разрешение!

— Письменное?

— Нет! Просто сказали. Надо ведь кому-нибудь этот хлам разобрать. Сами небось отлично знаете — автомобили и все, что чуть поценнее, растащили барыги, а не такие, как я...

Страница с подсчетами исчезла в стопке бумаг. Следователь вложил ее в папку и завязал черную тесемку.

— Вы свои показания изменить не хотите? — устало спросил бритоголовый.

— Нет, не хочу! — отрезал Амброж, и его вывели из комнаты.

В полдень конвоир заглянул в общую камеру и крикнул: «Ян Амброж! На выход! С вещами». Амброж испугался. Его вдруг окружила удивленная тишина. Он медленно, недоверчиво потащился к дверям. Его давно уже не вызывали так часто.

— И хорошо поступил, приятель, что во всем сознался, — сказал кто-то, но Амб-

рож, оглянувшись, отрицательно покачал головой.

Коридор, лестница. Никто не обронил ни словечка. Сам он отвык задавать вопросы. И лишь когда его подвели к застекленным дверям, ведущим на улицу, он понял, что свободен.

Голова пошла кругом. Он был не готов к такому.

Амброж как в полусне плелся среди людей и лишь через какое-то время сообразил, что идет в обратную сторону от площади, где находится автобусная остановка. Вот наконец и свершилось, о чем он даже думать боялся. И вдруг его охватила неудержимая радость: доказал-таки, что не виноват... Как жить дальше, он пока не думал. Сразу же обуяли мысли о последнем вечере на свободе, перед тем как его забрали.

Он все пытался припомнить, какое тогда принял решение, яснее ясного сообразив, что кузне пришел конец. Роза отняла последнюю надежду.

«Но я говорил себе — есть еще время, несколько месяцев как-нибудь выдюжу». А потом все поглотили толстые стены большого здания, от которого он сейчас удаляется. Все еще брало сомнение, а впрямь ли были произнесены слова: «Можете идти домой, Амброж!»

Он купил хлеба и консервов и, увидав автобус, воспрянул духом: «Домой так домой».

Молчание водителя не показалось ему странным. Но когда в автобус набились свои,

деревенские, он почувствовал — в них что-то изменилось. На приветствие ответили, но на заднее сиденье к нему не подсели. Их лица вытянулись от изумления, тут же сменившегося испугом. Отворотившись, они упорно глядели в окошко на медленно убегающие назад поля. Амброж положил хлеб и коробку консервов на колени и сидел, тщетно подыскивая подходящие слова, такие, чтобы не заподозрили ни он сам, ни другие, будто он ищет снисходительного к себе внимания. Он понимал их. «Люди должны привыкнуть к тем, что меня обвинили напрасно. А может, они вообразили, будто я оттуда сбежал? Ну да ладно, придет время — все встанет на свои места. Мне и самому не больно охота трепаться».

Автобус вскарабкался на гребень, и внизу открылась узкая глубокая низина. Амброж смотрел не отрываясь. Только сейчас он ощутил всю полноту счастья. Он возвращается! «Так сразу всего не переварить. Пускай себе хмурятся. Имеют право. Привыкли за это время считать меня чуть ли не убийцей, а я вдруг — вот он! Явился — не запыхался!»

В Брудеке все прыснули от автобуса в разные стороны, Амброж шагнул один по обезлюдевшей площади. Всем было на него наплевать... Никто не стоял на порогах домов. Он приближался к кузне. На мельницу даже не взглянул. Его переполняло нетерпение. Поскорее бы увидеть реку! Теперь он снова будет засыпать рядом с ней и слушать ее нескончаемый шум.

Ключ находился на своем обычном месте.

Амброж открыл дверь и остолбенел. Прошелся взглядом по голым комнатам, где осталось лишь несколько ненужных вещей. Вид светлых пятен на полу, следов от стоявшей здесь раньше мебели, выгнал его обратно во двор. Он повернулся лицом к реке, словно ожидая, в который уж раз, что она заговорит с ним. Объяснит то, о чем он боялся подумать: «Яна все вывезла! Поверила, что меня упрятали надолго...»

Амброж вошел в кузню. Она была не заперта. Исчезли кой-какие мелочи. Он не стал их искать. Его интересовал только нож. Он нашел его на прежнем месте, нарезал хлеба и ножом открыл банку.

Усевшись на крыльце перед домом, он пытался обдумать все случившееся. Это удавалось ему лишь до того момента, пока он не вспоминал камеру, где сейчас ругаются и дерутся, где один выхваляется перед другим, хочет выглядеть героем, иначе остальные не станут к нему относиться всерьез.

«Каким же я им казался смешным!»

Он повернулся лицом к деревне. Может, туда к ним кто-нибудь придет и скажет, что кузнец Амброж невиновен.

Сколько же такое может продолжаться?

Он глядел на заходящее солнце. На землю опускался теплый летний вечер. Все оживало, чему полагается оживать к ночи. Комарье, трепетный полет летучих мышей и звуки, доносящиеся из деревни. Из чердачного окна взметнулась темная тень. Амброж обрадовался. Значит, сова не покинула кузню. Он любовал-

ся ее полетом. Жизнь с его отсутствием не остановилась. Наоборот. Весна перешла в лето, и все вокруг обогатилось ароматами цветущих лугов.

«Одно окупается другим. Мне поверили, и это великое счастье».

Он растопил печку, зажег керосиновую лампу, отыскал старые одеяла и постлал себе на одиноком диванчике в кухне. Нашел даже коробочку с папиросной бумагой и отсыревшим табаком. Часов не было. Шумела река, и в печи безудержно рвалось пламя.

Амброж испугался, услышав стук в дверь. И с удивлением впился глазами в Мариино лицо.

Она улыбалась ему, будто только вчера под утро ушла и теперь возвращалась в надежде на новую ночь любви.

— Мария! — выдохнул он с восторгом.

— Я рада, что ты вернулся!

— Я должен был вернуться!

Мария низко опустила голову и прошептала:

— Ты стрелял в него из-за меня?

— Да не стрелял я в него! — воскликнул пораженный Амброж.

— Я знаю,— не очень уверенно кивнула она.

— Что ты знаешь?

— Они не смогли уличить тебя,— продолжала Мария, и ее лицо опять сияло от счастья, а в глазах стояли слезы.

— Так я же правда...

— Я уже собиралась ехать туда...

— Куда?

— Туда, где ты был!

— Но зачем?

— Если б я призналась, что мы с тобой...—

Она улыбнулась и вытерла слезы.

— Благодарю тебя за те ночи...— сказал он с нежностью.

— Если б они узнали, что ты это сделал из ревности, обязательно бы учили...

— О чем ты? — не понял Амброж.

— Они отнесли бы к тебе по-другому!

Амброж вздохнул. Перед ним стояла женщина, которая любила его всей душой. Она принесла бы в жертву свое доброе имя, лишь бы его вызволить. Мария не понимает, что все это напрасно...

— Что ты будешь делать, Амброж?

— Не знаю!

— Люди уверены, что стрелял ты!

— А-а, все встанет на свои места,— небрежно махнул рукой Амброж, и в нем возникло желание обнять Марию и забыться. Хотелось провести рукой по ее волосам, погладить лицо...

— Ты же их знаешь!

— Иначе бы меня не выпустили...— возразил он с раздражением.

— Но им-то кто втолкует, что ты не виноват?

— Кто...— Амброж пожал плечами и вдруг нахмурился. Мария была права.

— Уезжай! Вернешься, когда найдут того, кто стрелял,— сказала Мария, огорченная, что и перед ней он притворяется невиновным,

будто хочет окончательно лишить всех иллюзий. Она поцеловала его в щеку и, пересилив себя, с трудом произнесла: — Если я тебе понадобится, дай знать! — И поспешно вышла.

Только тут Амброж понял: Мария приходила не просто заверить его в своей любви, но прежде всего предостеречь! Заставить очнуться и понять, какова на самом деле горькая истина. «Значит, мне надо покинуть свой дом? Видимо, так оно и есть! Видимо, и впрямь надо уехать!»

Он больше не терзал себя глубокомысленными рассуждениями. Вдруг все чувства и сомнения разом отступили на задний план. Он спокойно и хладнокровно уложил одежду и кое-какие мелочи в старый рюкзак. Чего ждать? Коли уж уходить, так немедленно! Ведь все могло обернуться намного хуже. «Так и так я собирался весной уехать, меня тянуло прочь отсюда, я мечтал уйти, как уходил по реке на плотках в прошедшие вёсны. Так почему бы мне не сделать этого сейчас, посреди лета?»

Он запер двери. Ключ положил на обычное место. Прошелся по кузне. Тронул наковальню и отполированные руками поколений рычаги, которые управляли молотом.

На какой-то момент душу охватила жалость: вот так, в одночасье, бросить такие привычные рукам, такие знакомые инструменты — все до последней мелочи!

Ну да всего не унесешь! А две-три штуки погоды не сделают.

Он прислушался к застою молчанию

балок, кровли и рубленых стен. С улыбкой помянул ночную птицу и шум реки, который сопровождал его вплоть до самых тропинок, круто взбегающих по кособору над низиной. Взобравшись наверх, он обернулся, стараясь сквозь темноту разглядеть деревню и реку. На таком расстоянии рокота ее уже не слышать. Она умолкла и теперь напоминала ему, что стала вечной могилой его жены.

«Уж не бегу ли я отсюда, как последний трус? Нет! Просто нет больше сил твердить и доказывать, что я ни в чем не виноват...»

Часть 2
Возвращение

Вода неспешно опадала. К вечеру горы, стоявшие стеной вокруг низины, могли уже любоваться своим отражением лишь в лужах, там и тут разбросанных по лугам. Белые чайки шныряли, как и когда-то, над этими блестящими оконцами, стремительно кидаясь за рыбой, которую так далеко от реки занес паводок. Птичий хохот уже не казался издевкой над горемычными жителями Брудека. На дне низины ничто больше не напоминало о бывшей здесь когда-то деревне. Высоко наверху, на склоне горы, виднелись длинные ряды новых домов.

Люди понемногу забывали свою обиду на коварство реки, унаследованную от предков. И лишь река, как и прежде, разливалась и выходила из берегов по нескольку раз в год. Иногда угрожающе, другой раз лишь желая напомнить о себе и будто предостерегая: впереди еще годы и годы! Однажды низину опять затопило. Но все уже знали: реке позволено такое бесчинство в последний раз. Ниже по течению заканчивали строительство плотины.

Солнце закатилось, и горизонт после многодневных обложных дождей просветлел.

Казалось, будто на небе полыхает пожар. Силуэты гор утратили четкость. Зубцы лесов исчезли в темной синеве, а из синевы выплывало сияние, цвета которого предвещали добрую погоду. Утихал рев машин и тракторов. С заливных лугов доносились крики коростеля. Легко порхающих мотыльков сменили тяжелые ночные бабочки и бесшумные летучие мыши. Ночь раздумчиво осыпала небосклон мириадами звезд.

Далеко в низине мерцал свет. Слабый. Всего лишь небольшой, едва желтеющий квадрат окна. Он бросался в глаза каждому, стоял ли тот возле своего дома, смотрел ли с балкона или шел по шоссе к ресторану, гордо именуемому «На смотровой площадке». Жители Брудека оставили свои старые жилища на дне глубокой низины, стиснутой объятиями извивающейся реки, и уже успели свыкнуться с тем, что ночью сюда сквозь темноту пробивается лишь нескончаемый печальный шум воды. Внизу, у реки, ждали теперь своей участи только два строения. Мельница да чуть выше по течению старая кузня. Именно оттуда исходил сейчас этот неожиданный свет, вызывая у людей беспокойство.

— Что скажете, мужики? С чего там вдруг быть свету? — встревоженно спросил человек с усиками, входя в современный зал нового ресторана, ничем не напоминающего прежнюю забегаловку в низине.

— Какой еще свет, чего плетешь, Тро-
як?

— Да в кузне будто лампу зажгли!

— Кому она может понадобиться, эта кузня,— недоверчиво протянул кто-то, и Трояк допустил, что ошибся. Чего не бывает? Может, обман зрения?

Он подсел к мужикам и, тоже заказав себе пива, встрял в разговор. Завсегдатаи с каждым днем все реже возвращались воспоминаниями к старым своим жилищам. Видимо, их расхолаживала и отрезвляла керамическая мозаика, украшавшая переднюю стенку зала, где были изображены дома и надворные постройки, бедность и убожество которых художник подчеркнул яркой декоративной стилизацией.

В зал вошел еще один и, не тая испуга и изумления, подтвердил, что, мол, да, свет в низине горит, и не иначе, как в кузне.

— Матлоха не такой человек, чтобы трепаться, да и зрение у него еще хоть куда! — решили мужики и бросились к широким окнам. Ладонями загораживая глаза, прижавшись к стеклу, они старались сквозь темноту разглядеть, что там творится...

Да, в самом деле, на дне низины желтела светлая точка. Огонек был словно втиснут в узкую рамку окна с выбитыми стеклами. С такого расстояния, конечно, не увидишь, но кому же не знакомо это покосившееся строение? Дождями и морозами обглоданные стены. Провалившаяся крыша. Никто не жил поблизости, и некому было закрепить первую оторвавшуюся когда-то тесину, чтобы ветрам неповадно было разбойничать в доме. Забро-

шенное, угрюмое место. Лишь шум реки, упрямо преодолевающей пороги. Кузня стоит на самом берегу.

— Может, ты на это нам что-нибудь скажешь, хозяйшка? — язвительно крикнул хромой мужик.

Буфетчица, женщина лет сорока, низко наклонилась над отполированной до блеска пивной стойкой. За ее руками, ополаскивающими пол-литровые кружки, и колышущейся в вырезе блузки грудью постоянно следило несколько пар мужских глаз. Женщина не подняла головы:

— А чего тут говорить!

— Да ведь это же твой родной дом, Яна, — насмешливо заметил кто-то.

Она согласно кивнула.

— Да, родилась в кузне, что правда, то правда. Только над чем же тут насмешничать? А сами-то уже забыли, откуда родом? Забыли про свои развалюхи там, внизу?

Те, кто постарше, сконфуженно потупили головы. Младших ее замечание рассмешило. «Как ни верти, а наше старичье как было, так и есть деревня деревней! Но корней своих стыдятся», — балагурили они с буфетчицей. Расплатились и ушли, оставив после себя пустые бутылки из-под тоника и содовой. Вскоре с улицы послышалось рычание моторов, и машины, на которых они шоферили, уехали.

— Может, мы и есть деревня деревней, зато наша молодежь в большие аристократы выбилась! — прокомментировал кто-то из оставшихся.

— Как бы там, внизу, пожара не случилось, — дохромав до стола, подзуживал взъерошенный мужик, и Яна поглядела на него, будто говоря: «И чего это вас, Кришпин, больше всех разбирает!»

Она закончила мытье кружек и обтерла руки об фартук. Ее муж скинул клетчатый пиджак, повесил его на вешалку под рекламой кока-колы и «будвара»¹ и, аккуратно орудуя краном, принялся наполнять пивом пол-литровые кружки:

— Если бы кузня сгорела, не пришлось бы ее сносить! Опять же меньше работы!

Все молчали, никто ничего не добавил к его словам. Дело обстояло именно так. Оставленная деревня уже несколько лет зарастала крапивой и лебедой. Вот-вот превратятся в руины мельница и кузня. До них руки дошли в последнюю очередь. Они стояли уже пустые, брошенные, когда низину стали готовить под обширное водохранилище. Оно и к лучшему — когда взорвут две эти развалины, некому будет по ним слезы лить. Мельница и кузня, словно заклятые, разрушались сами по себе. Убогое зрелище! Каждый, кого нужда заставляла идти мимо, старался сделать крюк в обход.

Двери ресторана распахнулись, и в зал вошел высокий парень с рюкзаком на спине. Поздоровался и направился в угол, где стоял пустующий стол. Это было его постоянное

¹ Сорт пива (чешск.).

место. Он сел и, сняв очки, принялся тщательно протирать запотевшие стекла.

— Твои ребята уже уехали...

— Здорово спешили... Знать, было куда!

— А я вот задержался,— сказал парень.

— Эй ты, наука, мимо кузни часом не проходил? — спросил кто-то, с подчеркнутым ехидством налегая на слово «наука».

Тот утвердительно кивнул головой. Он уже успел свыкнуться с насмешками кой-кого из местного старичья, и его ничуть не трогало, что лишь немногие принимали всерьез археологическое обследование дна будущего водохранилища.

— Кто-то зажег в кузне свет! — нетерпеливо сказал один из присутствующих.— Мы видали, что там горит лампа!

Молодой человек опять кивнул и, сняв очки, проверил стекла, держа их против люстры.

— Есть там кто? — спросил Кришпин.

— Ты не мог не заметить...

— Какой-то дедок,— равнодушно сказал археолог. Он надел очки и благодарной улыбкой встретил появление тарелки с супом, поставленной перед ним буфетчицей.

— Значит, ты с ним разговаривал?

Парень впился зубами в ломоть хлеба и отрицательно замотал головой. У него к этим мужикам тоже свое отношение. Не в первый раз строят насмешки над его работой. Сейчас он испытывал некое злорадство. Они выжидательно уставились на него, и теперь он может

отыгаться. Само собой, молодой археолог и не думал докладывать им о своем разговоре с тем, из кузни. Эта необычная встреча не выходила у него из головы. Весь долгий путь по узкой тропе сюда, наверх, в этот щедро освещенный ресторан в Новом Брудеке, парня не оставляла мысль о старике, оставшемся внизу. Парень ел и поеживался, ощущая на себе пристальные взгляды: «Ого, мои шансы у них здорово поднялись бы, наплети я им что-нибудь эдакое, сенсационное!»

— Как он хоть выглядит-то?

— Совсем старик, что ли?

— Должен быть старый! И росту большого, — подсказывал кто-то.

— Чего он хоть говорил?..

Археолог капризно пожал плечами и только тут заметил, что буфетчица, вот уже несколько месяцев присматривающая за его комнаткой под крышей, с великолепным видом на новую деревню и глубокую низину, стояла, боязливо потупившись, будто в страхе ждала именно тех слов, которые будут сейчас произнесены.

— Может, это твой отец, Яна! — крикнул хромой, допил свое пиво и, куражась, грохнул кружкой об стол.

Муж буфетчицы вздрогнул, не в силах скрыть испуга.

— Он бы не посмел вернуться!

— Вот еще! А почему это он не может вернуться к себе домой? — возразил Матлоха.

— Вы что, уже позабыли? — опять за-

орал Кришпин и возмущенно затюкал палкой по ковру, что покрывал пол большого зала.

— Имеет право вернуться! Тут его дом!

— Ему тогда ничего не доказали! Не смогли!

— А я вот калекой на всю жизнь остался!

— Уж ты-то, Кришпин, и на этом подзаработал неплохо!

— Кузнец первый раскусил, что ты за штука!

— Мужики, помните...— захохотал Трояк,— ведь это он прозвал Кришпина «товарищ сенатор»!

— Нынче тебе все здесь у нас обрыдло, уже из ноздрей лезет, и поработать «сенатором» тебе бы следовало еще кое-где. В другом месте! — с преувеличенным сожалением хохотнул кто-то из мужиков.

— Дурачье! — орал Кришпин.

— Наломал ты тут у нас дров!

— Значит, на меня с ружьем надо?

— Может, и с ружьем! Только он к тебе и с делом подходил! Чего-чего, а ума ему не занимать статьи!

— В ту пору на умные речи было начхать,— насмешливо отбрил Кришпин и махнул палкой, будто желая навсегда прогнать даже память о тех далеких временах.

Наступила тишина. Присутствующим почему-то стало стыдно. Лезли в голову мысли о тех годах, когда они так глупо клюнули

на посулы изворотливого, суетливого Кришпина. А сейчас и дураку известно, чем все это кончилось! Ночной выстрел на год — на два укрепил его популярность и прибавил веры в него. Потом его авторитет и верховодничанье стремительно покатились вниз и рухнули. Но он словно ослеп и оглох, до последнего держался с людьми высокомерно, злоупотребляя властью и казенными деньгами... Под конец он запил, а теперь вот честит налево и направо всех и вся, что когда-то вознесло его на незаслуженную высоту, а потом безжалостно скинуло.

— Да как он смеет здесь появляться...— Кришпин весь дрожал от ненависти и переводил взгляд с одного на другого.

— Амброж эти двадцать лет вкалывал на полную катушку! Про него даже в газетах писали!

— В газетах о ком только не напишут,— злобно ухмыльнулся Кришпин.

— И про вас тоже писали, пан Кришпин? — поинтересовался молодой археолог, и Кришпин вперил в него пьяные глаза. Не он один сообразил, что мальчишке в очках уже немало известно про человека, что там, внизу у реки, зажег свет.

Очкарик подошел к музыкальному автомату, опустил монету. От него не утаился благодарный взгляд буфетчицы. Громко рванулись первые звуки музыки, и стекла в окнах ритмично задребезжали.

На улице было совсем темно. Ночные птицы могли начинать охоту.

Буйная крапива. Высокие стебли лебеды. Корни разросшейся бузины вросли в фундамент. И ветер... И непогода... И вечная сырость от близкой воды. И река, которая, каждый раз разливаясь, в первую очередь набрасывается на кузню. На провалившейся крыше, поросшей мхом, притулилась березка. Невысокое деревце, устремившееся ввысь, оно единственное радует глаз вопреки безнадежной мерзости запустения...

Старый Амброж смотрел на эту унылую картину и мял в руках кепку. Он стоял, привалившись спиной к каменному валу, из трещин которого лезли зеленые побеги и желтые цветы чистотела. А чего он ждал? Такая картина предстанет перед каждым, кто возвратится через двадцать лет в свой покинутый дом.

В низине все так изменилось, что ничего нельзя узнать...

Амброж сошел с поезда на станции за несколько километров отсюда, чтобы пройти пешком вдоль родной реки, которую так долго не видел. Его поразили склоны гор, где от лесов остались лишь вырубки да плеши, а от знакомых хуторов — зарастающие плевелом руины. Он вдруг стал лучше понимать тех, кто тогда не верил ему. «А я мечтал всего-то навсегда укротить реку. Легко говорить! Я и представить себе не мог, как много надо сделать, чтобы покончить с бедями».

Первые известия о строительстве плотины под родным Брудеком застали его на грандиозной стройке. Тоже плотина! И тоже немалые

битвы, когда пришлось сносить деревни и переселять людей на новые места. «Но то был не мой родной дом!»

Амброж положил мешок на землю. Стало легче. Давно не приходилось ему таскать такие тяжести. Он отирал платком пот и медленно рассматривал кузню. И на мельницу тоже оглянулся. Когда-то здесь, в низине у реки, мельница была самым богатым хозяйством. Теперь она казалась ему куда заброшенной, чем кузня. Это белое строение мерещилось ему все долгие годы. Там, покинув его, осталась Роза, там навсегда погребена тайна далекой злосчастной ночи...

Его невольно кинуло в дрожь от неожиданного вспыхнувшего сомнения — а вдруг он возводит на них напраслину? На Розу, на мельника... Рядом с этим опустошением, с пагубой от рук человеческих все остальное стало казаться ему мелким и несоразмерным увиденному. Амброжа ужасал вид этих руин, жуткого запустения...

Наверху, высоко на откосе, декоративно белели новенькие, словно рафинадные, домики, торчали красные столбы уличных светильников — совсем как на окраинах больших городов.

Словно прочерченное по линейке, бежало по склону новое шоссе. Из-за светлых конструкций высоковольтных линий то и дело выскакивали легковушки. Ему видны были только кузова, словно машины мчались без колес. Вниз доносился лишь шум моторов. Амброж еще не побывал наверху, но мог себе представить темный асфальт с белыми полоса-

ми. «Зебры». Сколько за эти годы появилось таких вот шоссе вместо старых проселочных дорог!

Уцелела лишь церковка, мудро поставленная когда-то подальше от воды. Она осталась на старом месте. Столетиями возвышалась она над низиной, воздев ввысь шпиль, словно карающую десницу, над домами и халупами, в страхе корчившимися вблизи коварной реки. Теперь все наоборот. Новый Брудек построен на склоне горы и смотрит сверху вниз на крест, венчающий церковную твердыню.

Амброж в волнении потирал руки. Безотчетно, не думая, сорвал стебель чистотела. Пальцы стали липкими. Он улыбнулся, взглянув на оранжевое молочко. «Мама когда-то выводила этим соком бородавки... Не припомню, помогало ли. Ведь с той поры прошло почти шестьдесят лет».

Его взгляд остановился на плоских каменных плитах, которыми была вымощена площадка под навесом, одни только камни не изменились, остались все такими же. Он помнил каждую щербинку, каждую трещину, выбоину и ямку. Здесь после дождя долго стояла сверкающая на солнце водица. И после наводнения там тоже стояла вода. Нынче наводнение, как это случалось и раньше, пришлось на середину июля. «Очень кстати, иначе я навряд ли смог бы выполнить то, для чего сюда приехал. Именно сейчас мне нужно, чтобы река была полноводной...»

Амброж долго и внимательно разглядывал все вокруг и постепенно пришел к убежде-

нию, что кузню и дом не так уж безнадежно разрушили время и годы. «Другого я и ожидать не мог. Трещины в балках, зияющие дыры в стенах. Обвалившаяся штукатурка. Ну и что из этого? Знакомый рисунок годичных колец на срезах выглядывающих стропил. Все было так и в моем детстве, и позже, когда я выросл. Годы летели, и было их немало». «Мы с вами старые друзья! — хотелось ему крикнуть, обращаясь ко всему, что уцелело.— Камень, дерево, штукатурка... Вы все те же. Только вид у вас теперь иной, чем в то время, когда человек творил из вас свой дом. Нет, я не собираюсь снова лепить себе гнездо. Мне нужны только бревна!..»

И тут он услышал шум птичьих крыльев. На чердаке, проснувшись, охорашивалась ночная птица. Амброж испугался. Этого он не ожидал. Забыл про своего верного постояльца. «Сколько лет вообще-то живет сова? Наверное, та же самая, что поселилась здесь, когда я решил уехать».

Присутствие живого существа подбодрило Амброжа. Он скинул куртку и по ступенькам спустился к реке. Набирая полные пригоршни, плескал себе воду в лицо. В мирном токе реки, как извечно, отражались поросшие разноцветьем берега и синева неба. «Я уже простил тебя, река! — Сейчас Амброж знал это точно.— Хотя ты и отняла у меня жену. Возможно, во всем, что стряслось со мной позже, тоже твоя вина. Ведь я вдруг остался совсем один».

Ему померещилось, будто река дружески

подмигивает ему, взрябив гладь и вспенив ее о вросшие в дно валуны. «До чего же здорово, что река пока еще есть! Ведь мы с ней кое-что задолжали друг другу. Я должен победить тебя, река. Да! Ты уж не удивляйся, не смейся надо мной. Я должен сквитаться с тобой, один на один. Давняя моя мечта, и ты сама мне в этом поможешь! Ты и кровля над кузней. Она как будто не слишком прогнила».

Амброж радостно и почтительно проводил глазами гребень пенной воды, пока волна не слилась со спокойным током, словно бы зовущим в путь, туда, туда, в низину... Сколько раз за промелькнувшие долгие годы зов реки будоражил и манил его душу...

Амброж скинул брюки и напялил на себя спецовку. Она была уложена на самом верху рюкзака. Надел кепку, нахлобучив ее обеими руками поглубже на седые волосы. Он долго собирался с духом, копил силы, чтобы преодолеть все, что непременно навалится на него, когда он переступит порог родного дома. «Я уходил, и мне было трудно. Пришлось собраться с силами. Но ведь вернуться тоже ничуть не легче, чем уйти...»

...Тогда Амброж успел заскочить к Яне. Он проводил ее утром на фабрику и понял, что и для них с Радимом будет лучше, если он отсюда уедет.

Ему это не причинило боли. Не было времени изводить себя думами из-за того, что даже самые близкие ему не верят. Его целиком поглотило видение нового, неизведанного. Он рвался туда и чувствовал себя раскрепо-

щенным и свободным. «Стал твердокаменным? Или только делал вид?»

Амброж доехал тогда до самых прудов. Он хорошо помнил эти места еще с той поры, когда был призван на срочную и служил там внизу, на равнине. Широкие насыпи, укрепленные дубовыми аллеями. От каждой по обе стороны разливалась зеркальная гладь, словно бы земля распахнула здесь свои очи, чтобы отразить в зеркале вод небо и всех небесных скитальцев. Тучи птиц и неумолимый бег времени. Другие пруды больше походили на огромные лужи, обрамленные камышом и осокой. Только дождем и живы такие божьи прудишки.

И вдруг он обмер, застыв на краю гигантского, на многие гектары обнаженного дна. Куда ни глянь, одни лишь камни оголившейся дамбы, гиблое болото, смердящее рыбой и гнилью.

На дне спущенного пруда он прожил потом долгие месяцы. Здесь велись ремонтные работы. Он ночевал в вагончике, примостившемся под столетними дубами, и спал, быть может, под той самой веткой, на которой некогда один лихой человек, задумавший дерзновенное дело, повесил трех специалистов — для острастки всех тех, кто попытается мешать его грандиозным планам. Он замахнулся тогда поставить на болотах запруды и осушить эти места. Амброж старался представить себе прежний облик этой болотистой равнины, которую теперь покрыла вода, высоко поднявшаяся за широкой и прочной преградой. Он не мог не думать о родной низине, но

сильно сомневался в том, что и его река, послушная воле человека, однажды тоже упрется в плотину. Здесь это в свое время сумели сделать, хотя существовало немало противников такой затеи.

Амброж испытывал уважение к тем энтузиастам и был счастлив, когда ему вместе с другими удалось наконец откачать воду, которая со всех сторон просачивалась в котлован. Обнажился необхватный комель дубовой сваи. В могучем стволе по всей длине был просверлен желоб. Получилась длинная деревянная труба. Она шла сквозь высокую дамбу и выходила с другой стороны, у самого фундамента.

Там, на стройке, собрался разномастный народ. Два-три каменщика, парикмахер, бывший крестьянин. Еще некто, у кого отобрали, национализировав, малоодоходную строительную фирму, и ему пришлось стать мастером по очистке спущенных прудов. Все были местными и хорошо знали легенду о специалистах и жестоком преобразователе...

И каково же было их восхищение, когда оранжевое дерево, пробывшее под водой чуть ли не век и ставшее тверже металла, уже неподвластное ни времени, ни кирке, появилось на свет божий во всей своей красе! Каждый, как умел, представлял себе лица и голоса тех, кто укладывал длинный ствол в основание дамбы.

Амброж был взволнован. Ложась спать, он видел в этом послание предков... Когда зальют бетоном ложе для механизмов плотины, эти бревна по-прежнему будут нести свою

службу. Амброж восхищался и завидовал: «Выпадет ли когда-нибудь и на мою долю сопричастность такому делу, которое послужит людям не один век?..»

И надо же было случиться, что именно той ночью, когда в жизнь его вновь вошла радость созидания, ему пришлось покинуть место, где ему удавалось хоть как-то позабыть свой дом.

Ночью его разбудила возня. Он не слышал подъезжающей машины. Вышел из вагончика и около склада столкнулся с мастером и каким-то незнакомцем. Они грузили в кузов мешки с цементом. Сначала Амброж не понял, а сообразив, в чем дело, пытался помешать. Кричал, что это воровство. Ему швырнули в лицо лишь несколько слов: «Слышь-ка, Амброж, катись куда подальше да попрдержи язык! Что до нас, то мы у них крадем, и только, а ты хотел убить их человека!..»

И продолжали свое тихое и суетливое дело. Они и слушать не желали, когда он пытался объяснить им, что ничего такого не сделал...

Утром Амброж собрался и ушел из вагончика, в последний раз грустно заглянув вниз под насыпь на обнажившееся бревно. Он уезжал на стройку другой большой плотины, о которой много говорили и писали в газетах. Там, в огромном человеческом муравейнике, легче затеряться. Здесь он уже пообвыкся, но после этой ночи пришлось бы всегда молчать и со всем соглашаться...

Все эти воспоминания сейчас промелькнули в голове. Видимо, еще и от минутной сла-

бости. Защемило сердце при виде плесени, косматых пыльных клочьев паутины и сырости, когда он наконец решился войти в свой дом. Но с того самого случая у пруда в нем неожиданно пробудились упорство и воля, не позволявшие ему поддаваться приступам слабости. «Я не распускал нюни, когда мне приходилось совсем туго, так чего же мне кинуть именно сейчас?..»

Крючки на стене, сине-белый брусок с блеклыми квадратами от облупившихся картинок...

Он распахнул дверцу кирпичной печки: обгоревшее поленце и слой пепла. Задумался. Не может быть! Неужто то самое полено? Помнится, после ухода Марии он уже больше не подкладывал в печь...

Амброж принуждал себя сосредоточиться на чем-нибудь успокаивающем: «Главное, все чугунные конфорки целы, могу и затопить».

В спальне и в комнатухе кто-то уже выломал половицы. Угол стал ржаво-коричневым, с большими потеками дождевой воды. Амброж нагнулся к разбросанной по полу бумаге. Под слоем старых газет валялась школьная тетрадь — «Яна Амброзова». Он нахмурился. Швырнул ее обратно, вернулся в кухню и тут же поспешно выскочил вон, словно кто-то невидимый гнал его из дому.

С жалостью и печалью вспомнил жену. Ему казалось, будто она стоит поодаль и наблюдает, каково ему видеть всю эту мерзость запустения.

Амброж продрался сквозь заросли крапивы к кузне. Дверь прогнила и едва держалась на петлях. Не успел он тронуть ее, как дверь грохнулась оземь, вздымая пыль. Горн, куски раскиданного железа. Там, где стояла наковальня и был подвешен водяной молот, торчали болты. От башмака фундамента по полу тянулся глубокий след к разваленной стене. Амброж сообразил, что здесь тащили на канатах стальное сердце кузни.

Он влез на чердак. Его разбирало любопытство, как там птица. Верность месту его расстрогала. Но и сова не смогла уберечь заброшенную кузню от разрушения.

Амброж обнаружил птицу под стропилами. Огромные круглые глазищи смотрели умудренно. Амброж громко заговорил с ней. Ему пришлось за последние минуты многое подавить в себе, но преданная дому птица казалась самым большим препятствием. «Придется тебе улетать, сестрица! Вечером улетай и больше сюда не возвращайся! Завтра у тебя уже не будет прибежища. Солнце взойдет, станет шпарить вовсю, а крыша ляжет на землю. Надеюсь, дело у меня пойдет как надо и все получится!»

Теперь сова злобно тарасила глаза. Кто ее знает, может, понимает значение слов и глухих звуков, которые исходят от этого человека, зачем-то простукивающего балки. Вдруг Амброж громко засмеялся, и сова, испугавшись, шарахнулась в сторону. Она комично вертела головой, как будто и ей сейчас вспомнилось, как напала она на того че-

ловека, что двадцать лет назад вскарабкался сюда в поисках спрятанного ружья. «Что с ним сегодня, с тем человеком? Вероятно, дослужился до пенсии и на здоровье не жалуется... Впрочем, неизвестно, как сложилась его судьба... Может, посиживает в знакомом трактирчике и ворчит на тех, кого кормит тот же хлеб, который когда-то кормил его... Я и таких знавал немало. Марают всех и вся, будто сами чисты как голуби! Им невдомек, что зло, которое на этом свете не так-то просто истребить, родилось не без их участия... Ну да ладно, слаб человек», — говорил себе Амброж, выглядывая из чердачного оконца на безлюдную, ласкающую взор картину. Перед глазами встал Кришпин. Он тоже был частью этой низины. Амброжу о нем многое известно. Жена его, Мария, вскоре уехала из Брудека. Нашла в себе силы и бросила мужа, когда тот был на взлете славы. Детей ему не нарожала и свою судьбу решила сама. Поступила воспитательницей в детский дом. Уже совсем не первой молодости взялась за учебу, занималась науками, о которых в юности и слыхом не слыхивала. Зачем было деревенской невесте из богатого дома учиться, как воспитывать чужих детей, познавать душу человека? За Марией давали хорошее приданое, ее научили стряпать, шить и обихаживать будущего мужа.

У них с Амброжем у обоих выступили на глазах слезы, когда впервые, через много лет, они встретились на городской улице среди многоэтажек. Выяснилось, что оба живут

в одном микрорайоне, более того, в одном корпусе гигантского человеческого улья. Встречались теперь все чаще. Мария была счастлива, что может заботиться о нем, о его одежде, а он искренней, чем с кем бы то ни было, делился с ней всем, что произошло в его жизни. Не скрыл, что и женщины были... Рассказал все. И про случайные, быстро забытые встречи, и про тех серьезных женщин, что вселяли надежду, и таких, которые притворялись, будто ищут любви и опоры. Все эти встречи кончались ничем.

Марии, конечно, нетрудно было понять, что не последнюю роль во всем этом сыграла ее любовь к нему, навсегда ставшая для Амброжа образцом отношений между мужчиной и женщиной. Одним бабам нужен был просто самец, иные очень быстро обнаруживали свою жадность до денег. Что-то, а деньжата у него водились! «Да, грошей у меня хватает, но они ни от чего не спасут, ими ни от чего не откупишься...»

Теперь Амброж все больше думал о Марии. Она была одной из немногих, которые смогли понять, зачем ему приспичило возвратиться сюда. Его отговаривали. «Да брось ты, Амброж! Спи себе спокойно! Кришпина тебе уже бояться нечего. Что заслужил, то и получил. Симулируя, сыграл на вере людей в общее дело, добился власти над низиной. Но как веревочке ни виться, а концу быть».

— Я, Мария, возвращаюсь не затем, чтобы доказывать свою невиновность! Я должен

кое-что доказать самому себе! — сказал он, и Мария улыбнулась. Ее стареющий друг ничуть не изменился. Все тот же норов: мечты и фантазия как у мальчика! Когда-то давно она полюбила его за такое сочетание мужественной силы с мальчишеским озорством. Она радовалась, что он остался таким же упрямым. Но, болея за него душой, просила:

— Смотри не надорвись! В твои-то годы такое удумать!

Амброж только что вылез из душа с ярким полотенцем, обвязанным вокруг торса. Он улыбнулся и горделиво стукнул себя кулаком в гулкую грудь:

— Ну уж это дело я еще как-нибудь одолею!

Перед его глазами плыла река с ее порогами, коварными водоворотами, а на берегу вставала кузня...

Он обдумал все до мельчайших деталей.

...Они с Марией то ходили друг к другу, то жили вместе, как муж с женой. Не верилось, что их общее прошлое умещалось всего в одну неделю... Иногда Амброж задумывался: взял бы он Марию в жены, если б она сразу после его ухода из низины приехала к нему? Нет, наверное, побоялся бы, что она будет ему обузой. Ему и с самим собой хватало дел. «Прежде всего мне надо было распрямитесь, и для этого я вкалывал как лошадь. Но ведь и она немалого добилась в чужом, незнакомом ей мире...»

Они встретились почти через двадцать лет

и ни о чем не сожалели. Амброж знал, что на его реке строят плотину, а высоко над низиной, на склоне горы, вырос новый Брудек. Мария приносила свежие вести. Ей писала родня. Деревню уже снесли. И липы на площади вырубili. Все переселяются в новые дома. Никто теперь не жалеет, что на месте низины разольется водохранилище. А Яна с Радимом работают в новом ресторане. Назвали его «На смотровой площадке». Амброж кивнул. Подходящее название. Сверху всегда открывался прекрасный вид на реку и низину. А теперь, когда все превратится в сплошную водную гладь, перед глазами раскинется другая картина и горы станут выглядеть иначе. «Пройдут годы, и мало кто сможет представить себе, какими были когда-то эти края. С моей рекой будет то же, что стало с прудами и озерами, на которых я работал. Бескрайний водный простор, как будто все так и было испокон века!»

Роза помогает Яне и Радиму в ресторане. Радим получил повышение. Он контролирует работу всего общественного питания в округе, сообщила ему Мария позже, и Амброж заметил, что Розино имя она произнесла запнувшись, хотя он давно объяснил ей, какую странную шутку сыграла судьба с Розой, полунницей батрачкой, замахнувшейся на добро своих хозяев. И про Яну он тоже частенько говорил с Марией. Он с нетерпением ожидал известий о дочери. За все эти годы Яна не проявила ни малейшего интереса к отцу. Амброж винил Радима. Одного поля ягода с теми, кто не слишком обременяет себя работой! Работник

просвещения! Это он-то, официант! Был бы хоть стоящим мужиком, таким, которому можно доверить любое дело, который не побоится признаться, если чего-то не понимает или не умеет. Типы вроде Радима только вредят делу и людям своей трепотней. Слабак и показушник. Такие все только усложняют. А чуть что — в кусты! Вот и пришлось обратно в трактир возвращаться! Но пиво наливать он, видите ли, уже не желает, это ниже его достоинства! Привык к почету. Сейчас он снова на коне и опять дрожит от страха, как бы ему не припомнили тестя, врага того самого нового, что дает Радиму его легкий хлебушек...

Амброж после этой новости ходил мрачный. Мария рассказала ему и то, что он давно знал сам. Мельник сошел с ума и помер.

И опять Амброжа мучили думы, отчего спятил мельник. Сломался, поняв, что не вернутся больше времена, когда был славен мельников род и катались они как сыр в масле? А может, от угрызений совести?.. В конце концов Амброжу пришлось смириться с мыслью, что тайна сия ушла вместе с мельником. И это его право. «Но и у меня тоже есть право доказать самому себе, что я от своей реки не сбежал!»

Амброж еще раз взглянул на сову и подумал: «Вот кабы сова могла говорить! Уж она-то знает правду про все, что стряслось той ночью...»

Он махнул рукой и, словно извиняясь, улыбнулся растревоженной птице. «Впрочем,

что ты можешь знать? Одному богу известно, какой ты по счету потомок той старой совы...»

Амброж спустился вниз и вышел на воздух. Вздохнул глубоко. Все, казалось, уже прошло, да вот увидал ночную птицу... Этой встречи он не предвидел.

Но вскоре вернулась решимость. «Я не за тем сюда приехал! Не вздыхать да вспоминать. К чему тогда были все эти долгие сборы и беготня в поисках необходимого инструмента?»

Он окинул взглядом кузню. «Будет нелегко, но раз я все-таки приехал, то должен сделать задуманное!»

Присмотрев подходящий куст, Амброж обрезал несколько веток. Соорудил подобие веника и внес в дом. Разгреб на кухне щепки, листья, бумагу. Открылся дощатый пол. Он хорошо помнил кухонные исхоженные половицы. Потопал ногой на том месте, где когда-то стоял шкаф. Удовлетворенно кивнул головой. Местечко вполне подходяще для спального мешка и одеяла.

С облегчением, будто после тяжелой работы, Амброж выбрался из дома, опустился на траву рядом со своим мешком и поднял лицо к небу. Небо было чистым, и закатное солнце медленно плыло к горам на горизонте. Самое время закурить. Амброж нащупал в кармане пачку, вытащил сигарету и, разминая, с усмешкой прикинул: «А что, если понадобится свернуть цигарку? Сумею? Если понадобится или сам захочу, наверное, сумею».

Он пускал дым, и колечки его легко волнились от едва заметного дыхания реки. В высоком небе носились ласточки. «Охотятся за мошкаррой. Коли комарье да мошки вьются столбом, жди завтра хорошей погоды. Когда-то на это полагались, значит, и нынче можно надеяться. Прежде мы старались как можно лучше понять природу. Выйдешь утречком из дому, прислушаешься, вздохнешь поглубже и оглядишься, далеко ли видать. А сейчас включаешь телевизор и тебе объявляют; какая будет завтра погода. Держим в голове карту чуть не половины мира и ждем всяких там от самого моря наступающих фронтов да изменений давления. А что делается под самым носом, не больно замечаем! Хорошо, конечно, что человек теперь так много знает, но зачем же тогда удивляться самому себе? В нас всякого добра понамешано, и наверняка так всегда и будет, потому что человек — существо сложное... Знаний все больше, но разобраться в себе времени почти не остается...»

Со стороны леса через реку перелетел сарыч. Опустился на берегу. Амброж вспомнил свою сову под крышей кузни и, поспешно придавив сигарету, стал распаковывать рюкзак. Он выложил на землю хлеб и консервы, спиртовку, спальный мешок, свитер, что связала ему Мария, фланелевую рубашу и плащ. В самом низу нащупал связку больших гвоздей, железные скобы, пилу-ножовку и острый, недавно наточенный топор. Последним на свет появился каретный фонарь. Купить эту штучковину оказалось делом нелегким. Пришлось долго искать. Ада Бас, с которым он вместе

работал на складе большого торгового дома, его друг-приятель еще с тех времен, когда Амброж только обвыкался на прокладке тоннеля под могучей плотиной, этот самый Ада был, кроме Марии, единственным человеком, посвященным в планы Амброжа. «Не дури! Не езди туда! Ты уже забыл, почему уехал? Вспомни, сколько времени прошло, пока ты не смирился, пока наконец не допер, что правда, бывает, не выходит наружу и через много годков! Но человек должен жить дальше, даже если его гложет обида за возведенную на него напраслину!» — так говорил ему Ада Бас, и Амброжу приходилось признавать, что он прав. Басу Амброж верил. Много горюшка хлебнули они вместе. Их подружила вода. «Ты говоришь о течениях?» — раздался его густой бас, когда Амброж как-то вечером рассказывал в общаге ребятам, как сплавляют по реке лес. Амброж оживился, кивнул головой и с любопытством взглянул на косматого мужика, а тот продолжал, будто бубнил молитву: «Ну а что ты скажешь насчет Сахарной головы?» Амброж ответил: «А за ней Щука!» Зубодер! Перинка! Моисеева скрижали! Дедок! Они выкрикивали эти названия, словно хлопали козырными картами о столешницу, то Амброж, то Бас по очереди, проплыв таким образом долгие километры по знакомой реке и перечислив все коварные скалы и водовороты на ней. Эти опасные места имели свои имена и свои трагедии: «...об Головорез в щепки разбился плот, и один из плотогонцов утонул... Виноват был солевозчик, тогда на плотках еще перевозили солы...»

У Амброжа сверкали глаза: «Теперь-то я знаю, Ада Бас, где твоя переправа. Как раз перед ней выступали из воды две здоровенные каменюги — Кабан и Телята!»

Бас согласно кивнул, и Амброж припомнил: да, в тех местах ему приходилось вести свой плот вдоль левого берега, чтобы проскользнуть мимо опасной скалы.

Позже Амброж узнал, что Ада Бас был последним в династии паромщиков. Он не смог передать паром, унаследованный от дедов-прадедов, своему сыну. И по иронии судьбы сам приложил руку к строительству нового моста. Аде Басу отлично было известно: как только через реку перекинут железобетонную дугу, пробьет его час и он в последний раз поведет свой тяжелый паром к берегу.

Сначала Амброж озлился: «И ты вкалывал на этом мосту? Ведь он у тебя кусок хлеба отнял!» Но Бас только усмехнулся над святым гневом приятеля: «Ты сам подумай, пошевели-ка мозгами: так уж повелось на свете с давних времен, коли люди что-то меняют на лучшее, то про старое и думать не хотят! Со мной все в порядке, Амброж!»

И Амброжу пришлось согласиться. Но он хорошо помнил, как сильна бывает боль, как давит душу тоска, когда приходит печальный конец тому делу, что кормило целые поколения твоих предков.

Они вместе с Адой Басом переезжали со стройки на стройку, вместе вкалывали до седьмого пота на больших водных сооружениях,

и Ада Бас гневно накидывался на всякого, кто пытался с ехидцей предсказать Амброжу его будущее: «Этот Амброж, работник, конечно, хороший, да только!..» — «Что только?» — «Ведь он сидел!» — «Не сидел, а был под следствием! И если б оказался виновным, упрятали бы за решетку по гроб жизни!»

Много утекло воды, пока люди в руководстве стройки сообразили, что Амброж не только хороший работник, но и порядочный человек. Что было, то было! К чему ворошить прошлое? Да и кто его знает, как оно было!.. Сейчас это уже значения не имеет!

Амброж получал награды, его премировали бесплатными путевками, он ездил отдыхать за границу, и в конце концов они с Адой построили себе по однокомнатной кооперативной квартире в городе по соседству, чтобы, уйдя на пенсию, иметь свой угол. На пенсию они вышли одновременно, но без дела сидели недолго. Им предложили работать на складе большого универмага. Двум мужчинам, которые долго бродили по свету, взрывали скалы и заливали бетон в фундамент плотины, возня с ящиками и товаром казалась не работой, а приятным и не таким уж нудным времяпрепровождением. Теперь они могли рассказать друг другу все, на что не было ни времени, ни сил в те годы, когда они валились после смены от усталости на деревянные нары, а позже — на мягкие кушетки всевозможных общежитий. Потом Амброж стал приходить к Аде с вырезками из газет, с репорта-

жами о переменах, происходящих в его низине. Наконец-то люди взялись за ум! Иначе и быть не могло!.. Амброж и Ада Бас посмеивались над строящейся у Брудека плотиной. Она казалась им карликом рядом с теми великанами, которые они возводили...

Фотографии в журналах и передачи не лгали. Как радовался Амброж, когда подошел сегодня к плотине, перегородившей низину в самом узком месте! По обводному каналу еще свободно текла река. Он снова услышал слова Ады Баса: «Поезжай! Уж если решил так поступить — валяй! Может, что и получится...»

Амброж искал глазами какой-нибудь кусок железа, без которого ему не выполнить своего замысла. Их торговый дом мог предложить все, от булавок до щитовых домов, но поди найди простой ломик, который еще иногда называют фомкой. Ада Бас поначалу хохотал над незадачей, а потом убедил Амброжа: «Не потащишь же ты эту железяку в эдакую даль на своем горбу! Неужто не найдешь ничего подходящего в своей кузне?..»

Амброж тщетно облазил все углы. Вот ведь загвоздка. Просто зла не хватает... Главное сейчас — найти что-нибудь, чем можно орудовать как ломом. Все остальное не к спеху...

Он все еще играл сам с собой, со своими чувствами в какую-то странную игру. Как кошка с мышью. Старался держаться мужественно, чтобы, того гляди, не пустить слезу.

«Глупости все это! Годится для кино и для романа: все рыдают от жалости к герою, который возвращается в родной дом... Я знал, что меня здесь ждет. И явился сюда не биться головой о стену или распускать нюни, а вкалывать до кровавых мозолей, иначе мог бы остаться в городе, беседовать с Марией либо трепаться со старичьем. Такими же пенсионерами, как я сам. Что такой-то помер, что жизнь промчалась, что молодые все делают не так и что погода нынче не такая, как в дни нашей молодости. Или сидеть и переливать из пустого в порожнее: что мы смогли и чего не смогли, с чем не справились и что у нас получилось здорово. Все равно никто честно не скажет, чего в нашей жизни было больше. Да, наверное, это и невозможно. Но моя жизнь пока еще не кончена!»

Тут Амброж громко выругался. Спыхватился, что влез в рассуждения, не имеющие ничего общего с его твердым намерением доказать себе и этой вот реке, что из-за какого-то оговора и человеческой глупости он вовсе не считает свою судьбу изуродованной.

«Я не юлил, не шел против совести. Может, есть и моя хоть и маленькая, но заслуга в том, что люди живут теперь в достатке и не боятся завтрашнего дня. Могу ли я остановиться на полпути?..»

Он влез на верстак. Ногой спихнул кучу тряпья и мусора. Послышался звон, взвилась столбом пыль и заплясала в лучах солнца, прорывающихся сквозь потолочины. Он оглядел балки и перекладины, и глаза его вспыхнули радостью, когда он нащупал то, что

искал: двухметровый обрезок металлической трубы. Амброж спустился на пол и стал вертеть ее и так и эдак, прикидывая, как быть дальше. С грустью взглянул на развороченный горн, набитый камнями, вероятнее всего рухнувшими из трубы. Амброж выскочил наружу, схватил топорик и в яростной поспешности принялся бить обухом по трубе, положив ее на обломок гранитной скалы. Эхо четко возвращало звонкие удары, и конец полого обрезка понемногу уплощался.

— Добрый вечер,— услышал он вдруг за спиной.

Обернувшись, Амброж увидел молодого долговязого очкарика.

— А что, уже и впрямь вечер? — спросил Амброж и удивленно огляделся. У подножия горы залегли тени. Сумерки вот-вот доберутся до кузни и перешагнут через реку.

— Я было испугался. Столько лет прошло, а кузня вдруг опять заработала,— сказал парень и с улыбкой кивнул на полуразрушенную постройку, ничем не напоминающую кузню.

И Амброж тоже улыбнулся, в последний раз легонько стукнув по трубе.

— Грохот стоял бы ой-ей-ей, когда б работал молот,— сказал Амброж, и в шуме реки ему явственно послышались шлепки воды под лопастями водяного колеса. Правда, грохот молота в этой застывшей предвечерней тишине трудно было себе представить.

Парень с удивлением разглядывал разложенные возле мешка вещи. Амброж по-

пытался определить его возраст и подумал, что может, пожалуй, знать его родители.

— Ты сверху, из деревни?

— Живу там временно! Приехал на несколько недель,— покачал парень головой.

— Да и я здесь наездом и тоже вроде бы прогуляться,— сказал Амброж. Обрадовавшись, что очкарик не из местных, он напустил на себя непроницаемый вид.

— А я заканчиваю разведку в низине!

Его слова озадачили Амброжа:

— Какую такую разведку?

— Археологическую...

Амброж насторожился. Он знал на больших стройках образованных людей. Большинство из них тоже были молодые. Инженеры-строители, инженеры-механики и химики, которых ничто, кроме воды, не интересовало. «Работали среди нас, иногда ночевали с нами вместе, а я запомнил только одного-единственного инженера, которого знал раньше. Окруженный толпой подчиненных, он проводил у нас в низине измерительные работы по регулированию воды в реке. Но ни до какого регулирования дело не дошло. Я тогда еще был мальчишкой и ходил с зонтиком следом за этим важным господином, чтобы его ученой светлости не напекло головы. Уж тот наверняка не стал бы жить с нами в одной общаге и есть из общего котла. Очень возможно, нынешние молодые поученей тех инженеров из бывших. Такой мальчишка — и вдруг

археолог», — рассуждал Амброж. Он все никак не мог увязать возраст парня с собственным пониманием науки археологии.

— Значит... раскопки и прочее, ага? — Амброж старался проявить искренний интерес.

— Да. — Глаза юноши за очками заморгали.

— Ты, парень, случаем есть не хочешь? — спросил вдруг Амброж — может, от смущения или на самом деле ощутив голод.

— Я поужинаю наверху!

— В том новом ресторане?

Парень кивнул. Амброж достал полбуханки хлеба, отрезал ломоть и вонзил нож в крышку консервной банки.

— У тебя хорошая работа, — заметил он, когда лезвие ножа приподняло криво взрезанную жуть.

— Да, интересная, — согласился очкарик.

— Значит, тебе уже известно, какие здесь в древности жили люди?

— Как и везде: хорошие и плохие!

Амброж согласился.

— Может, оно и странно, но, чтобы мир мог идти вперед, должны на свете быть и те и другие... — И Амброж стал нарезать хлеб на квадратики и на каждый шлепать по куску паштета.

Паренек уселся в траву и заявил:

— Да, должны быть и те и другие, чтобы мы всегда могли все распрекрасно усложнять!

— Как это усложнять?

— А вам не кажется, что те, что жили до вас, что-то здорово напутали?

— Напутали...— повторил Амброж задумчиво.

— И вы тоже все напутали, а мы расхлебываем!

— Ты это про кого? Про меня и моих годков?

— Ну да,— кивнул юноша.

Амброж допускал, что парень в чем-то прав, а все-таки не удержался:

— Таков удел каждого поколения...

— Но ваш удел, конечно же, иной,— получая от этого удовольствие, подзадорил Амброжа археолог.

Старый человек задумчиво жевал хлеб и потому ответил не сразу. Чего зря бросать слова на ветер. В его возрасте можно позволить себе такое, но нутром он чувствовал, что лучше как следует взвесить ответ. И не только ради этого незнакомого мальчишки, который мотается где-то выше по течению. Там некогда мыли золото. Река была золотоносной. И об этом писали в газетах, в репортажах о низине, которой суждено стать дном большого водохранилища. «Мне и самому давненько охота узнать, к каким людям себя причислить. К хорошим? Плохим?» Взгляд Амброжа долго бродил по реке, и вдруг его прорвало:

— Отец учил меня, что нельзя бросать плот, который сел на мели!

Юноша не понял, к чему он клонит. Но его заинтересовал этот старый человек. Он был еще подвижен, энергичен, полон сил.

Притворяется, будто поглощен едой, а сам никак не может отвести глаз от стен и крыши кузни, будто все время что-то взвешивает и прикидывает. А теперь вдруг эта неожиданная сентенция насчет плотов...

— Я это не только с чужих слов,— сказал Амброж.— Сам когда-то плоты с отцом гонял. Каждую весну! Давно это было. Случалось, упруешься в пороги или вода вдруг взбесится и начнет плот от берега к берегу жახать! Бревна друг на друга налезают как спички. А ведь не бросишь, не убежишь! Некуда!

— Вы, наверное, последний из плотогонов, кто еще жив! — с неожиданным интересом воскликнул юноша.

Амброж пренебрежительно махнул рукой: «Что первый, что последний — дело тут вовсе не в плотях».

— Ты знавал таких, кто бросал начатую работу?

Юноша не слишком уверенно кивнул.

— За свою жизнь еще встретишь и таких. И немало! Поначалу рвутся все вперед и выше, не разбирая пути-дороги, а как только упрутся в трудности — тут же на попятный! А в жизни так оно и ведется. Бывает полоса, за что ни возьмешься — все вкривь да вкось... Не везет, и точка...

— Слабаки? — пытался понять его парень.

Амброж пожал плечами. Слово «слабак» тут не подходит. Слабак спрячется за чужую спину. Сидит-дрожит да помалкивает. Кабы эти люди только отступались! Так ведь нет!

Они к тому же обливают грязью все, во что раньше верили, к чему призывали!

— Значит, плохо верили!

— Может, верили, а может, только делали вид! И рвали на куски каждого, кто не на веру, а с осторожностью и раздумьем принимал то, что они старались подменять трепотней да лозунгами. Ведь и раздумье иногда считают проступком...— сердито сказал Амброж, проглотил последний кусок и с каким-то новым интересом огляделся вокруг. Подумалось, что в нем, в его судьбе как в капле воды отразилось то, о чем он сейчас говорил. Глаза Амброжа помимо его воли остановились на развалинах мельницы, и вдруг из тех давних лет снова послышались слова мельника: «Мне тебя жаль, все твои беды оттого, что эти новины ты вроде принимаешь, а вроде и нет. Это самое что ни на есть худшее... Ни нашим, ни вашим... И будешь ты ни богу свечка, ни черту кочерга!»

— Вы, наверное, здешний? — спросил парень.

Амброж встрепенулся как от внезапного холода, но мысли его все еще витали где-то далеко. Жизнь, собственная жизнь казалась ему похожей на дугу. Сызмальства он все лез, карабкался вверх. Если бы жил спокойно, не перемогаясь, то никогда бы не достиг верха. Линия жизни взлетала бы то вверх, то вниз, словно раскачиваемая вечным землетрясением. А сейчас? Ведь и эта его поездка не что иное, как отрезок этой воображаемой дуги. Просто теперь вся она стала виднее, как радуга после дождя. Но жизнь его скользит те-

перь вниз. Вот-вот коснется земли. Наверное, так оно и должно быть!

Он кивнул, будто согласившись сам с собой, и провел ладонью по траве.

— Сыро! Роса выпала! Хороший знак!

Амброж поднялся, натянул на спецовку свитер и стал собирать разбросанные вещи. Когда он двинулся к дому, юноша с удивлением спросил:

— Вы здесь заночуете?

— Так ведь я же здесь родился! — крикнул Амброж уже с порога.

На минуту юноша остался один. Он пытался припомнить, что слышал от людей о бывшем обитателе этого странного местечка. Подробности на ум не шли. Кузня да чуть поодаль заброшенная мельница во всех разговорах были лишь некоей точкой, где когда-то давно разыгрались драматические события. Коварный выстрел в того мужика, что теперь там, наверху, в ресторане, мотается, хромая, между столиками. Виновник так и остался ненайденным. Большинство защищало кузнеца. Хромой в этих стычках оставался в одиночестве. Мельник рехнулся. Кузнец бросил дом и уехал. Разве это можно считать доказательством его вины?..

— Ты обо мне уже, наверное, слышал, — сказал Амброж, вернувшись и подсаживаясь к огоньку. — Или, может, не слышал? — Он вопросительно посмотрел на археолога.

— Кое-что слышал.

Амброж регулировал пламя примитивного

светильника, то выдвигая, то укорачивая плоский фитиль. Он отлично знал, что фонарь в порядке. Дома, в своей однокомнатной квартире многоэтажки, высоко над городом, он развлекался с фонарем и даже зажигал, чтобы вспомнить, как с ним обращаться, чтобы не коптил. Он устраивал эту волшебную иллюминацию, когда ожидал Марию. И удивился, что это барахланое изделие вгоняет ее в слезы. Странно! Забыл, видимо, что желтый мерцающий огонек должен всколыхнуть в душе Марии тысячи воспоминаний детства и юности, с такой быстротой промчавшихся у реки в низине.

«Наша судьба была бы счастливее, кабы не электричество. Вместо гигантских молотов и прокатки на свете оставался бы только кузнечный молот! Чепуха! Человек, если хочет большего, должен бóльшим и жертвовать. Это касается каждого поколения», — думал Амброж. Но чего уж тут греха таить! С каким нетерпением он ждал минуты, когда зажжет фонарь, к которому не ведут провода и нету выключателя!..

Амброж поглядел вверх, на деревню. Первые огни уличных светильников, широкие освещенные окна в новых домах и в ресторане создавали кружевное обрамление глубокому ущелью. «Сюда, вниз, опустилась дуга моей жизни. В землю она еще не уперлась. Может, это станет потом, когда я исполню задуманное?..»

У молодого археолога создалось впечатление, что этот старый человек играет и с фона-

рем, и с ним тоже. По крайней мере вид у него был весьма загадочный.

— Значит, кузня — ваша!

— Вроде бы... — Амброж состроил удивленную мину. — Да, вроде бы моя! — подтвердил он со смехом.

— Хотите отремонтировать? — удивился парень, и Амброж понял, что разбросанные гвозди, скобы и инструмент кого хочешь наведут на такую дурацкую мысль.

— Буду сносить!

— Если б сегодня кузня работала... — с энтузиазмом начал парень.

— Что тогда? — вскинулся Амброж.

— Это же настоящий аттракцион для туристов!

— Для туристов, говоришь... Ну нет, кузня — это не аттракцион, а тяжелый труд! — сказал Амброж с горечью, и его ужаснула мысль, что наверняка нашелся бы такой, кто на потеху людям стал бы тут ломать комедию за каких-нибудь пару крон. А люди глазели б, как вода крутит колесо и поднимает тяжелый молот...

— Тогда зачем вам это?

— Сказал же я тебе, что мы были не только кузнецами... — ответил Амброж, и оба, замолчав, уставились на реку. Вода потемнела. Амброжа забавляло, что у студента в голове роятся недоуменные вопросы. «Может, за психа меня принимает!..»

Парень пошевелился, и Амброж сказал, не удержавшись:

— Из своих раскопок ты многое узнаешь, но вот о людях, что тогда жили, видать, не

так чтобы очень?

— Тоже хватает,— заверил его студент и засобирався.

— И про их свары? — не веря, спросил Амброж.

Парень ушел от ответа. Пообещал завтра опять наведаться.

Они простились, и археолог скрылся в быстро сгущающейся темноте.

Нет, не так представлял себе Амброж свою первую встречу с кем-нибудь из низины. Может, завтра?.. Было бы странно, просто невероятно, если бы не нашлось никого, кто захотел бы воскресить давно позабытое. На душе стало горько. Он строптиво вскинул голову и стал вглядываться в угасающее над горами небо. «Утро будет ясным. И я начну!»

Со стороны чердачного оконца слышался шорох, и над самой его головой промелькнула тень. Тяжелые шлепки крыльев. Сова появилась точно в свое время. Ее сполошный ныряющий полет отшумел в ночи.

— Ты, птица, сюда больше не возвращайся! Послушайся меня! — прошептал Амброж.

С зажженным фонарем он вошел в кухню. Расстелил одеяло и забрался в спальный мешок. Только сейчас почувствовал, как сильно устал. Поезд, долгий путь пешком с тяжелой ношей. Но главное — сборы, нетерпение и волнение! «Оно и сейчас не улеглось, хотя я, преодолев себя, сумел все-таки постоять у разрушенного лотка, перешагнуть порог кузни и войти в дом. Наконец-то я улегся и если захо-

чу, то вызову и оживлю на стенах и на потолке картины прошедшей жизни. Но я этого не хочу. Иначе придется поверить запахам тлена и плесени, а мне кажется, будто холодная печь пылает и все стоит на своих местах, как и прежде».

Он прислушался, понимая, что в этом заслуга реки. Ее до боли знакомого разноголосья.

«Всегда, где бы я ни находился, мне легко было оживить ее в себе, услышать ее рокот, хотя в памяти вставала и моя жена, и все события, что потом здесь разыгрались...»

Он явственно представлял себе кровлю, которую завтра утром начнет разбирать. И вдруг его обжег страх: а что, если сова вернулась и дранку придется отдирать над спящей птицей?! Амброж выбрался из мешка, схватил фонарь и вскарабкался на чердак. Понадобилось какое-то время, чтобы отыскать доски и плотно закрыть оконце.

Облегченно вздохнув, он вернулся вниз. Задул фонарь, и вскоре его сморил крепкий сон. Давно Амброж не спал так сладко.

Громкие голоса подгулявших мужиков разносились над спящей деревней. Где-то брехнул потревоженный пес. И опять наступила тишина. Вейло прохладой летней ночи. Искрясь, трепетали звезды...

Яна Зезулова стояла у широкого окна в опустевшем ресторане. Наконец-то она могла без свидетелей посмотреть вниз, в низину.

Не было там никакого света! Темнота. Ей стало легче.

— Наверное, уже спать отправился,— неожиданно произнес очкарик.

— Ну и что из того? — Яна с вызовом вскинула голову и принялась собирать скатерти со столов.

— Он же ваш отец! — настойчиво продолжал парень.

Яна возилась со скатертями, но ее движения стали медлительней. Этот юнец словно бросил в нее камень. Или просто напомнил? «Иногда этот мальчишка с его черепками из раскопок кажется мне забавным, но сегодня весь вечер сидит с таким видом, будто мы с ним заговорщики и он мой союзник. Наверняка разговаривал с тем человеком, в низине, если утверждает, что это мой отец! Но при всех ничего не сказал. Мужики от любопытства из кожи вон лезли! Этим стоит немного выпить, как тут же начинают корчить из себя святых и суют нос в чужие дела...»

— Ведь вашего отца ни в чем не обвинили! Не было никаких доказательств! — продолжал парень, ободряюще глядя на молодую буфетчицу. Она подошла совсем близко к его столику и теперь стояла, низко наклонившись над ним. Ей нравилась его по-мальчишески пытливая физиономия. Ах, мальчик, мальчик, что ты знаешь о жизни...

— И вы все это время не виделись?

— Не виделись,— кивнула Яна.

— Но почему? — искренне изумился парень.

Яна попыталась улыбнуться. Улыбка по-

лучилась кривая, вымученная. Парень неодобрительно отвел взгляд. Перед глазами у него все еще стоял хромой мужик, тот самый, что только-только вывалился из ресторана. Он уже не раз слышал его разговорчики. «Поливает всех и вся! И мою работу тоже: „И за что тебе только деньги платят? За то, что в земле копаешься? Ишь ты — ученый! Ну и что с того? Сколько ребят из нашей деревни отправилось на учебу, и все воображали, что в люди выбьются. А теперь протирают с десяти до пяти штаны! Толку от них!“»

Раньше над ним подтрунивали, напоминали, каким он был когда-то пламенным борцом за прогресс. Но сегодня вдруг напустили на себя важность и вступились за него: «Вам, молодым, лучше попридержать язык за зубами! Когда мы начинали, вас и в проекте не было! А мы — ветераны...»

Пили много. И в конце концов решили, что тот, кто когда-то трусливо сбежал из низины, не смеет в этих местах объявляться.

— Если ваш отец пошел против таких вот кришпинов...

— Ни против кого он не шел! — воскликнула Яна и сама испугалась своего ответа.

— Тогда почему же вы боялись с ним встречаться? — возмущенно спросил парень.

Яна молчала. Иначе пришлось бы признаться, что с тестем не пожелал иметь дело прежде всего ее муж. Он постоянно твердил: «Это твой отец, я понимаю, Яна, но он нам может всю жизнь исковеркать!»

— Чего только люди не наболтают...— допустил юноша.— Но ведь они при том не были и не видали, как он стрелял!

— Если вообще стрелял...— неуверенно добавила Яна.

— То-то и оно! — сказал юноша. Направляясь в свою комнату, он думал о том старике, с которым провел вечер внизу, у кузни. Вид у него такой, что выстрелить он может не задумываясь. Не иначе дедок в молодости большой кротостью не отличался.

Яна заперла входные двери. Погасила всюду свет. В ванной смыла с себя ресторанные запахи и долго стояла под душем, как будто надеясь, что вода унесет с собой и угрызения совести. Оказывается, они все еще мучают ее. Скоро снесут мельницу, а потом ляжет руинами кузня... На что отцу понадобилось напоминать о себе и о давным-давно ушедшем? Да еще сейчас, когда вода вот-вот покроет всю низину. Она надеялась, что навсегда исчезнут и воспоминания о трагической гибели матери. «За эти годы я и отца потеряла. Сейчас он здесь, рядом, но меня пугает его возвращение».

Погружаясь в сон, Яна слышала рядом с собой спокойное дыхание мужа. «На него я не вправе обижаться. В самом начале он очень помог мне. Да и потом спасал от сплетен. Только недавно мы смогли сюда вернуться. Получается, нас приняли с распростертыми объятьями лишь потому, что я отказалась от отца?.. У Радима опять приличная работа, но как он изменился! А был совсем иной, когда скитался с кинопередвижкой из деревни в де-

ревню. Тогда у нас обоих были другие интересы. А теперь все упирается в деньги, деньги, деньги. Мы оба изменились...»

За окном бледнела ночь, близился рассвет, и Яна все больше боялась наступающего утра. Ее охватило такое чувство, будто вот-вот окончится засада и начнется охота. Мужики были немногословны, но взгляды иных из них вспыхивали пробуждающимся гневом...

Рассвет принес прохладу. Разбитое окно покрылось белесым налетом, неизвестно откуда сюда заплутал аромат свежескошенной травы.

Амброж шурился, пытаясь в полумраке разглядеть комнату. Его внимание привлекли ключья тумана. словно легкий, влажный дымок, они стояли над его постелью. Какое-то время он просто наблюдал. Мысли еще не терзали его, как будто память еще не проснулась и в нем живет лишь настоящее.

Вдалеке гомозился фазан. По верхнему шоссе погромыхивала первая машина народившегося дня. Река пела и плескалась у камней и берегов. Все вокруг жило ее монотонным шумом.

В полумраке на голых стенах уже выступили рубцы и шрамы. Рокот воды усиливался, и все мелочи, напоминающие о прошедшей под этой крышей жизни, слились с ним воедино. Амброж зажмурился, пытаясь стряхнуть с себя видения, избавиться от всего, что с такой силой поднялось в его душе.

Он быстро вскочил на ноги. Дрожа от холода, потянулся. Поставил спиртовку на плиту и поджег кубик сухого спирта. Потом выбежал из дома и набрал в манерку речной воды. Скинул с себя одежду и, обнаженный до пояса, схватив полотенце, спустился к реке. Поспешно ополоснувшись, он растирался до тех пор, пока кожа не покраснела и не стало жарко. Он надел рубаху, натянул поверх нее свитер. Позавтракал. На сигарету времени тратить не стал, спешил использовать утро с его прохладой.

Взобравшись на чердак, Амброж уперся всем телом и поддел железной трубой обрешетку под самым коньком крыши. Гвозди проржавели, и она легко поддалась. Потом, взяв топор, стал сшибать дранку. Дранка была трухлявой и крошилась, как пряники. Амброж попытался поднять ее целым пластом вместе с обрешеткой. Это ему удалось. Лишь кое-где, там, где рейки держались покрепче, пришлось вышибить гвозди. Когда ему хотелось выругаться, он останавливался, пережидал и, вздохнув, снова принимался за работу, зарекаясь хулить предков. Руки прадеда когда-то на совесть сотворили эту крышу.

Амброж знал наперед, что его здесь ожидает, и еще раньше примирился со всеми трудностями, со всем, с чем придется столкнуться. Он обдумывал самые разные обстоятельства, сопутствующие перевозке и упаковке необходимых вещей, еще там, дома в городе, когда созревали его планы, обдумывал с такой скрупулезностью, что не слышал, о чем гово-

рит Мария, не видел голубого экрана телевизора и вообще отключался от окружающего мира, от гудящего и светящегося тысячами огней большого города. «Будет нелегко, но я должен это сделать, еще раз пережить то, о чем долгие годы мечтал. Человеку легче справиться с делом, если ему известно, что он выкладывается в последний раз в жизни. Мнечто еще повезло. Большинство не успевает понять, что такого взлета на своем веку им пережить больше не суждено. А сколько умерло без вины виноватых, обиженных, так и не успев напоследок уверовать в собственные силы!..»

Туман, растворяясь, медленно плыл в ту сторону, откуда с вечера незаметно подкрался. Река местами уже поблескивала на солнце. Крыша оголилась, остался лишь скелет из прочных стропил. Сова, ночная птица, к счастью, не вернулась.

Амброж подавил в себе желание выкурить первую утреннюю сигарету. Хотелось сделать как можно больше, пока кузня не вынырнула из молочно-белого густого тумана и сверху, из деревни, нельзя еще увидеть происходящего.

Ему было смешно, когда он представлял себе удивленные взгляды односельчан, но вместе с тем он досадовал, что не сможет работать под прикрытием тумана целый день. «А чего я, собственно, боюсь?..»

Привычными, отработанными движениями Амброж всаживал топор в перекрытия и думал: «Неужели кривда имеет такую силу, что может нагнать страху на человека даже через

многие годы? Ведь мне-то известно, как оно тогда со мной было!..»

Шоссе, ожив, уже гудело. Низина поблескивала под утренней росой. Далекие горы трепетали в легкой дымке взошедшего летнего дня. Высоко на склонах гор медленно смещались пестрые лавины пасущихся стад.

Прикидывая, куда свалить бревна, когда ему удастся высвободить их из столетнего плена, Амброж время от времени поглядывал в сторону извилистой тропинки, бегущей вверх, к Новому Брудеку. Его огорчило, что молодой археолог так и не пришел. Видимо, отправился на свои изыскания по другой дороге. Рассказал бы, что там наверху делается... Амброж окинул взглядом деревенские дома. Там за окнами поднимались ото сна люди, которых он не видел двадцать лет. «Потускнел в их памяти, как и они в моей? Или же, наоборот, слишком хорошо меня помнят?..»

Амброж решил свалить балку на ту сторону, что поближе к реке. Чуть поодаль от устья отвода — отмель. А до нее придется таскать бревна на себе... «Неплохо я все рассчитал. Река сама пошла мне навстречу. Летний разлив наступил в обычное время. Иначе затон был бы безводен!»

Он уже сбивал топором первую балку с шипа. Надо ее немного приподнять, чтобы сделать зазор. Шип отпустил. В образовавшуюся щель Амброж всунул железную трубу и навалился всем телом, действуя трубой как рычагом. Послышался треск. Он передохнул.

Труба в его ловких руках делала нужное дело, да к тому же была не такой тяжелой, как настоящий лом.

Наконец-то Амброж мог спокойно выкурить свою обычную сигарету. Сидя на переборке, он пускал дым и беседовал с бревнами. Побаивается он их, что ли? Все еще мучат сомнения, удастся ли с ними справиться? «Хотите или не хотите, больше вам здесь не место. Я с вами еще церемонюсь. Они ведь вас все равно пустят в распыл или взорвут вместе со стенами. А со мной еще кое-что повидаете, если, конечно, будете вести себя разумно». Он дружески подмигнул торчащим в небо стропилам и чуть не произнес эту тираду вслух.

Внизу зашелестела крапива. Послышались гулкие шаги. Амброж обернулся и с изумлением увидал старуху. Они поздоровались.

Амброж полез вниз по приставной лесенке, отметив про себя, что спокойно, без свидетелей успел выкурить всего полсигареты.

— Ты меня не узнаешь, Амброж? — после долгой унылой паузы прошептала женщина одними губами.

Амброж кивнул опущенной головой. Он весь согнулся, как будто изготавился встретить любой удар. «Мне надо было предвидеть и эту встречу...»

— Чего тебе здесь надо, Роза? — пробормотал он и бессильно опустил на порог.

— Зачем ты вернулся?

— Я здесь у себя дома! — Он щелкнул пальцами по каменной ступеньке и медленно поднял глаза на старуху. «Что с нами сделали годы! Мы уже старики. Да, никуда от этого не уйти. Но может, между нами все еще стоят давние счёты?»

— Ты должен отсюда уехать!

— Однажды ты уже давала мне такой совет!

— Яне с тобой всю жизнь одни заботы да неприятности, — сказала Роза и повела глазами в сторону деревни.

Амброж докуривал свою сигарету, но вкуса не ощущал.

«У Яны своя жизнь, свои интересы! Своя судьба! И вдруг — я! Могут быть осложнения...»

Видимо, взгляд у него был презрительный, потому что Роза вдруг с обидой в голосе зачастила, что всегда, мол, заботилась о Яне. И сейчас помогает ей.

— И вдруг являешься ты!

— Ну и что? — заорал Амброж и тут же пожалел, что не смог сдержаться.

«Жизнь моя была нелегкой, но я многому научился. Умею разбираться в сложных машинах, управлять ими. Я уже не бедный, малограмотный кузнец... Могу работать сварщиком, могу и на шлифовке, могу водить автомобиль и управлять экскаватором. Я побывал на таких стройках, о которых моему отцу, да и другим из нашей низины и во сне не снилось! Ведь здесь когда-то был край света! Я заслужил почет и уважение и вот теперь вернулся! И я горжусь, что не побоялся вернуться туда,

где люди обо мне не самого лучшего мнения, хотя не имеют на это никакого права. Впрочем, их это не волнует...»

— А ведь мельница тебе так и не досталась, Роза,— сказал Амброж, и взгляд его остановился на единственном уцелевшем по соседству строении.

— Мне тоже наверху новый дом построили!

— Видишь, как они к тебе хорошо относятся...— усмехнулся Амброж.

— Всем построили новые дома, не только мне.— Роза говорила с раздражением.

— Жаль, что мельник до этого дня не дождался...— парировал Амброж, явно наслаждаясь издевкой.

Вид мельницы вызвал у него приступ ярости, напомнив вдруг все, что мучило его, преследовало целых два десятка лет.

— Ты и вправду была у него в ту ночь?

— Была,— ответила старая женщина, и кто знает, каким ей припомнился мельник — спятившим с ума бедолагой или надутым и чванным владельцем мельницы, который ей, бедной девчонке — впрочем, нет, она ведь тоже была не так уж молода,— сулил златые горы.

— Нет, не может этого быть! Не дрых он возле тебя всю ночь! — жестко бросил ей в лицо Амброж.

— Не знаю...— Роза отвела взгляд.

— Тогда на следствии ты говорила, будто он от тебя не отходил!

— Но ведь могла же я уснуть! — допустила Роза сконфуженно.

Амброж вздохнул. Ему пришло в голову, что все эти годы и она, быть может, страдала и маялась. Ведь на следствии-то она со-
врала.

— Видать, неплохо он тебе заплатил, а? — не удержавшись, крикнул он.

Роза вдруг разразилась рыданиями. Может статься, заговорила совесть. Откупается заботами о Яне. Вдруг ни с того ни с сего старается заменить ей мать. «Это дело твое, поступай как знаешь,— думал Амброж.— Матери у Яны нету! Но почему ты хочешь заменить ей и меня, отца? Ведь я-то пока еще жив!»

Роза, виновато сгорбившись, удалялась по тропинке, протоптанной в примятой крапиве. Амброж еще раз поглядел ей вслед, когда она уже поднималась вверх, к новой деревне. Потом сплюнул и опять полез на крышу. Он с яростью выворачивал перекрытия и, сбросив в траву бревно, откатывал его под кузню, к берегу. Только услыхав треск ломаемого дерева, он пришел в себя, стряхнул горечь встречи и нашел в себе силы посмеяться над самим собой, над тем, что поддался гневу. Он крепко сомкнул веки, чтобы не полились неожиданные слезы. От смеха ли, а может, от жалости к собственной персоне... «Ну да ладно, раздражение надо на чем-то выместить, но бревна тут ни при чем, они мне нужны целенькими, не порушенными в щепки!»

Те, что скатывались по другую сторону крыши, приходилось оттаскивать и приподнимать, напрягшись до хруста в пояснице.

От усталости подламывались ноги. Амброж сбегал вниз, чтобы приготовить для них место, и возвращался обратно. Он с удовлетворением оглядывал побежденные бревна, ибо, вынашивая в подробностях свой план, именно так представлял себе эту картину.

Обед его был простой, но сытный. Куриный бульон из кубиков. И свиные консервы. Амброж торопился разобрать крышу раньше, чем полуденное солнце начнет шпарить вовсю. Он надеялся, что к тому времени вода все-таки прогреется. Ведь хочешь не хочешь — придется в нее лезть.

Он шагнул в воду, и ноги тут же свело. Стиснув зубы, Амброж дождался, пока судорога чуть отпустит, и, взглянув на реку, усмехнулся:

— Хорошо же ты меня встречаешь! А я-то, дурак, надеялся, что поможешь!

Но тут же готов был попросить у реки прощения. Он медленно брел за очередным бревном и ласково пошлепывал по воде ладонью. Вода подхватила тяжелые бревна. Боковое течение поворачивало их и сносило к берегу отмели. Тут они замирали, словно вставшие на якорь корабли.

Когда на берегу остались два последних бревна, Амброж вдруг озлился, что так недуманно спустил все на воду. Надо был оставить две жерди. Пришлось притащить валун и с помощью отрезка трубы, используя камень как точку опоры, с трудом приподняв тяжелое бревно, передвинуть его. Потом он бросил трубу и, согнув ноющую спину в три погибели, откатил камень, чтобы снова на-

валиться всем телом... Обессиленный, он опустился на бревно на полпути к берегу и отвернулся, не желая видеть те два-три последние метра, что оставались до реки. С каждой минутой расстояние, казалось, все увеличивается. Амброж беспомощно смотрел на заросли крапивы, на мощное переплетение ее корней. В крапиве валялся кусок дерева. Нагнувшись, Амброж поднял его. Это была дощечка с ржавыми крючками. Вешалка! Когда-то она висела в кухне у самой печки. «И ее тоже унесет река, как и многое другое из нашего дома. И меня унесет. Должна унести вода, а я здесь прохлаждаюсь...»

— Ну и разворотили же вы все,— услышал он вдруг голос.

Амброж просветлел лицом. Молодой археолог подошел в самое время.

— Еще два этих вот дуrolома...— ткнул Амброж в сторону боковых бревен, и глазам изумленного парня открылся вид кровли, распростертой на глади отмели.

— А я, признаться, решил, что вы собираетесь ее продать,— крикнул он и с каким-то восторгом сбросил со спины рюкзак. Старик, отрицательно покачав головой, опять взял в руки обрезок железной трубы, но парень выхватил ее из рук Амброжа.

— Вы будете носить камни!

Теперь они уже вдвоем дотащили часть чердачных перекрытий до берега, перевалили через поросшую травой береговую кромку и оба налегли на вздыбившийся вверх конец бревна, как на огромное весло. Бревно с громким плеском рухнуло в воду. Таким же обра-

зом переправили второе. Амброж благодарно похлопал парня по спине.

— А что дальше?

— Да вот хочу попробовать еще разок...— ответил Амброж и уставился на бегущую все вперед и вперед реку.

— Плот?

— Из этих бревен вряд ли получится настоящий плот, но, надо думать, и такой поплывет, не потонет!

Юноша с изумлением глядел на его жилистые руки и посиневшие от холода ноги, на помеченные временем бревна, покачивающиеся на воде и чем-то напоминающие лицо старика.

— Так вот зачем вы сюда явились!

— Не только за этим!

— А еще?

— Тебе, думаю, не понять...

— Я могу чем-нибудь помочь вам?

— Ты уже и так помог, и здорово! В самый нужный момент явился. Я не собираюсь тут зря торчать. Сколочу все на скорую руку, сооружу что-то вроде весла...

Амброж вылез из воды, и юноша, который целый день думал об этом человеке, почувствовал к нему какое-то особое почтение.

Они сидели на берегу и молчали. Старый курил, иногда поворачиваясь к своей кузне без крыши.

— Ну а ты, парень, что ты откопал в этой земле?

— Да всякое!

— Вещи...— улыбнулся Амброж, и перед

глазами его замелькали предметы разного цвета и формы, которые изо дня в день проходили через его руки на складе универсама, а потом отправлялись наверх на прилавки и полки.

— Посуда, всяческие орудия труда...

Амброж согласно кивнул головой:

— Да, люди тогда обходились самым насущным! — И опять его мысли перенеслись к себе, в универсам, где они с Адой Басом развлекались, наблюдая похожих на безумцев покупателей, которые выискивали в великом множестве барахла то, без чего им вроде бы никак не прожить. Отыскав, покупали и вне себя от радости уносили домой.

Пройдет время, подкопят еще денюжат и снова явятся, чтобы купить что-то уже совсем другое. И будут приходить всегда, ибо ни одна вещь не приносит вечного удовлетворения. Они с Адой смеялись над этой суетной тщетой.

— Почему вы уехали отсюда? — спросил парень и вспомнил буфетчицу Яну и беспокойно переглядывающихся мужчин.

— Однообразие мне надоедает! И потом: меня всегда тянуло посмотреть белый свет... — ответил Амброж, прикинувшись, будто тогда, в те далекие времена, он просто не смог преодолеть зова дальних странствий.

— А плоты вы гоняли каждый год?

— Многие годы, вёснами... — подтвердил Амброж и сразу же перенесся мыслью в те вёсны, когда они отдавали себя во власть стихии. Вода нежила плоты на мельчинах и, словно дикий конь, лягала, затянув в стрем-

нину между скал. Работенка была не шуточная. Но эти адовы муки приносили чувство раскрепощенности, свободы... Бревна пахли смолой. А мимо стремительно мчались берега с деревьями, лесами, людьми. Красота! И опять, в который уж раз, Амброж отметил про себя, что эти воспоминания помогали ему потом, на стройках, где каждая минута была на счету.

— Завтра снова в путь!

Юноша не осмелился усомниться в его затее, чтобы не причинить старому человеку боли неверием в его силы. «Все равно он не станет меня слушать. А я-то решил, что он явился сюда, чтобы снять с себя старые подозрения. Ведь здесь живет его дочь!»

— Вам бы следовало подняться в деревню!

— Зачем?

— Доказать, что тогда стреляли не вы!

Амброжа тронула его уверенность, но вслух он сказал:

— Больно надо кому-то что-то доказывать! — И добавил: — Да и нет у меня никаких доказательств!

— Но вас это мучит,— убежденно заявил юноша.

— Не мучит. Уже не мучит,— ответил Амброж и задумчиво продолжал: — В молодости, сынок, человек считает, что каждый его поступок люди должны одобрить. И зря. В один прекрасный день ты сам, своим умом дойдешь, что не одобрение главное... Важно, чтоб совесть была чиста и чтобы ты сумел собственными силами чего-то достичь...

Он умолк.

Археолог терпеливо ждал, когда Амброж снова заговорит.

— Я хочу тебя кое о чем попросить!..

— С удовольствием, пожалуйста,— загорелся юноша.

Амброж поднялся и пошел в кузню. Вернулся. В руках он держал куртку. Со вчерашнего вечера Амброж не надевал ее. Он пошарил в нагрудном кармане, достал пачку бумаг и вытащил из нее сберкнижку.

— Завтра!..— Он умолк, а потом со значением продолжил: — Завтра, когда меня уже не будет здесь, понял! Отдашь это буфетнице! — И протянул парню сберкнижку.

Тот держал ее в руке и обеспокоенно моргал глазами, пока очки на его носу не пришли в движение.

— Да ты погляди. Тебе надо знать, что ты туда понесешь,— предложил ему Амброж.

Сберегательная книжка была оформлена на имя Яны Зезуловой. На счету после очередного вклада числилось ровно сто пятьдесят тысяч крон.

Амброж делал вид, будто его занимает лишь комарье, но сам внимательно наблюдал за растерявшимся юношей.

— Это же целая куча монет!

— Ничего! У меня они не последние, не бойсь, я кое-что и себе оставил,— усмехнулся Амброж.

— Вы же могли купить себе...

— ...Скажем, машину...

— Хотя бы! Или дом!..

— И что тогда?

— Ну...— Юноша растерянно мотнул головой и смущенно опустил глаза. Он почувствовал, что Амброж сейчас думает о чем-то совсем другом, и восхищенно воскликнул: — Вот они обрадуются!

— Думаешь? — недоверчиво поинтересовался Амброж.

Парень не ответил. Ему был не совсем понятен смысл такого поступка.

— Вы ведь меня совсем не знаете...— завел он речь с другой стороны.— А доверяете такую кучу денег!

Старик прижал к губам палец и легонько, успокаивающе, тронул юношу за руку.

— Но ведь и ты мне доверишь, не так ли?

Молодой археолог с важностью кивнул головой.

Снизу, по-над рекой, неслась, все приближаясь, большая стая чаек. Белые птицы, казалось, надвигаются на берег в полном беспорядке. Они то стремглав кидались на воду, то снова взмывали ввысь и плавно кружили, притворяясь, будто нет для них никакой разницы, куда направить свой полет.

Амброж и молодой археолог наблюдали за игрой белоснежных птиц, продолжая беседовать, и в их разговор вплетались птичьи вопли, так напоминающие громкий насмешливый хохот. Юноша измерял прошлое сотнями лет, Амброж лишь десятилетиями. Но оба сходились во мнении, что человек всегда есть не более чем человек со всеми

своими заботами и, главное, со своим трудом. И только труд, только работа творят историю...

Скоро эту низину затопит вода. Те, кто придет сюда после нас, увидят одну лишь красоту природы. Что-то вроде огромного озера. А мы? Что нам известно о тех давних людях, живших на просторах, которые теперь стали дном озер, морей... Для нас они лишь история, и мы любимея просто реками, озерами, морями...

Настоящее напоминало о себе гулом и скрежетом, доносившимися с шоссе.

— А вообще вы хоть как-то защищались? — спросил вдруг юноша вне всякой связи с их разговором.

— Еще как... — тщеславно усмехнулся Амброж. — И видать, не так уж плохо, коли с ума не свихнулся и есть силушка в жилушках, чтобы сделать то, о чем так долго мечтал!

Чайки играли в лучах заходящего солнца, и огромный шар, катясь на запад, отбрасывал длинные тени. Темный фон для беспорядочно мечущихся белых птиц. Высоко в небе возник сарыч. Он возвестил о себе резким писком, и чайки пустились врассыпную, поспешно покидая его владения. Они удалялись во мглу уходящей вниз низины, и омерзительный их хохот растворялся вдали.

Археолог засунул сберкнижку в карман куртки. Поблагодарил Амброжа, сам не очень отчетливо понимая за что, видимо за доверие... Пожелал счастливого пути. Они пожали друг другу руки, и молодой, оставив старого наеди-

не с самим собой, двинулся вверх, к ресторану, что светил далеко окрест своими большими окнами.

Амброж поужинал. И только тогда решился наконец на торжественный акт. Он распахнул печную дверцу и поджег под сухими поленьями бумагу. Пламя, пожирая бумагу, на минуту угасло, но вдруг, ярко вспыхнув, охватило щепки. Поленья затрещали, и печь загудела от устремленного ввысь огня.

Амброж выскочил из дому, поднял взгляд на голую теперь трубу и стал внимательно наблюдать за поднимающимся в сумеречное предвечернее небо дымом. Сколько же долгих лет не видали эти края дымной души ожившей кузни!

«Наконец-то я дождался этой великой радости!»

Он засыпал, обогретый теплом кирпичной печи, которая для многих поколений его предков служила семейным очагом, и гуденье огня в последний раз сливалось с вечным шумом воды...

Горы потемнели, словно утонув в своей собственной тени. В ночь вылетали летучие мыши, и ночные бабочки, трепеща крыльями, липли к стеклам освещенных окон. Над рекой поплыл дым, а внизу снова загорелся тот единственный огонек...

Буфетчица разносила пиво. Всем уже было известно, что в низину на самом деле вернулся Амброж-кузнец.

— Интересно, что себе твой батя воображает, слышь, Яна, а? — спросил Кришпин.

Яна сделала вид, будто ей недосуг поддерживать разговор. После Розиного возвращения Яна уже могла себе представить, что ее ожидает вечером. Радим, ее муж, сжав кулаки, с отчаянием прислушивался к перебранке. Мужики вели себя так, будто Янин отец своим появлением поставил под удар их жизни и лишил святого покоя, до сих пор нарушаемого лишь заботами о том, чтобы ржа не сожрала шасси их автомобилей да не тронула центральное отопление их белых домов...

— Его привела сюда жадность! Не иначе! Развалит кузню, а бревна продаст по дорожке...

— Ну и нахалюга же!

— Бросьте, ведь это все-таки его собственность!

— Лучше бы ему исчезнуть отсюда, да поскорей!

— Да отцепитесь вы от него! Амброж ничего плохого не сделал!

— Не сде-е-е-лал?

— Нет! Мы все его хорошо знаем!

— Не строй из себя ангела, Кришпин, мы все тогда сдрейфили, полны штаны со страху наложили! А надо было тебя и впрямь пристрелить!..

— А может, это ты и стрелял? — ткнул Кришпин в Трояка пальцем.

— Дураки мы тогда были! Ни дать ни взять стадо баранов...

— Чтой-то ты вдруг...— с притворным испугом Кришпин оглядывал всех, ища поддержки своему справедливому негодованию.

— Амброж понимал, что с рекой надо как-то управиться!

— Все сейчас задним умом крепки...

— Это ты заставил нас тогда строиться внизу, у воды! А чем это кончилось?

— Такое уж было время!

— Выходит, один только Амброж понял это время!

— Понял и лег спать с моей женой? А потом она сбежала к нему, сука ученая!

— Спал не спал, это уж дело твое, Кришпин! Ты всегда только о себе думал!

Кришпина трясло от злости. Он подходил то к одному столику, то к другому и чуть ли не хватал мужиков за грудки, домогаясь согласия:

— Надо его оттуда выкурить! Забыли вы, что ли, как он над нами посмеялся, а сам взял да смылся?

Молодой археолог сидел за своим столом в сторонке и притворялся, будто его вовсе не интересует их громкий спор. Его коробило, что только немногие отважились поднять голос в защиту Амброжа и окоротить этого бывшего хозяина деревни. По всему видать — дрянь человечешко... Или те, остальные, на всю жизнь перепуганы неизвестно чем...

— Завтра начнем рушить мельницу! — крикнул кто-то, когда все уже двинулись к две-

рям, и словно поставил точку: — Утром видно будет! Чего зря языки чесать...

Яна смотрела им вслед, во тьму, и было ей тошно. Вот и сегодня у нее опять так и не хватило смелости вступить за отца. Достаточно было только сказать, только напомнить им, что следствие против отца прикрыли! Она знала, что может ответить ей Кришпин. «Но хоть раз в жизни я сделала бы по-своему, как совесть велит!..»

Очкастый парень, единственная поддержка, отправился спать. Он явно избегал ее, отводил взгляд, как будто опасался, не совладав с собой, открыть ей что-то важное.

Яна лежала в постели, и ей снова мерещился столб дыма, который с вечера поднимался над кузней. Она вспомнила тепло, что согревало ее в детстве. Куски раскаленного железа в горне... Ритмичный стук молота и нескончаемый шум реки... И покрытое копотью лицо отца... «Река уже рассчиталась со мной, я больше ей ничего не должна. Она взяла у меня маты! Зато теперь, получается, вернула назад отца!»

Радим беспокойно ворочался во сне. Ей казалось, будто он без конца повторяет одно и то же. Те жестокие слова, что сказал, прежде чем уснуть.

— Завтра пойдем к нему! Он нас должен послушаться! Ты не знаешь людей! Каждый только и ждет, как бы сожрать другого!..

Яна возразила ему на это, что его страхи всегда были пустыми. А теперь в который уж

раз со слезами повторяет себе: «Но хуже всего, что наш вечный ужас перед прошлым отца сейчас тоже кажется чепухой. Мы жестоко обошлись с ним. А чего ради? О чем мы так пеклись? Чего добились? Работали, чтобы поскорей купить машину! Новый дом, дачу! И ездить в отпуск по заграницам! Деньги, и только деньги! В этой вечной погоне за барахлом мы упустили время и не родили ребенка. Как же я позволила себе с такой легкостью забыть, что у меня есть отец? Мы от него отреклись, чтобы не испортить себе жизнь. А сейчас боимся, что придется содержать его. Я его дочь, и моя обязанность заботиться об отце! Про каждого, кого ни возьми, что-нибудь да болтают. Редко хорошее. А нам-то все плохое, что плели про отца, оказалось на руку!»

За окнами мириадами звезд сверкало небо. Ночные птицы охотились. Яна плакала тихо, боясь разбудить спящего мужа...

А под утро к чердачному окну кузни вернулась сова. Она осторожно искала знакомый вход. Замедлила полет, взмах крыльев стал спокойнее, и вдруг, охваченная паникой, вновь взмыла ввысь, испугавшись голого, еще теплого остова кирпичной трубы.

Амброж встал чуть свет. Все, что он делал потом в прохладе наступившего утра, было словно продолжением ночных раздумий и прикидок, будораживших душу, отягощавших сон. Ему не хватило всего одного дня. Из-за этого придется лезть в холодную воду, еще не прогретую солнцем. Тут же у порога он выпил горячего чая. Стоя. Даже не присаживаясь.

Нелегко будет соорудить плот из тех бревен, что покачиваются сейчас там, на отмели. Ночью его вдруг осенило: бревна такие толстые, что можно, пожалуй, обойтись без настила.

Над рекой плыли клочья тумана. Окрестности вырисовывались быстрее, чем вчера, открывая перед глазами всю низину.

Амброж скинул штаны и засучил рукава рубахи. Прихватил скобы, гвозди и топор и вошел в воду, взбудоражив тишину заливыча. К счастью, дно было песчаное и камни попадались редко. Его ступни увязали в песке, и песок казался Амброжу теплее, чем вода.

Амброж оттолкнул друг от друга две толстые балки, всадил между ними стропила и матицу и соединил вместе тремя досками, положенными во всю ширину будущего плота. Скобы вбил по диагонали, чтобы бревна не могли сдвинуться по продольной оси. Из оставшихся сложил на корме что-то вроде приступка. Подумав, сообразил, что необходимо утяжелить и носовую часть, чтобы она не задиралась над водой, когда он перейдет на корму. Соорудил уключину для кормила...

Амброж вылез из холодной воды, когда солнце, словно издеваясь над ним, только начало обогрывать реку. Наверху жизнь шла своим чередом. Рычали в своей неумолчной спешке автомобили.

Он вошел в дом и принялся складывать вещи и одежду в мешок. Времени достаточно, но его настойчиво подгоняло что-то, чему он

не находил названия и не мог противостоять. Чувствовал себя усталым. Хорошо бы прилечь, передохнуть и порадоваться. Наконец свершилось то, о чем он долгие годы мечтал! Плот, конечно, не бог весть какой, но поплывет!

Амброжа опять выручил обрезок железной трубы. Не нашлось ничего подходящего, из чего можно вырубить руль с длинной рукоятью. Его взгляд машинально обшарил кухню. Подумав, он принялся поднимать высохшие исхоженные доски...

Снаружи неожиданно послышался близкий, все нарастающий громкий треск. Амброж выбежал на порог. Около мельницы царило оживление. Мотор грузовика стих. Мужские фигуры суетились вокруг выкрашенного в желтый цвет компрессора на двухколесной площадке. «Вовремя же я управился!» — подумал он.

Его вдруг стал раздражать скрип, сопровождавший каждую его попытку поднять эти тысячами шагов придавленные половицы. Он налегал на обрезок трубы всей тяжестью своего тела и осторожно раскачивал, чтоб не выломить из доски лишь часть. Острия глубоко вбитых кованых гвоздей не желали покидать гнезда. За долгие годы металл словно прикипел к дереву. Еще немного! Ну, совсем немножко! Весь мокрый от пота, Амброж упирался, давил. Наконец-то! Один конец освобожден! Победил. Окончательно освободить приподнявшуюся доску было уже легче. Амброж отбросил железную трубу, подхватил доску посерединке и поволол из кухни в сени и на

улицу, где уже вовсю светило солнце.

Зажмурившись, он сбросил доску в примятую, полегшую крапиву и, оглядевшись вокруг, увидел мужиков. Они стояли, наблюдая за ним удивленно и испытующе.

Амброж отвел глаза и обернулся на мельницу, потом на свое сооружение. Плот стоял нетронутый на том же месте. Мужики явно не собирались ему помогать.

— Мое почтеньице, Амброж! — произнес один из них, с усиками.

Амброж буркнул что-то в ответ и полез за сигаретой. Он медленно шарил в кармане в поисках спичек, словно давая мужикам форы...

— От тебя такого вполне можно ожидать... — насмешливо пропел Кришпин. Его Амброж узнал сразу.

— Чего от меня можно ожидать?

— Говорят, преступник всегда возвращается на место преступления, — уточнил Кришпин.

Амброж закурил и твердо взглянул ему в глаза. В них металось беспокойство...

— Так ведь он приехал не за чужим, а за своим, — сказал тот, с усиками, и Амброж согласно кивнул головой. Трояка он тоже узнал сразу.

— Опять смываешься?

— Я никогда не смывался, — тихо, скорее для себя, проговорил Амброж.

— Ты мог бы и раньше возвратиться! Я тебя уже простил, — заявил Кришпин. Он суетливо раскачивался, навалясь на палку.

И только сейчас в глазах Амброжа блеснула ярость. Его вывел из себя издевательски добренький, вроде бы великодушный тон этого типа. Кришпин всегда был ничтожеством! Умело липнул ко всему, на чем мог нажать капиталец. И сейчас глазки у него поблескивают, как у рыбы...

— Мне твое прощение ни к чему! — крикнул Амброж и, схватив топор, сделал вид, будто ищет у доски сторону без сучков, чтобы расколоть поровнее.

— И всегда-то ты был хитрованом, Амброж!

Не похоже, что Трояк заодно с Кришпином.

— Каждый судит по-своему и по себе, — ответил Амброж.

— Да ладно, бросьте вы! — примирительно сказал Трояк.

— Того гляди, наше старичье в кулачки пойдет, — захохотал паренек, которого Амброж и знать-то не мог.

— А зачем? Все уже и без того ясно! Что скажешь, Кришпин?

— Это как же? — не понял Кришпин. Он нервно колупал палкой в траве.

— Очень даже хорошо знаешь — как, — отрезал Амброж и крепко сжал топор, будто опасаясь, что он вырвется из его рук.

У него вдруг перехватило дыхание. Грудь вздымалась и опускалась, он с трудом проглотил застрявший в горле комок, стараясь преодолеть приступ бессильного бешенства.

— Нынче ты уже можешь все рассказать,

сознаться, как тогда дело было,— примирительно выводил на высокой ноте Кришпин.

— При чем тут «нынче»? Сколько бы времени ни прошло, мне признаваться не в чем,— с сердцем отрезал Амброж, прикидывая, куда бы положить пилу.— И, может статься, именно тебе, сенатор, это куда как хорошо известно! Зачем мне было идти против новых порядков?! Мне-то они как раз были кстати, эти перемены. Я им радовался! Только не орал об этом громко... Ну, поговорили, и хватит, вы меня задерживаете! И себя вроде бы тоже...— Он с сердцем ткнул рукой в сторону мельницы.

Но мужики и без того уже двинулись прочь. Трояк молча протянул Амброжу руку. Кришпин издали крикнул:

— Давай уматывай, да поскорей!

— А что ты мне сделаешь, если не умо-
таю,— усмехнулся Амброж.

Кришпин погрозил палкой и, прихрамывая, пустился вслед за остальными к мельнице.

Амброж лишь рукой махнул. Но тут же опустился на землю. Ныли теперь не только кости и мышцы, ныла униженная и оскорбленная душа. На какой-то момент он пожалел, что вернулся. Людская злоба живуча.

Появились чайки. Они приближались в беспорядочных, неустанно изменяющихся сочетаниях. Испуганно заматались в горячем воздухе, когда грохнули взрывы, разнося окрест эхо. И сразу же раздалось рычанье пневматических буров.

Амброж еще не докурил свою сигарету, как гнев его улегся. На помощь пришел жизненный опыт. Такого приема следовало ожидать. Рачители правосудия должны выкрикаться. Да и не мог он не признать, что было бы противоестественно, если бы Кришпин дружески похлопал его по плечу. Трояк не изменился, все тот же, как, надо полагать, и многие из тех, кто живет теперь наверху, в деревне.

Амброж надпилил край доски, порадовался, что удалось отщепить такую ровную полосу. Минута-другая — и вырисовалась ручка руля, расширяющегося лопатой книзу.

Он добрал по воде к плоту и продел руль в уключину. Упершись, оттолкнулся, и плот стал послушно разворачиваться. Стволы давно срубленных деревьев ожили. Амброж и сам себе казался теперь восставшим из мертвых. Долгие годы мечтаний, месяцы подготовки и последние часы тяжелого труда! Наконец-то! Он облегченно вздохнул. Наконец-то он тронется в путь и у него будет время осмыслить все случившееся, всю ту бурю чувств, что поднялась в нем от встречи с низиной, с рекой. Он вновь ощущал себя сильным и спокойным. Знал, что победил. Теперь вокруг него лишь бревна, река и небо. Дышалось легко, хотелось обнять и прижать к груди нечто, чему не подберешь названия.

Амброж опустил на бревенчатый накат. Мучила одышка. Болели мышцы, и все внутри словно сжалось в комок. Босые ноги были мокры от воды, впитывавшейся в поры сухих бревен. Амброж в немом восторге оглядывал-

ся вокруг. Картина, представшая глазам, была драматична, она воздействовала на чувства сильнее, чем грохот разрушения там, у мельницы. Озорной и вместе с тем степенный бег реки. Валуны, берега, рыба и птица. Необузданная стихия. Покинутые могилы и потайные уголки, словно созданные специально для любви. Заросшие стежки и новые, недавно проторенные тропы.

Одни поколения нарождались в этой низине, другие умирали под вечный шум реки. «Не каждому выпадает счастье понять, какие сокровища мы получаем в наследство от предков,— подумал Амброж.— Я вернулся сюда, чтобы поблагодарить реку и за это тоже!»

Амброж набрал в ладонь уже нагретой солнцем воды и стал медленно пропускать ее сквозь пальцы. Вода падала крупными каплями, как дождь с жаркого неба. Народившись слабым ручейком, она прокладывала себе путь меж деревьев, среди расщелин скал, сочилась сквозь папоротники и мхи... Все большое появляется на свет медленно и трудно. Сюда, в низину, река вступала уже широко и мощно. Когда ее там, ниже по течению, перекроют плотиной, все равно вода не поглотит всего. Обширные водные просторы станут лишь продолжением вековой, как океан, людской мудрости.

«Надо сходить за вещами. Пора в путь!» — подумал Амброж. Но покидать эти места еще не хотелось. Зачем спешить? Свой путь по реке он знал до мелочей и до мельчайших подробностей видел его внутренним взором. Если река не взбунтует, он пройдет его еще

засветло. Пока что Амброжу не хотелось и думать о том, как он доберется на плоту до стоячих вод ближайшего водохранилища и, бросив там свое детище, отправится к поезду пешком.

«Тогда-то и наступит конец! Хотя уже сейчас я в последний раз вижусь со своей рекой. Ниже река уже будет другая, чужая. Да и я уже буду иным!»

Его взгляд снова остановился на голом откосе и дальних лесах, а потом скользнул по мелям и перекатам. Амброж давно знал, что река все время меняется. Название остается, но облик ее и душу изменяют берега и люди. «Потому-то я и торопился сюда, чтобы застать тебя в старом твоем обличье».

Амброж не мог оторвать глаз от волн. Вот он снова слышит жалобы реки, ее угрозы и насмешки, словно обернулось время и он опять приходит сюда, чтобы найти в ней союзника или поделить своим горем. Когда откроют шлюзы, с рекой уже не договоришься. Река всегда с важностью и горячностью бралась за дело. Амброж завидовал ей. Она вертит мельничные колеса и понуждает человека, обессиленного не от работы, а от приступов безнадежности, поторапливаться. «Ты помогала мне жить, река! И не мне одному ты помогала! Иногда ты побеждала нас, клала на обе лопатки, ибо мы были к тебе непочтительны. Анна могла бы жить и сегодня, если бы вовремя поняла, что ты не властна управлять страстями, бурлящими в каждой здоровой стихии. Я вернулся к тебе, река, чтобы сказать, что теперь понимаю причину ее смерти».

Он потрогал бревна. Нет, он не собирался проверять плот на прочность. Этим нечаянным жестом Амброж как бы одобрял себя, свою затею. Соорудив этот последний плот, он сделал доброе дело. Для обоих: для себя и для реки. Они оба этого заслужили.

Становилось жарко. Над гладью заводи трепетало марево, и казалось, будто воздух вздрагивает от шума отбойных молотков, тех, у мельницы. Амброж скинул рубаху и ополоснулся.

Река с мелодичным рокотом бежала вперед, и Амброжу показалось, что она уже покорила ожидающему ее плену.

Неожиданно наступила странная тишина. Грохот у мельницы прекратился. Амброж торопливо собирал на берегу одежду и инструмент и стал без разбора заталкивать в мешок. Он вбежал в кухню, в последний раз обвел взглядом голые стены и, совсем уже смирившись, покачал головой. Тишина подсказала, что сейчас начнут перегонять машины, возьмутся за кузню. Поскорее прочь отсюда!

И вот Амброж уже стоит на плоту, босой, в закатанных до колен штанах. Ему пришлось опять лезть в воду, чтобы подтолкнуть свое неуклюжее чудище к устью заводи. Здесь течение примет его, вцепится когтями своих перекатов.

Камни на дне ранили ноги. Сбитые на живую бревна ходили ходуном. Амброж надрывался из последних сил...

Откуда-то издалека он услышал крик. Кто-то выкрикивал его имя. Кто-то звал его.

Но Амброжу было не до того — он никак не мог управиться с плотом. Течение, закружив, потащило его...

Крик прилетел от мельницы.

Яна Зезулова с мужем добрались туда, когда все в молчаливом ожидании столпились у стены. Бур заклинило, острое наткнулось на что-то твердое. Молодой рабочий схватил кирку и проломил кирпичную кладку. Из замурованного тайника вывалилась солдатская винтовка. Люди передавали ее из рук в руки беспокойно и лихорадочно, как будто холодный металл жег им кожу. Наконец Трояк подавленно прошептал:

— Значит, тогда стрелял мельник!

Кришпин, соглашаясь, кивнул головой.

Кузня по соседству, уже без крыши, с оголенной кирпичной трубой, упершейся в небо восклицательным знаком, вдруг заставила их содрогнуться. Впервые за долгие годы мужики глядели в ее сторону без обычной укоризны и сомнений.

Яна кинулась к родному дому. Трояк и молодой рабочий следом.

— Отец! Амброж! Погоди...

...Плот наконец выбрался на стремнину. Амброж едва успел вскочить на бревно и вцепиться в кормило. У него не было времени думать о своей усталости. Берега уже мчались назад, и сбитые наспех бревна то поднимались, то бились о камни порогов... Грохот воды все усиливался. Ноги обдавало холодом.

Плот ритмично качало. Амброж привычно налег грудью на руль, ему хотелось кричать и петь от счастья. Ведь он плыл! И ему было теперь безразлично, что в порывах ветра, в шуме и шлепках воды он слышит женский голос и крики мужчин. Он не обернулся. Он плывет! Какая радость! Амброж вспомнил Марию и Аду Баса. Так или иначе, невзирая ни на каких кришпинов, радимов и прочих, кто усложняет нашу жизнь, она идет вперед своим чередом. «Мне повезло, я знавал и порядочных людей!.. Разве без них мне удалось бы это сделать?!» Амброж поглядел на крутые берега и представил себе, до какой отметины будущей весной поднимется вода. Дружески помахал чайкам, сопровождавшим его, словно белый торжественный эскорт.

Солнце в тот вечер село в тучи. Ласточки носились над самой землей, и каждый звук в предвечерней долине предвещал дождь.

В ресторане «На смотровой площадке» стояла непривычная тишина. Всем казалось, что их подвели, надули. Но никто даже не пытался свалить вину на обманчивый бег времени. Томительное чувство, навалившееся на них, пришло совсем из иного мира, где нет места будничным заботам об автомобилях, домах, деньгах и повседневной суете...

Молодой археолог уже знал, что стряслось пополудни у реки. Мужчины сконфуженно переговаривались, обсуждая происшедшее. Кришпин то и дело повторял, к чему, мол,

было Амброжу спускаться по реке на плоту. Опять все у него не как у людей...

— Ну, скажи! Ты ученый человек, должен и в этом разбираться!

Очкарик молчал. Он понимал Амброжа по-своему: у старика, должно быть, совсем иные интересы в жизни, и нет ему дела до чужого мнения, болтовни и пересудов. А люди легковверны, и теперь им стыдно. Но археолог видел также, что, еще вчера злобствуя, сегодня они завидуют Амброжу...

— Откуда только в нем силенки взялись?

— Чего-чего, а силы ему всегда было не занимать стати!

— Еще и на баб оставалось...— хмыкнул Трояк, и все захохотали. Один лишь Кришпин сидел уныло и казался сломленным. В нем вдруг что-то погасло.

Археолог встал, и все, оторопев, увидали, как он вдруг молча выложил на пивную стойку сберегательную книжку. Яна открыла ее и обомлела. С минуту она тупо глядела перед собой, потом молча протянула книжку через плечо своему мужу и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Радим Зезула долго молчал, потом откупорил бутылку самого дорогого коньяка и дрожащими руками стал разливать по рюмкам.

— Сегодня я угощаю! Пьем! Все! — крикнул он, но голос его прозвучал неуверенно и глухо.

— За то, чтобы Амброж счастливо добрался! — сказал Трояк, и остальные согласно закивали головами. Они представляли себе не-

равную борьбу старого человека с коварной рекой, которая может и лягнуть, и подстроить каверзу от одной только злости, что ее извечный путь по низине вот-вот окончится. Водохранилище, затопив низину, раз и навсегда окоротит ее норы. И унесет красоту...

За большими окнами ресторана опускалась беззвездная ночь.

Впрочем, ночные птицы охотятся и в крошечной тьме.

В СЕРИИ «СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПОВЕСТЬ»

Вышли в свет:

Е н ё Й. Тершанский. Приключения карандаша. Приключения тележки (Венгрия)
А. Бундестам. Пропасть (Финляндия)
У. Бехер. В начале пятого (ФРГ)
Р. Прайс. Долгая и счастливая жизнь (США)
Д. Бруно мантини. Небо над трибунами (Италия)
В. Кубацкий. Грустная Венеция (Польша)
Ж. К. Пирес. Гость Иова (Португалия)
П. Себерг. Пастыри (Дания)
Г. Маркес. Полковнику никто не пишет. Палаа листва (Колумбия)
Э. Галгоци. На полпути (Венгрия)
Т. Стиген. На пути к границе (Норвегия)
Ф. Бебей. Сын Агаты Модию (Камерун)
М. Коссио Вудворд. Земля Сахария (Куба)
Р. Клысь. Какаду (Польша)
А. Ла Гума. В конце сезона туманов (ЮАР)
Я. Сигурдардоттир. Песнь одного дня (Исландия)
Г. Сээди. Страх (Иран)
Т. Недреос. В следую-

щее новолуние (Норвегия)
Д. Болдуин. Если Бийл-стрит могла бы заговорить (США)
Ф. Сэборг. Свободный торговец (Дания)
К. Схуман. В родную страну (ЮАР)
М. Сюзини. Такой была наша любовь (Франция)
П. Вежинов. Барьер (Болгария)
Мо Мо Инья. Кто мне поможет? (Бирма)
Э. Базен. И огонь пожирает огонь (Франция)
К. Нёстлингер. Илза Янда, лет — четырнадцать (Австрия)
М. Абдель-Вали. Сана — открытый город (Йемен)
Т. Дерри. Милый бо-пэри.. (Венгрия)
С. Мукерджи. Куда ведут дороги... (Индия)
Г. Фукс. Мужчина на всю жизнь (ФРГ)
Э. Урикару. Антония (Румыния)
Д. Мфууйу. Унижение (Конго)
Г. Гёрлих. Извещение в газете (ГДР)
И. Умару. Крупным планом (Нигер)
Р. Буджедра. Идеальное место для убийства (Алжир)

Петр Павлик

РЕКА

ИБ № 2404

Редактор Л. П. Ермилова

Художник А. И. Козановский

Художественный редактор А. Н. Алтунин

Технический редактор О. Ю. Коган

Корректор В. Ф. Пестова

Сдано в набор 20.08.85. Подписано в печать 03.02.86. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Услови. печ. л. 8,48. Усл. кр.-отт. 17,11. Уч.-изд. л. 8,05. Тираж 50 000 экз. Заказ № 857. Цена 90 к. Изд. № 2282.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119859, Zubovskiy bul'var, 17.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Можайск, 143200, ул. Мира, 93.

